

18+

Константин Максимов

ИГРА ЗНАМЁНАМИ

Часть первая: «Крамола земная»

Константин Максимов

**Игра знамёнами. Часть
первая: «Крамола земная»**

«Издательские решения»

Максимов К.

Игра знамёнами. Часть первая: «Крамола земная» /
К. Максимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531118-4

«Игра знамёнами» — это наш, русский ответ «Песне льда и огня». Только события «Игры» происходят в мире реальном — на Руси эпохи раннего средневековья. Где в это время гремели битвы, заключались союзы и плелись интриги, своим размахом не уступающие европейским и мировым аналогам. Причём на страницах «Игры» бок о бок с реальными историческими деятелями ту же историю творят люди, не попавшие на страницы учебников, зато оставившие свой след в народном фольклоре — в сказках, преданиях и былинах.

ISBN 978-5-00-531118-4

© Максимов К.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	53
Глава 2	108
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Игра знамёнами

Часть первая: «Крамола земная»

Константин Максимов

© Константин Максимов, 2021

ISBN 978-5-0053-1118-4 (т. 1)

ISBN 978-5-0053-1119-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог «Воля богов»

Ранняя зима. Берег реки Черёха

Большой аспидно-чёрный ворон парил по глади хмурого зимнего неба. На его перьях, подобных в своей темноте самой ночи, словно фонарики светляков, плясали тусклые отблески лучей дневного светила. Внизу, под его крыльями, на дни пути вокруг расстилась бурая лесная равнина, прорезанная по середине светлой полосой замёрзшей реки. В схожих своей глубиной с человеческими глазами птицы отражались бесконечные ряды голых буков, грабов и клёнов, среди которых изредка мелькали проплешины полей и островки ещё зелёных елей.

Мелькал в зрачках ворона и медленно ползущий по речному льду гигантский пёстрый змей. Сама подобная потоку, только не воды, а чего-то другого, огромная неповоротливая рептилия занимала собой целое поприще, повторяя изгибами тела все повороты русла.

Небесный наблюдатель то скрывался меж мохнатых облаков, то выныривал на свободное пространство. Но и там разглядеть его с земли мог, пожалуй, только самый острый глаз.

Какой был у огненноволосого всадника, который стоял на вершине угнездившегося прямо посреди речной излучины невысокого холма.

Могучая ладонь прикрывала смарагдовые очи, внимательно осматривавшие и реку, и ползущего по ней гигантского гада, и всё остальное, происходящее в этой части подлунного мира. Ржавые усы подковой нависали над сурово сжатыми губами и гладко выскобленным подбородком. Густая красная грива волос ниспадала на отороченный горностаем синий плащ-мятель, выдававший в своём хозяине знатного мужа. Подтверждал такую принадлежность и торчавший из-за плеча всадника черен полутораручного меча-бастарда. Довершали образ поблёскивавшие на шее золотой оберег-лунница с изображением двух главных небесных светил и всевидящего ока, и золотой же перстень-печатка на пальце. Восседал муж на крепком жеребце, серебристой «мышастой» масти. Тот пофыркивал, и норовил стронуться с места. Его приходилось то и дело смирять шенкелями и одёргивать за повод.

Чёрную птицу в небе этот суровый витязь мог найти с одного полувзгляда. Поскольку знал, где искать. Ворон повсюду сопровождал князя – а это был именно князь – вот уже несколько лет. С того самого дня, когда тот впервые побывал в пещере великого волхва, слава о мудрости которого гремела по всем полуночным землям.

Он до сих пор отчётливо помнил мгновенно впившиеся в него пронзительные карие очи жреца, больше похожие не на глаза живого существа, а на два бездонных колодца.

Они полностью парализовали его разум, а тело сделали недвижимым и беспомощным. В их глубине – на самом доньшке – плескались сполохи яростного белого огня, который, казалось, способен был без остатка выжечь всю его душу. Но отчего-то этого не делал.

Воспоминание о том взгляде до сих пор заставляло могучего князя ёжиться, словно от лютого мороза. Суровый пепельноволосый старик заглянул тогда буквально во все закоулки его памяти, не упустив ни одного воспоминания. Даже самого стыдного. Однако не обнаружив ничего, что могло бы помешать делу, волхв смягчился и благословил своего новоявленного ученика на великое бремя. Которое тот нёс и сейчас.

После той встречи у него и появился крылатый спутник. И князь подспудно чувствовал: если знакомая аспидно-чёрная точка на привычном месте – в зените над его головой – он на верном пути.

Но сейчас небесный вестник мало его интересовал. Всё внимание смарагдовых глаз было обращено на ползущее чудище и реку, по льду которой оно распласталось. Князь отсюда разли-

чал каждую из чешуек на спине рептилии. Все они жили своей жизнью, не переставая при этом быть единым организмом. На голове змея, давно уползшей за поворот, чешуи лепились редко, при этом далеко отстояли друг от друга. На теле они держались плотнее, но делились на два больших потока – один был заметно толще, и занимал добрую половину русла, другой – поуже, и «скромно» двигался с краю. В хвосте пресмыкающегося, уже огибавшем холм на котором стоял князь, собрались самые крупные чешуйки.

Разглядев всё, что ему было нужно, князь дал волю жеребцу. Тот с готовностью устремился вниз. Причём для спуска умный зверь выбрал самый пологий, и, соответственно, самый длинный путь, уводящий в сторону от змея. Но князь, сжав могучими стёгнами мышастые бока, направил коня по обрывистому склону – прямо в сторону чудища. Тот обиженно всхрапнул, но не посмел противиться. Подкованные копыта без труда взломали тонкую ледяную корку, покрывавшую залежи палой листвы, и принялись месить кашу, в которую те успели превратиться.

Несколько раз всаднику пришлось продирались через заросли дикой вишни-черёхи, обильно усеивавшей всю речную террасу. Упругие ветви цепляли полы плаща и волосы князя. Одна даже хлестнула по лицу. Он поймал её рукой, сорвал несколько подмёрзших ягод и закинул их в рот.

Чуть кисловатая сладость приятно пощекотала нёбо.

Старики говорили, что раньше черёха на Полуночи не росла. Повстречать её можно было только в Полуденных землях – за Большим водоразделом, или на закате – в варварских княжествах. Однако, если их послушать, раньше и зимы были длиннее, и морозы злее – из дома на улицу нельзя было выйти, не надев тёплой шубы, печи топили ради тепла, а не для готовки, а в самую сильную стужу птицы замерзали прямо на лету.

Князь, помимо воли, снова нашёл глазами ворона в небе. Стариковским рассказам он не очень-то доверял. Сколько себя помнил, зимой на улице он никогда не мёрз без меховой одежды, на печах только варили, тушили и жарили, а птицы спокойно бороздили небосвод. А черёха всегда росла вдоль берегов рек. Этой, вон – даже дала своё имя.

Прожевав ягоды, князь сплюнул косточки на землю.

Склон закончился, и конь вынес всадника на пологий речной берег.

С каждым взмахом копыт, по мере приближения к змею, чешуйки монстра всё дальше расходились друг от друга, а казавшееся сверху монолитным, тело всё больше расплзлось на отдельные частицы. Когда же, наконец, мышастый жеребец выехал на лёд, ползущая масса и вовсе перестала походить на чудище, и обернулась тем, чем и была на самом деле – движущимся по реке войском.

Оно шло обычным походным порядком. В хвосте тащилось несколько дюжин больших обозных саней, до верху набитых бочонками, мешками и людьми. Повозки были прочные, с высокими бортами. Их влекли мощные кони-тяжеловозы, на ходу хрупавшие овёс из подвешенных к их мордам торб, тут же обильно унавоживая за собой речной лёд. Обоз прикрывал отряд в три десятка конных кметей, облачённых в лёгкие кожаные доспехи, крытые бляшками из коровьих копыт, и открытые степные шеломы. Из вооружения у них были дротики-сулицы, лёгкие мечи и снаряженные к бою длинные луки.

Князь прищепил коня и погнал его в сторону обоза. От копыт поднимались облачка ледяной крошки, искрящиеся в лучах зимнего солнца всеми цветами радуги.

Вои сторожи, оглушённые шумом обоза, заметили князя, только когда тот был всего в нескольких саженьях. Молодой безусый кметь рванул лук из чехла, и даже успел наложить на него стрелу. Но его остановил суровый окрик полусотника, у которого на шейном монисте висели два малых шеляга – серебряные монеты-похвалы, которыми награждали за доблесть.

– Стой, Кисляк, растудыть твою! Это ж князь!

Юнец пристыжено всунул оружие обратно и вскинул руку в кожаной перчатке без пальцев в традиционном приветствии – поднял к виску ладонью вперёд. Его жест повторили все кмети. Князь небрежно кивнул им и промчался мимо, не удержавшись от того, чтобы не поддеть старшего.

– Он то был готов к бою. В отличие от тебя.

Полусотник что-то пробурчал себе под нос про рыжих колдунов, которые отводят глаза честным воям.

Но князь его уже не слышал. Он мчался дальше.

В этом месте река описывала крутую петлю. Чтобы не делать вслед за обозом крюк в несколько стрелищ, всадник взлетел вверх по склону – на небольшую седловину. Там ему снова пришлось продираться через густые заросли черёхи. Зато когда жеребец опять вынес своего седока на лёд, они оказались в самой голове обоза.

Впереди которого плотным строем резво бежали на снегоступах примерно три сотни охотчих людей. Это были жители лесных городищ и весей, попавшихся войску по дороге несколько дней назад. Приставшие в надежде поживиться. Вои из лесовиков, правда, были не ахти – хороши только против таких же как они неумех, но зато весьма полезные в разведке, защите обоза и на земляных работах. К тому же уроженцы Кудевери – местности, через которую прошло войско – славились умением ловко ходить на снегоступах, меткостью лучного боя и стойкой нелюбовью к жителям города Плескова, против которого был нацелен этот поход.

Все охотники поголовно носили берестяные личины, вырезанные в виде разных звериных морд, которые не снимали даже сейчас – в походе, отчего походили на бегущее стадо припешников какого-нибудь дремучего лесного бога. А ещё они не переставая жевали «серу» – смесь смолы и воска с какими-то пахучими травами, и при этом беспрерывно отплёвывались. Оттого лёд за ними был буквально усеян жёлтыми пятнами. Насколько князь помнил, это было нечто вроде своеобразного ритуала общения с душами предков, коими те почитали деревья. Хотя он мог и ошибаться – его не очень интересовали дикарские верования.

Кудеверские мужи оказались куда менее сдержанными на язык, чем дружинные – при виде князя тут же принялись судачить на своём забавном цокающем наречии – обсуждать, куда, по их мнению, он ездил.

– Цародеил небось.

– Богов цлусал.

– Удацю ворозил, колдун рызий.

Предположения высказывались таким громовым шёпотом, что их не услышал бы только глухой. Князь же только усмехнулся в усы – поди ещё разбери под личинами – кто там что болтает! Да и что взять с этих лесовиков, если они деревьям поклоняются? – и поскакал дальше – к телу «змеи».

За его спиной выросли два всадника – оба могучие гридни, полностью снаряженные к бою.

Князь даже не оглянулся – на своих телохранителей он давно привык не обращать внимания. Отличал друг от друга только по большому рваному шраму на щеке одного из них, мысленно называя одного «чистый», а второго – «меченый». Оставленные у подножия холма, с которого он смотрел на «змею», из-за неожиданного рывка своего подопечного вниз по обрывистому склону, они на какое-то время потеряли из виду. Но совсем ненадолго – к подобным выходкам вои давно привыкли – князь пользовался любым удобным случаем, чтобы избавиться от их общества, поэтому всегда были начеку.

Маленькая кавалькада достигла главных сил войска. Это была лучшая дружина – три дюжины витязей и почти две сотни отборных гридней, вольготно растёкшихся по реке длинной нестройной колонной. От разноцветных накидок и попон сразу зарябило в глазах. Дружинники

весело перекликались, сыпали солёными шутками, хохотали и громко хвастали, кто больше награбит в Плескове, когда его захватят. Иные громко декламировали вирши.

Справа от главной колонны «скромно» жалась к берегу другая, поменьше. Это ехали отроки, ведущие в поводу боевых коней старших товарищей. Эти тоже хвастали – кто из них быстрее станет настоящим воем.

Князь пришпорил мышастого и устремился в проход между колоннами. Отроки при виде него зашушукались – не хуже кудеверских охотников. Дружинники приветствовали своего предводителя громкими криками, на время прервав разговоры и бахвальство.

Огненноволосый всадник промчался напрямик к большому трёххвостому стягу, колыхавшемуся в голове колонны. На его серебряно-синем полотнище пластался в прыжке рыжий лесной волк, пытавшийся ухватить клыками сокола-тризуба в правом верхнем углу. Точно такие же знаки были вырезаны на кольце-печатке, украшавшем безымянный перст княжеской десницы.

Рядом с большим знаменем на ветру трепетал малый однохвостый прапорец цианово-синей расцветки, по центру которого красовалась сжимаемая огромным кулаком здоровенная двусторонняя секира. Этот стяг везли следом за кряжистым сивоусым боярином, восседавшим на не менее кряжистом гнедом жеребце. Прапор принадлежал ему – первому воеводе княжеской дружины. Трёххвостый стяг – самому князю.

– Что говорят боги, Всеслав? – пробасил боярин вместо приветствия.

– Они на нашей стороне, Военг – усмехнулся тот в ответ.

Всё войско – в том числе ближние бояре – и даже собственные телохранители – были уверены, что князь умеет ворожить, и даже – напрямую говорить с богами. Тот не спорил. Главное, что бы такие слухи шли на пользу дела.

– Что доносит разведка?

– Пока всё спокойно.

Князь кивнул, дал шпоры коню и поскакал дальше.

Тут же, наперерез ему, изо всех сил понукая смирную чалую кобылу, устремился облачённый в просторные светлые одежды молодой жрец-бард с тонким породистым лицом, обрамлённым роскошной золотистой гривой волос.

Этим металлом тот был буквально осыпан с головы до ног. Им тускло отсверкивали толстые браслеты на запястьях, перстни на пальцах, целый пучок ожерелий на шее, серьги в ушах. Чело певца и вовсе венчала тончайшей работы диадема, в которую был вделан огромный smaragd, готовый посоперничать своей чистотой даже с очами князя! Через плечо барда свисало главное его «оружие» – изящные гусли красного дерева, богато инкрустированные серебром.

Ну хоть что-то у него не из золота!

– Князь, разреши мне сопровождать тебя! Я не мог наблюдать, как ты общаешься с богами. Позволь же увидеть, как ты повелеваешь людьми!

Всеслав поморщился.

Этого барда он недолюбливал с самого первого дня их знакомства. Уж очень слабо его совсем не воинственный вид вязался с образом могучего неодолимого витязя, который тот создал из князя в собственных песнях. Да ещё и этот его всегдашний нелепый пафос...

Но поделаться с этим ничего была нельзя – виршеплёта ему навязал сам великий волхв. Как он заверил – для пользы общего дела.

Князь едва заметно кивнул головой – сопровождай, мол, и продолжил путь, понуждая коня перейти из рыси в намёт. Жрец обрадовано последовал за ним, нещадно охаживая бока чалой кобылы каблучками щегольских сафьяновых сапожек.

Маленькая кавалькада приблизилась к «голове» змея.

Та состояла из трёх неравных частей: передового отряда в несколько десятков легковооружённых кметей, гарцевавших далеко впереди – на самом пределе видимости, сил подмены –

полусотни воев, ехавших чуть ближе, и так называемого оплота «чела» – нескольких дюжин крепких мужей, которые, в случае необходимости, могли бы принять на себя первый удар. Между отрядами сновало неизвестное число отроков с заводными лошадьми в поводу. Все остальные силы были рассыпаны по окрестностям густой сетью разездов.

Составляли «голову» войска исключительно вои первой княжеской дружины, вооружённые так, чтобы в случае нужды легко вступить в бой, и так же легко из него выйти – примерно так же, как и охрана обоза.

Над «оплотом» трепыхался двухвостый цианово-синий стяг. В центре его был вышит пень с воткнутом в него ножом. В правом верхнем углу – так же как на знамени князя – парил сокол-тризуб.

Здесь вои тоже громко обсуждали будущую добычу и свою в ней долю. При виде князя почти одновременно вздёрнули руки в приветствии.

– Где княжич? – спросил тот, осадив коня.

Молодой сотник с золотой монетой-рыжухой на шейном монисте поднял руку с плетью, указывая вперёд.

Князь повернул голову и удивлённо сморгнул – по льду реки, в том месте, где только что никого не было, в его сторону мчался лихой всадник на сером в яблоках коне. Встречный ветер трепал его длинные волосы цвета воронова крыла и край синего, как и у князя, мятеля.

Чёрные волосы и синие глаза.

Сколько князь себя помнил, у всех его детей, и от жён, и от наложниц, и от случайных связей со служанками или дворовыми девками, всегда были огненные, или, по крайней мере, рыжеватые волосы и зелёные глаза.

Этот же, видимо пошёл в мать.

Какие у неё были глаза и волосы? Князь, как ни старался, не мог этого вспомнить.

Та связь стала для него искупительной жертвой. Платой за собственное рождение. Эту историю он помнил наизусть с самого детства.

Его отец и мать никак не могли зачать ребёнка. Не помогали ни лучшие знахари, ни богатые жертвы богам. Тогда объявился в княжестве тёмный волхв, который обещал помочь, но требовал взамен кровь будущего сына, когда тот подрастёт. Отчаявшиеся князь с княгиней согласились на это. Жрец провёл над женой правителя тайный ритуал, после чего та наконец-то понесла. Радости будущих родителей не было предела. Следующие девять лун волхв проводил с княгиней почти всё время. Совершал непонятные обряды, поил её странными настоями, пока она не произвела на свет крепкого мальчика. Который родился абсолютно здоровым, да ещё и в рубашке.

Новоиспечённый отец отвалил волхву полный кошель золота и закатил пир на весь мир, на котором угостились едва ли не все жители княжества. Ту гулянку многие помнили до сих пор. Она стала настоящей притчей во языцех и её часто приводили в пример, когда обсуждали другие праздники – «мол, разве это пир? – то ли дело, когда князь за наследника угощал».

Когда же, наконец, празднование закончилось и князь начал приходить в себя, в его похмельную голову стало закрадываться подозрение о смысле условия, которое поставил жрец. Он приказал доставить его к себе, чтобы порасспросить как следует. Однако тот как будто предвидел такую развязку и во время праздника пропал в неизвестном направлении.

Князь приказал разыскать его, во что бы то ни стало, и пообещал за это награду. Доброхоты обыскали всё княжество и даже некоторые соседние, но волхв как сквозь землю провалился.

А вскоре князю стало не до этого. Его жена, не вынеся тягот вынашивания и рождения сына, расхворалась и начала чахнуть. А через несколько месяцев и вовсе отдала душу богам. Он же любил её так сильно, что не стал брать себе других жён. Единственного сына он окружил заботой и вниманием. А всем своим приближённым строго настрого приказал не допускать

до него волхвов – ближе чем на выстрел из доброго степного лука. Эта заповедь долгое время строго исполнялась. До тех пор, пока через несколько лет князь не простудился на охоте. После чего слёг и вскоре отправился на погребальный костёр.

Княжеством долгое время верховодили ближние бояре. Которые не уделяли охране наследника стола много внимания – у мальчика осталось только два постоянных телохранителя. А ещё – подспудная боязнь всех волхвов.

Со временем та, правда, начала отступать. Детские переживания постепенно затмевали взрослые забавы – охоты, скачки, пирушки и развлечения с девками. О кровном долге он почти забыл. О нём напоминала только рубашка, в которой он родился – юный князь всё время носил её в обереге-луннице на шее, который не снимал даже в бане.

А однажды он навсегда переменял своё мнение о волхвах.

Тогда юный князь в очередной раз оставил далеко позади свою охрану и ускакал глубоко в лес. И хотя ехал он в привычном направлении, жеребец неожиданно вынес его на обширную поляну, которой он раньше здесь не находил. Та казалась почти целиком пурпурной из-за густых зарослей кипрея. Посреди мрачным исполином возвышались пирамида старого капища. Серый камень гигантских плит, из которых его сложили древние строители, был едва различим под бурной порослью мха и лишайника.

Перед входом в дольмен стоял человек в просторных светлых одеждах. Его длинные седые космы, усы и борода трепыхались как будто на сильном ветру, хотя князь не чувствовал ни единого дуновения. Один глаз незнакомца был закрыт тёмной повязкой, второй был абсолютно чёрным, словно один гигантский зрачок – без белка и радужки. Его он сразу вперил в юношу. Тот почувствовал, как от этого взгляда слабеют члены, и отнимается воля. Князь испуганно ухватился за оберег. Однако затем, повинувшись молчаливому приказу страшного oka, которому нельзя было не повиноваться, слез с коня и подошёл к старику. Тот указал ему на вход в капище.

Из круглой дыры, как из чёрного разверзнутого рта покойника, дохнуло потусторонним холодом. Юноша остановился и снова схватился за оберег. Волхв – а судя по описаниям, которые князь слышал раньше, это был именно он – усмехнулся, как будто прочитал его мысли.

– Не бойся, князь – подбодрил он. – Я не буду брать всю твою кровь. Тебе немного останется.

Под действием гипнотического взгляда юноша снова победил страх и шагнул внутрь. За узким ходом открылось полутёмное помещение. Виден был только большой алтарь, по периметру которого тускло горели несколько благовонных курительниц. На камне, широко раскинув руки и ноги, лежала красивая голая девка. Какие у неё были глаза и волосы, князь давно уже не помнил. Всё что осталось в памяти о той встрече, это неугасимый жар её лона, и слова, которые чуть слышно произнёс жрец, после того как он спустил порты и бросился «в бой».

– Всего лишь человек. Что с него взять?

Когда он закончил своё дело, старик проводил его к выходу и отдал молчаливый приказ уезжать. Юный князь повиновался.

Больше ни этого волхва, ни ту девку он не видел. И даже почти забыл о произошедшем на кипрейной поляне. Тем более что телохранители тогда почему-то не заметили его длительного отсутствия. А потом он так и не смог её больше отыскать – как будто та ушла под землю.

Со временем князь и сам почти поверил, что ему всё почудились. Он рос и мужал, выполнял свои обязанности, пока не состоялась та самая встреча с великим волхвом. После того как князь прошёл проверку огненным взглядом и получил благословение, волхв представил ему синеглазого юношу с волосами цвета воронова крыла.

– Это твой сын – сказал он тогда. – Его зовут Волх. Он будет тебе верным помощником.

С тех пор княжич всё время был в передовых отрядах его войска. Всегда первым вступал в схватку и последним из неё выходил. Его летучий отряд проходил через такие места, куда

не смогла бы прорваться и самая могучая дружина. Он неожиданно появлялся там, откуда его не ждали, наносил врагу тяжёлый урон, отступал невредимым и бесследно растворялся в лесах.

За эти умения его побаивались, и втайне считали оборотнем. Ходили слухи, что княжич превращает себя и своих кметей в волков, и проводит их тайными лесными тропами. Тот досужих кривотолков не опровергал. Даже герб себе взял – подтверждающий эти предположения.

Сыновья слава давно могла греметь громче отцовской. Если бы Волх искал любви всех людей, а не только своей дружины. Но она ему была ни к чему. Грозный княжич предпочитал оставаться лишь воеводой передового полка, верной рукой князя. Трепет врагов перед ним только приумножал воинскую славу отца. Которого любили гораздо больше, чем сына, хотя и боялись меньше. Только племенной цвет для своего стяга он взял не по отцу – серебряный, а по матери – циановый.

– Отец и сын – два витязя прекрасных!
Один как солнце! А другой же – словно смоль!
Но оба для врагов они ужасны!
Такие разные, но всяк из них – герой!

Это молодой златовласый бард, вдохновлённый героическим видом Волха, похоже, подобрал удачное сплетение слов, и решил немедленно это всем продемонстрировать. Свой слащавый баритон он сдобрил несколькими трезвучиями на гусях.

Князь очнулся от своих мыслей и с трудом сдержал вспышку раздражения. В отличие от многих, он не понимал красоты виршей. А ещё терпеть не мог неприкрытой лести. Но он снова вовремя вспомнил, что этот щёголь нужен для пользы дела, поэтому не дал воли гневу. Но и никак не выказал одобрения.

В отличие от окружающих. Несколько воев громко восхитились талантом барда.

– Складно врёт гусяр! Хоть и не вой! – похвалил и Волх.

Он осадил своего серого в яблоках перед самым носом отца мышастого жеребца. Оба коня яростно всхрапнули и едва не сцепились в драке. Всадникам пришлось их осаживать и разводить в стороны.

Княжич захохотал, обнажив под чёрной подковой усов два ряда белых зубов. Склонный иногда и сам пошутить и посмеяться, в этот раз князь его веселья не разделил.

– Что говорят дозорные? – спросил он строго.

– Они бают, что нашей былине скоро конец! – ответил княжич своей любимой прибауткой.

– Видели войско?

– Нет, войска не видели. Но видели человека, который видел это войско.

Князь воодушевился – сын принёс долгожданную весть. Хотя его балагурство сейчас и было неуместно.

– И что он?

– Жив, здоров. Только слегка гузно ушиб.

Князь даже не улыбнулся, хотя все окружающие захохотали.

– Что говорит?

– Говорит, что хочет тебя видеть.

– Где он?

Князь начал терять терпение. Ему сейчас было не до шуток – на кону стоял успех всего дела. Волх это почувствовал и свистнул своим людям.

К ним подъехал кметь, ведущий в поводу серую кобылу, на которой сидел связанный человек. Его руки и ноги были спутаны верёвкой, перехваченной поперёк лошадиного брюха, а на голову надет мешок.

Последний по мановению руки князя с него тут же сорвали. Курносый и красномордый – видимо от удушья – пленник тут же выплюнул собственную бороду, которую кмети использовали вместо кляпа, и принялся судорожно хватать ртом морозный воздух. Отдышавшись, он ещё какое-то время отплёвывался волосами.

– Где его взяли? – спросил князь.

– Ехал один по Дубовой речке. Когда брали, сказал что видел войско.

«Язык» наконец-то отплевался и сразу обратился к князю.

– Княже! Дозволь слово молвить с глазу на глаз.

Князь, недолго думая, взял под уздцы его кобылу и отъехал на несколько шагов. Цвет лица у пленника не менялся – по всей видимости, он был естественным.

– Говори – приказал князь.

– Я Вершок – человек Сбыни – затараторил «язык». – Он велел передать, что всё сделает, как обещал. Войско варягов идёт по Дубовой речке. В полупоприще за мной. Я его целую седмицу ждал, глаз не сомкнул. Обратно ехал – двух лошадей загнал...

– Кто в войске? – перебил князь.

– Варягов тяжелооружных две сотни. Кметей легкооружных три. Столько же охочих людей с Новгорода. Обоз...

– Кто ведёт варягов?

– Сам Маконос Железный ведёт. До боя злой. Рвёт и мечет...

– Магнос? Ты сам его видел?

– Нет княже. Стяг его видел. С воем безголовым.

Князь кивнул, заканчивая разговор с краснорожим Вершком, и громко распорядился отвести пленника в обоз.

– Далеко Дубовая речка? – спросил он у Волха.

– За этой излучиной. В трёх стрелищах. Вон где дубки – Волх указал рукой вперёд, туда где за узкой речной горловиной, к которой они приближались, и вправду виднелись заросли молодого дубняка.

Князь кивнул.

– Веди туда своих. Свяжешь варягов боем на час. Они на подходе. Потом замани их к этой излучине. Здесь оттянешь на себя всю кметь и уведёшь вниз по течению. Дальше мы сами.

– Понял, отец.

Волх дал команду одному из своих воев. Тот поднёс ко рту сигнальный рог и протрубил в него короткий и резкий призыв. К княжичу тотчас подъехали оба его сотника и с полдюжины полусотников. Он отдал несколько коротких приказов, которые те тут же умчались исполнять.

Отрок подвёл княжичу боевого жеребца караковой масти, взамен взмыленного серого в яблоках. Княжич поменял коней, просто перепрыгнув из седла в седло. Другой отрок принял у него мять и помог облачиться в кольчугу. Чёрные кудри скрылись под сарматским шеломом с полумаской и бармицей. Повесив на плечо небольшой круглый щит с железной кромкой и умбоном по центру, Волх отсалютовал отцу мечом и был таков.

Князь принялся раздавать распоряжения. Оглашать их по войску помчались несколько гонцов. По сигналу рога вои большого полка, как раз достигшие места, где остановился их предводитель, прекратили движение и начали несуетливо готовиться к бою. Не переставая при этом хохмить и хвастать.

Подъехал и набольший воевода. Князь в нескольких словах изложил ему свой план предстоящего боя. Военег потерял отвислый сивый ус и скептически хмыкнул.

– Обозников и охочих вперёд, говоришь? Варяги же их сметут. Не успеем и оглянуться.

– Смести то сметут, но на санях задержатся. И с коней слезут. А тут ты и ударишь. Из той лощины – князь махнул рукой в сторону обширной промоины, притулившейся между отро-

гами двух холмов. Её узкая горловина вся поросла черёхой и была почти не заметна со стороны реки – князь разглядел её сверху, когда ездил на холм «говорить с богами».

Внимательно оглядев два крутых холма, плотно стиснувших речное русло, которое в этом месте сужалось до нескольких сажень, боярин ещё раз дёрнул себя за ус и снова не согласился.

– Без поддержки долго не задержат. Надо им в помощь воев поставить. Сотню, не меньше. Теперь князь задумался. Правда, ненадолго.

– Сотню много. Три десятка. И я сам с ними встану.

Боярин от удивления едва не оторвал себе ус.

– Твой отец никогда бы так не поступил!

– Я – не мой отец! – вспыхнул князь.

Боярин не испугался, но и спорить больше не стал.

– Добро. Будь по-твоему. Только теперь ты этого убеди.

Он кивнул в сторону подбегавшего к ним на снегоступах предводителя кудеверских охотников. Это был кряжистый коренастый муж по имени Выич, прозванный так за могучую, почти бычью шею. Кроме неё он обладал непомерной силищей – при ходьбе вместо палки опирался на здоровенную дубину, а также – как выяснилось, едва он поднял свою берестяную личину – щербатым ртом, кривым носом, длинной грязной бородащей и несносным нравом.

Который тут же и продемонстрировал. Едва успев сплюнуть на лёд комок «серы», сразу полез с обвинениями.

– Цто, княз, хочес нас вперёд поставить?! – Это цтобы нам добычи меньше досталось?!

Его дерзость заставила князя гневно нахмурить рыжие брови. Один из его телохранителей на всякий случай даже заехал Выичу за спину.

– А я смотрю, вы хотели отсидеться за чужими спинами? – прозвучал гневный ответ. – Пограбить всласть, и руку к победе не приложить?

Выич даже подпрыгнул от несправедливости сказанного.

– Да цто ты, князе! Кудеверцици завсегда за добыщу храбро сразались! Но вперёд нас зацем цтавить? Конные кмецы враз стопцют! За так головы класць не хотим!

Глупость этого замшелого лесного пня всколыхнула тоненький ручеек раздражения, уже долгое время потихоньку точивший плотину княжеского спокойствия и начала обращать его в мощный поток.

Воевода, видя, что ещё чуть-чуть и князь даст волю гневу, поспешил прийти ему на помощь.

– Ты не прав, Выич! – пробасил он успокаивающе. – Ваши головы князь зазря класть не будет. Поставим в этой горловине два ряда саней – боярин указал рукой в сторону холмов – вы на них и встанете с обозниками. Нам главное чтоб твои вои варягов заставили с коней слезть, да за собой погнаться. А там надевайте свои снегоступы и бегите быстрее, чтобы не догнали. Дальше уж мы дело закончим.

Польщенный тем, что его сиволапых лесовиков назвали воями, Выич задумчиво поскоблил затылок. Потом долго и сосредоточенно расчесывал бороду пятернёй.

– Ну, коли так – пробурчал он наконец – коли только кмецей спесыть...

– Не только спешить – вставил слово князь – но и задержать ненадолго.

Выич снова задумался.

– На сколько задержать?

Теперь князю пришлось поразмыслить, чтобы подобрать понятную для лесовика временную единицу.

– Пол рта серы разжевать – наконец сказал он.

– Долго княз. Не продержимся. Это же не в засаде стояць!

Князь с трудом подавил очередную вспышку гнева.

– Людей обмануть можно, лесной муж, – богов нет. Я сам буду с вами. И три десятка воев. Продержимся.

Выич выпучил на него глаза, сглотнул и прекратил, наконец, бессмысленный спор. Даже забыв от удивления закинуть в рот очередной комок серы и опустить личину, он помчался обратно к своим охотникам.

Князь с облегчением вздохнул, и начал облачение к битве. Ему пришлось проделать те же процедуры, что и Волху. Вначале – сменить своего почти загнанного мышастого скакуна на мощного саврасого жеребца, поручив первого шустрому отроку. Затем отдал ему же плащ-мятель и надел вязанные подкольчужник с подшлемником. В саму кольчугу ему пришлось влезать с посторонней помощью – та укрыла его ноги до колена, а руки до локтей. На груди плетёный доспех был усилен несколькими рядами кованых пластин. Потом отроки помогли закрепить на теле наручи и поножи. Затем он водрузил на голову шелом. Тот имел коническую форму, удобную для того чтобы с него соскальзывали вражеские клинки, и был снабжён креплениями для личины и бармицы – кольчужной сетки, защищающей шею. В лобовой части была закреплена золочёная пластина с выбитым на ней гербом князя – волком, хватающим в прыжке сокола. Довершили дело кольчужные рукавицы без пальцев.

Князь оглянулся. Его ожидали три десятка кметей, вызвавшиеся вместе с ним оборонять укрепление из саней. Возглавлял воев тот самый пристыженный им полусотник из тылового отряда, с двумя шелягами на шее. Был среди них и молодой вой, по имени Кисляк, едва не саданувший в него из лука.

Гридни большого полка, тоже завершившие боевое облачение, ведомые Военегом уже вытягивались в ложину, где им предстояло стоять в засаде.

Между двумя отрядами: большим – уходящим в лес, и малым – готовящемся к схватке, в недоумении застыл на своей кобыле златовласый бард. Его сомнения легко читались на растерянном лице. С большим полком, конечно, было безопаснее. Но ведь он сам напросился сопровождать князя, а тот только что выказал явное намерение залезть в самую гущу боя. А соваться туда виршеплёту явно не хотелось. Хотя его, как невою, специально рубить никто бы не стал.

Князю самому не улыбалось всё время приглядывать за этим хлыщом, и он решил подтолкнуть того нужную сторону.

– Боян! – крикнул он барду – Ты не знал что боярин Военег твой большой поклонник?! И ещё не слышал новую песнь. Если тебя, не дайте боги, убьют или захватят в полон, он себе этого не простит!

Повод был более чем глупый – вся дружина знала, что набольший воевода в словоплетении – дуб дубом. Но придумывать что-нибудь получше у князя не было ни времени, ни желания. Однако жрец не стал особо привередничать, и поспешил воспользоваться представившейся ему возможностью. Развернул свою кобылу и погнал её следом за гриднями, нещадно охаживая каблуками лошадиные бока.

В спину ему раздалось несколько смешков. Князь с облегчением вздохнул и повернулся к своим кметям.

– Ну что, Кисляк – спросил он молодого воя – ты всё ещё хочешь сделать во мне дыру? Все захохотали. Кметь снова смутился.

– Что ты князь – ответил он – мой лук разит только твоих врагов.

– И где ему уже доводилось это делать?

– Я был с тобой в прошлом походе на Плесков. И сшиб со стен полдюжины воев.

– Тогда почему у тебя пустое монисто? – удивился князь. – Или твои похвалы забирает десятник?

Тот в чью сторону прозвучало шуточное обвинение, даже поперхнулся.

– Что ты, княже! – поспешил защитить его Кисляк. – В прошлый поход я уходил отроком, а вернулся кметем. Это он меня опоясал.

Князь понял, что в попытке сострить перегнул палку.

– Хорошо себя покажешь в этом бою – пообещал он – Получишь похвалу.

Его отряд занял позиции возле наскоро возведённого укрепления из нескольких десятков саней, перекрывшего реку меж двух обрывистых берегов. Обозники укрепляли на бортах, смотрящих в сторону противника, широкие осадные щиты. К другим – обращённым в тыл – подводили дощатые настилы. Кудеверские мужи тоже готовились к бою – натягивали на свои луки тетивы и смазывали снегоступы салом. А также не переставая болтали, громко чавкали и отплёвывались «серой» через дырки в личинах.

Громче всех шумел Выич. Он носился вдоль укрепления туда-сюда и непрерывно раздавал указания. Суеты не прервало и появление князя.

Она стихла, только когда у саней появился походный волхв – косматый старик с подпалинами в пегой бороде и полубезумным взглядом. Он явно уже принял изрядную порцию сушёных мухоморов, чтобы войти в молитвенный транс. Его помощник – юный безусый отрок нёс за ним разожжённую курительницу. В руках у жреца был большой бубен с брекотушками. На его потёртой серой коже ярким пятном выделялась косая реза «У», символизирующая доблесть в бою.

Буммм! – протяжно грохнул бубен о костистый кулак волхва.

Дзвинь, дзвинь, тра-ка-та! – откликнулись брекотушки на его ободу.

– Бо-о-оги-и-и! – задрезжал старческий надтреснутый дискант.

Волхв затянул песню на тайном языке, грубом и оглушающем, как удар дубиной по голове. Пританцовывая и не переставая камлать, он двинулся вдоль укрепления. Обозники и кудеверичи на время бросили работу и выстроились в одну длинную шеренгу. Их лица стали очень серьёзными.

Неужто они в своих лесах не только деревьям молятся?

Песня, как и положена походной молитве, закончилась довольно быстро – когда жрец дошёл до конца санного ряда. Старик взял у помощника кадило и заковылял обратно, благословляя всех именем богов и окуривая лица воев благовонным чадом.

Князь тоже вдохнул сладкий, немного дурманящий дым, и тот удивительным образом прояснил мысли у него в голове и обострил все чувства.

Он ещё раз посмотрел на реку перед собой и неожиданно всей кожей ощутил приближение опасности. Князь задрал голову вверх. Чёрный ворон всё также парил в небе на привычном месте – в зените над его головой. Значит, пока он делал всё правильно – так как хотят боги.

Где-то вдаль на горизонте собирались в стаю соплеменники крылатого спутника князя. Возможно – чувствовали, что им скоро будет чем поживиться. Но пока опасались подлетать ближе.

Волхв ушёл, и войско замерло в ожидании. В повисшей тишине слышны были только отдалённый вороний грай и редкое фыркание лошадей. Повисшее в воздухе напряжение стало почти осязаемым. Его можно было резать ножом и намазывать на хлеб, словно кисель.

Вои сосредоточенно вглядывались вдаль – туда, где в Черёху впадала Дубовая речка. Когда от накала ожидания уже начало сосать под ложечкой, ушей ратников наконец-то достигли вестники приближающегося боя – дробный стук копыт и характерные щелчки тетив, ударяющихся о кожу перчаток.

А следом за ними из-за поворота появился и сам источник шума – большая группа всадников. Кмети Волха уходили от кого-то быстрым налётом. Из под копыт поднимались облачка ледяной пыли. Над их головами с хищным посвистом пролетали стрелы. Чтобы не служить лёгкими мишенями, вои пригибались к конским выям. Время от времени кто-нибудь из всадников вскидывался и посылал стрелу себе за спину. Княжич шёл одним из последних. Отли-

чить от остальных его можно было по мощному караковому жеребцу, превосходящих других коней в холке почти на пол аршина, да ещё по тому, что перед ним скакал знаменосец с двуххвостым цианово-синим прапорцем.

По рядам княжьего войска прошелестел шепоток. Он тут же отдал приказ всем затаиться. Вои послушно замерли.

Наконец, следом за кметями Волха из-за поворота вынеслись преследователи – такие же легковооружённые вои в кожаных доспехах с пластинками из коровьих копыт и облегченных шеломах. Правда последние были не сарматского, а варяжского типа – с мощными наносниками и скругленные сверху. Преследователей было в полтора раза больше – три сотни против двух. Многие из них стреляли на скаку, азартно опустошая тулы. Но толку от этого не было – не один из отступавших не упал. Правда и ответная стрельба была столь же «эффективной».

Две группы всадников умчались вниз по течению и на какое-то время речной лёд в зоне видимости снова опустел. Однако нарастал новый гул – куда мощнее прежнего.

Князь отдал всем приказ приготовиться.

– Выич! – крикнул он вожаку кудевертичей – сейчас пойдёт гридь. Надо заставить их идти на нас.

– Зделаем, князе! – отозвался тот.

Он дал своим людям команду и несколько бравых мужей поскользили на снегоступах к устью Дубовой речки.

Шум копыт нарастал. Из-за поворота показались те, кого князь и ожидал увидеть – тяжелооружённые всадники. Много – две сотни. Уже готовые к сражению – кони под ними были боевые, а тела укрыты доспехами. Вершок не обманул – вёл их действительно Магнос Железный – над потоком варяжских шлемов колыхался его двуххвостый красно-голубой стяг с чёрным безголовым воем.

Полдюжины кудеверских мужей, успевших пробежать уже сотню сажений, дружно остановились, натянули луки и почти одновременно выстрелили в сторону варягов.

Все стрелы, конечно, пропали даром. Расстояние для слабой охотничьей снасти было слишком большим, чтобы поразить кого-то из гридней. Да и опытных воев лесовики не смогли заставить врасплох.

Но у них и не было такой цели – сумев привлечь к себе внимание, кудеверичи тут же порскнули обратно. Поэтому их не настигли ответные стрелы.

Пробежав половину расстояния до саней, лесовики снова остановились и дружно скинули портки, демонстрируя варягам свои жилистые зады.

Оставить безответным такое оскорбление те уже не смогли – они дружно бросили своих коней в намёт – покарать наглецов. Но кудеверичи снова были таковы. Лишь один, особо неудачливый, замешкался и схлопотал стрелу-срезень с широким месяцевидным наконечником прямиком в ляжку. Слабый ветер донёс до защитников укрепления его вскрик.

С раной в таком месте не то что убежать – выжить было проблематично. Лесовик это сразу понял, поэтому не стал дожидаться, когда его настигнут варяги. Выхватил из-за голенища засапожник и полоснул себя по горлу. Кровь хлынула на лёд широким потоком. Передовой варяг одёрнул своего коня, чтобы тот не поскользнулся в луже.

Остальные застрельщики даже и не пытались помочь земляку – они во всю прыть удирали к своим.

Первая кровь пролилась. И не самым удачным для оборонявшихся образом. Защитники укрепления зашептались. Смысл разговоров можно было понять и не прислушиваясь – такая примета в начале боя ничего хорошего не сулила. Но отступить было уже поздно.

Передовые гридни приблизились к укреплению из саней на безопасное, по их мнению, расстояние – куда не могли достать слабые луки лесовиков. Князь поспешил их разочаровать, отдав приказ своим кметям начать стрельбу.

Вои дружно натянули рога боевых луков и одновременно спустили тетивы. Потом ещё и ещё раз.

Несколько десятков стрел с бронебойными наконечниками хищной стаей обрушились на варягов. Двое тут же рухнули на землю, поражённые в лицо и шею. Ещё пятеро варягов были ранены.

Одна из смертоносных стрел принадлежала Кисляку.

Обозники и кудеверичи обрадовано заорали – первая кровь была оплачена с лихвой – и тоже дали залп из луков. Правда, он получился не таким впечатляющим – многие стрелы не долетели, а долетевшие никого даже не поранили.

Варяги слажено подались назад, уходя из зоны поражения. Лесовики улюлюкали им вслед.

Князь приказал поднять свой стяг – до этого знаменосец держал его параллельно земле – и его рыжий лесной волк заколыхался на свежем ветру, по-прежнему пытаясь ухватить зубами сокола. Теперь варяги знали, кто им противостоит.

После небольшого затишья с их стороны донёсся протяжный звук рога, вызывающий на переговоры. Князь приказал ответить таким же сигналом.

От варяжьего войска отделился всадник, держащий перед собой знак мирных намерений – щит, обращённый внутренней стороной к противнику. Он проехал полпути до укрепления и остановился. По богатым доспехам князь определил, что на переговоры пожаловал сам Магнос.

На встречу к нему мог выехать только равный.

По приказу князя перед ним раздвинули составленные вместе сани. Его саврасый неспешно протрусил в сторону варяга. Два всадника встали друг напротив друга.

Их кони тут же попытались ухватить друг друга зубами, как немногим ранее лошади князя и Волха. Хозяевам пришлось оттягивать им морды за поводья и разводить жеребцов в стороны.

– С чем пожаловал, Магнос? – упредил князь вопрос соперника.

Тот даже поперхнулся.

– Это я пожаловал, Всеслав?! – Это ты пришёл находником на чужую землю!

Князь усмехнулся.

– А ты, стало быть, защитник? А с каких пор Плесков стал твоей землёй?

Варяг вспылал.

– Ты прекрасно знаешь, Всеслав, что Плесков – лен Новограда.

– А ты служишь Новограду? – тон князя стал издевательским. – Или может быть, тебя наняли вон те храбрые мужи? – он указал на нестройные ряды охочих новоградцев, как раз в это время начавших выплёскиваться на лёд Черёхи со стороны Дубовой речки.

Магнос побагровел от ярости и несколько раз открыл и закрыл рот.

Это уже не было похоже на издевательство – это было самое настоящее оскорбление. Из тех, которые смывается только кровью. И говорить после такого было больше не о чем.

– Ты заплатишься за свои слова – пообещал Магнос сдавленным от ярости голосом и развернул коня. – И твой сын-оборотень тебе не поможет – мои кмети сейчас привезут мне его голову!

И он ускакал, злобно прищипывая коня.

Князь усмехнулся – именно этого он и добивался – довести варяга до белого каления. Недаром у него на гербе изображён безголовый вой – потеряет разум от злости, и слепо, как кабан, полезет в ловушку.

Однако на всякий случай, стоило добавить ещё.

Князь не стал отдавать приказ снова раздвигать перед ним сани. Он разогнал своего савраску и дал ему шпоры перед укреплением. Тот преодолел его одним могучим скачком, продолбив подковами во льду несколько больших выбоин.

Кмети одобрительно осклабились. Обозники и кудевертичи только рты разинули от такой удали.

– Чего варежки раззявили? – весело крикнул им один из воев. – Пень проглотите!

Все защитники укрепления дружно расхохотались.

– А ну Выич! – громко приказал князь. – Пусть твои мужи ещё раз варягам гузно покажут.

Казалось бы, недавний печальный пример их товарища должен был остудить пыл кудеверичей, однако тех долго уговаривать не пришлось. Многие азартно повыскакивали на высокие борта саней и принялись дразнить противника своими жилистыми стёгнами. К ним присоединились и некоторые обозные. Один так распалился, что вместо задницы показал варягам свой детородный уд.

Противник долго такие оскорбления терпеть не собирался. Однако и слепо на укрепления, даже наскоро устроенные, не полез. Первыми в бой Магнос решил бросить не своих гридней, а пеших новгородцев.

Те поскидывали на лёд сапоги и поволочни и побежали в атаку налегке – в одних подследниках, портах и рубахах. Подбадривая себя громкой похвальбой и оскорблениями противника. Каждый был вооружён коротким дротиком-сулицей и секирой на длинной рукояти. Последними они владели виртуозно – все новгородцы славились не только как отличные плотники, но и как мастера топорного боя.

Ву-у-у-ум-м-м-м! – раздули меха своих инструментов и заиграли боевой наигрыш волынщики с вражеской стороны.

Ага-а-а-ам-м-м-м! – подхватили жалейщики и сопельники защитников.

Щёлк! Щёлк! – вплелись в общую мелодию тетивы боевых луков, бьющихся о кожу перчаток. На бездоспешного противника тратить бронебойные стрелы было жалко, и вои били простыми срезами.

– Аа-а-ах-х-х-х!!! – расцветивая красным белое полотно реки, навзничь завалился один новгородец... другой... третий...

– Аы-ы-ы-ы-ы!!! – поволочил кто-то по льду сине-зелёные кишки, вывороченные неудачно саданувшей стрелой.

Когда атакующие перешли невидимый рубеж, огонь по ним открыли и кудеверичи. Набегающих новгородцев они били точно в глаз, как зверя на охоте. Число убитых тут же многократно возросло. К тому времени, когда вои противника добежали до укрепления, на льду лежало уже несколько десятков тел.

Не доходя до саней пары сажень, передовые новгородцы слажено метнули в защитников сулицы. Большинство из них завязли в щитах, прикрывавших борта саней, однако некоторые всё-таки достигли цели. Трое из числа оборонявшихся упали, захлёбываясь кровью.

Вои из первой группы атакующих тут же, как по команде, припали на одно колено. Им на смену пришла вторая волна. Обозников и кудеверичей накрыл второй залп. Затем третий.

Число попаданий достигло дюжины. Несколько дротиков долетели даже до кметей, стоявших поодаль, а один упал у копыт княжьего жеребца. Тот всхрапнул.

Оборонявшиеся были вынуждены на какое-то время укрыться за щитами. Чего и ждали новгородцы. Оторвы – самые удалые из них коршунами взвились вверх, отталкиваясь пятками от сложенных рук своих товарищей, и оседлали борта саней.

И тут же обрушились на защитников, умело орудуя секирами. Под их хлесткими ударами с плеч слетело сразу несколько бородатых голов. Оторв приняли в рогатины и топоры. Пока они отбивались от обозников и кудеверичей, остальные новгородцы тоже полезли на борта. Яростная схватка закипела одновременно в нескольких местах.

Видя, что лесовикам и обозникам долго не устоять, князь отдал команду своим кметям. На атакующих обрушился град дротиков. Вои выхватывали сулицы из чехлов, которые крепились за сёдлами на лошадиных крупах, и, привстав на стременах, посылали их в гущу схватки. Кисляк, стоявший возле князя, тремя меткими бросками уложил троих.

Тот и сам выхватил короткое древко, и, почти не целясь, метнул его в полуголового верзилу, который вскочил на борт саней с внутренней стороны укрепления. Дротик вонзился точно между глаз. Новоградец изверг изо рта фонтанчик крови и рухнул навзничь.

Следующий бросок пригвоздил бедро другого воина к дощатому борту. Тот выронил секиру и заорал от боли. Его тут же добил оказавшийся поблизости Выич, припечатав по черепу своей огромной дубиной.

Сулицы дружинников помогли обозным и кудеверичам сдержать самый сильный натиск новоградцев. Истратив дротики, те остались без дальноточного оружия. К тому же в схватке погибли самые их лихие вои. Теперь атаковать снизу вверх с одними секирами против пика и рогатин для них было чистым самоубийством.

А тут ещё и лесовики снова взялись за луки. Чтобы не быть расстрелянными в упор, новоградцам осталось только пуститься в бегство. Что они и сделали.

К тому времени конные варяги, пользуясь тем, что защитникам какое-то время было не до стрельбы, двинулись вперёд, и подошли довольно близко к укреплению. Теперь же они оказались в сложном положении – бегущие новоградцы стеснили их, не давая им ни продолжить атаку, ни отступить.

Этим немедленно воспользовались оборонявшиеся, обрушив на гридней настоящий град стрел. От больших потерь варягов уберегло то, что длинные луки были только у кметей, а их колчаны уже изрядно опустели.

Хуже было то, что лесовикам не знали негласных правил боя между дружинами – не бить лошадей. И от их стрел пострадало немало добрых скакунов.

Нападавшие отхлынули, усеяв лёд телами почти сотни убитых и раненых новоградцев и десятка варягов. Среди распростёртых людских тел жалобно ржали и били копытами около дюжины лошадей.

Защитники ликующе взревели – атаку они отбили, потеряв всего три десятка своих. Побитых тут же поскидывали с саней – чтобы не мешались под ногами. Тяжелораненых добивали. Тех, кому можно было помочь, относили поодаль – там ими уже занимался походный волхв.

Князь общей радости не разделил. Он догадывался, что будет дальше. Варяги, конечно, не отступят. И теперь пойдут в атаку сами. Пешими. Коней они под стрелы больше не подставят. И никто не сможет их удержать.

Поэтому пришло время осуществить финальную часть плана.

Он подозвал Выича с ватажником обозных и сказал им, чтобы те были готовы уводить своих людей.

– Ты цто, князь! – тут же возмутился лесовик, сплюнув на лёд очередной комок «серы», в этот раз обильно подкрашенный красным из разбитой губы – Мы з их кровью умыли!

Князь не стал с ним спорить. Просто повернул коня и поехал за своими дружинниками, бросив вслед:

– Вы побии ополченцев. С нашей помощью. Сейчас пойдут гридни. Я своих кметей ужоу. Хочешь – держи их один. Нам добычи больше достанется.

Последний из аргументов оказался самым весомым и наиболее доходчивым. Немного поразмыслив, Выич отдал своим кудеверичам команду к отходу.

И вовремя. Повисшая над полем боя пауза оказалась совсем недолгой.

Варяги, как и предполагал князь, спешились. Кроме того, по примеру новоградцев ещё и поскидывали сапоги. А вот ошибок своих соратников гридни повторять не стали. Они не под-

бадривали себя ни громкими боевыми кличами, ни воинственной музыкой. Просто перед укреплением вдруг неожиданно возникли дружинники, в зловещей тишине бегущие в атаку. И не успели его защитники и глазом моргнуть, как гридни уже покрыли и это расстояние.

Запоздалый залп почти в упор вырвал из рядов атакующий несколько воев, но остановить дружного натиска не смог. Мёртвые упали на лёд так же молча, как и бежали.

– А вот теперь, Кисляк, нам надо очень быстро уходить! – сказал князь.

Небольшой конный отряд покинул позиции и двинулся вверх по течению реки.

Варяги тем временем уже оседлали укрепление и крошили в капусту всех, кто рискнул встать у них на пути.

Таких, правда, оказалось немного. Обозники постарались скрыться в прибрежных зарослях, а «храбрые» кудеверичи уже всюду удирали на своих снегоступах. Сейчас они были на удивление молчаливы и даже – о чудо! – на время позабыли о жевании «серы».

Князь уводил своих кметей к лошине. По его команде вои остановились и дали дружный залп по варягам. Они в это время уже добивали защитников – тех, кто не успел убежать. Трое гридней упали, поражённые в открытые участки тела. Лук Кисляка снова оказался смертоносным.

– Эй, Магнос! – крикнул князь, обращаясь к предводителю варягов, уже всюду распорядившемуся на захваченном укреплении. – За твою доблесть ты сегодня заслужил новое прозвище! Тебе стоит называться не Железный, а Босоногий!

Кмети дружно грохнули раскатистым хохотом, оценив шутку предводителя.

– Бо-со-но-гий! Бо-со-но-гий! – тут же принялись скандировать некоторые из них.

Князю издали показалось, что засмеялись даже некоторые из варягов.

И нужный эффект был достигнут. Магнос впал в такую ярость, что совершенно потерял голову – в одиночку бросился преследовать уходящих всадников.

Порыв предводителя тут же поддержали его вои.

Во все стороны летели острые осколки. Кони уносили князя и его кметей в сторону спасительной лошины. Лёд в этом месте был не таким, как на других участках реки – здесь, похоже, проходила стремнина и вода замёрзла не сплошным гладким полотном, а несколькими волнами. Из-за этого лошади сбились.

А за спинами всадников стремительно вырастала ревущая окольчуженная стена, размахивающая копытами, сулицами и секирами.

Наконец конный отряд достиг берега. Но и здесь преимущество в скорости осталось за пешими гриднями – им было проще продрасться через густые заросли черёхи.

Князь оглянулся и понял, что от погони уже не уйти. Чтобы не оказаться смятыми первым же натиском, надо было прекратить отход. Он отдал приказ развернуться и атаковать преследователей. Кмети слажено выполнили команду, но набрать скорость и бросить коней на варягов в намет не успели. Те их опередили.

Две волны схлестнулись у самой кромки берега. Большая из них тут же захлестнула меньшую и отбросила вверх по склону. Кони стали вязнуть в густом кустарнике и падать, роняя своих седоков. Подняться успевали не все – варяги в ярости забыли о воинском благородстве и безжалостно добивали лежащих.

Упал и знаменосец, несущий княжий стяг. Это вызвало бурю ликования среди атакующих.

Однако и вои Магноса запутались в черёхе. Бой разбился на несколько разрозненных схваток.

Князь вырвался на свободное пространство, рубя ветки мечом. До этого он дважды использовал бастарда по прямому назначению, отбиваясь от наседающих варягов. Его телохранители не отставали ни на шаг, отражая большинство сыплющихся на него ударов. Спасительная седловина была совсем близко.

Но уйти в неё князю не позволили.

– Всесла-ав! – яростно заорал Магнос, перекрывая шум боя – Я убью тебя!

«Железный» варяг во главе неполного десятка отборных гридней тоже продрался через заросли – напрямик к тому месту, где оказался князь со своими телохранителями. Их тут же умело сковали боем – по трое пеших на одного конного. «Чистому» в противники достался сам Магнос. Оставшиеся варяги преградили путь саврасому жеребцу.

– Дзан-н-н-н!

Князь почти в упор метнул дротик в одного из нападавших, немного опередившего своих товарищей. Тот успел подставить щит. Но сулица пронзила его насквозь, вместе с рукой. Та повисла безвольной плетью.

Князь тотчас этим воспользовался – отбросив щитом меч противника, он точным ударом сверху вниз вогнал ему под подбородок своего бастарда. И аккуратно – чтобы не застрял – выдернул обратно.

Вовремя. Тут же ему пришлось отражать атаки одновременно двух противников. Один из них мастерски орудовал секирой на длинной ручке. После нескольких его молодецких ударов лёгкий щит превратился в подобие мочала. Другой атаковал мечом. Его выпады князь парировал своим клинком.

Бросив щит, он попытался стоптать конём одного из противников – того что с секирой. Варяг, конечно, не позволил этого сделать и отпрыгнул в сторону. Расклад после этого не изменился, только теперь соперники князя поменялись местами. Очередной удар топора он отразил уже бастардом, а чтобы отбить меч, ему пришлось выхватить из чехла последний дротик.

Удары сыпались градом. Долго в такой позиции ему было не устоять. Чтобы не дать себя измотать, надо было рисковать.

И князь пошёл на опасный финт, снова бросив коня вперёд. Клинок начал своё движение в момент замаха соперника. Он перехватил обух секиры на взлёте, когда варяг ещё не успел вложить в удар всю силу, после чего резко скользнул вниз.

Нога вспыхнула болью – толстое лезвие глухо звякнуло о княжий наколенник, оставив в металле заметную вмятину. Однако вместо того чтобы в очередной раз подняться, варяжская секира неожиданно упала в траву... вместе с пальцами своего хозяина.

А следом рухнул и он сам, оросив землю струёй крови из пронзённого горла.

Эта победа дорого обошлась князю. Меч последнего из соперников в очередной раз столкнулся с ратовищем его дротика. Удар пришёлся в то место, где заканчивалась металлическая оковка. Добрый ясень не выдержал, и сулица лишилась наконечника. А лезвие клинка, влекомое силой удара, обрушилось на спину княжьего жеребца.

Саврасый жалобно заржал и взвился на дыбы. И опрокинулся, едва не придавив собой и седока. Князь едва успел выдернуть ноги из стремян и соскочить на землю.

Подшвы сапог предательски поехали по скользкой истоптанной смеси грязи, снега и перегнивших листьев, и он растянулся в полный рост.

Противник тут же поспешил воспользоваться преимуществом стоячего над лежащим. Над головой князя взвился тяжёлый примитивный клинок с закруглённым остриём, предназначенный только для рубящих ударов. Сейчас он мог прорубить в его теле вполне осязаемую дыру, достаточную для того, чтобы в неё улетучилась душа.

Перехватить своего бастарда, повисшего на ременной петле, князь уже не успевал. Ему оставалось сжаться в комок и попытаться уйти от удара...

Сапог запутался в переплетении веток, и бросок закончился, не успев начаться.

Меч варяга прошёл мимо...

Но тут же взвился в новом замахе.

Невидимая рука сдавила сердце. Время потекло медленно-медленно...

– Неужели это всё? – пронеслось голове.

Взгляд по привычке зафиксировал в небе тёмную точку – чёрного ворона, зависшего точно над головой. Ему показалось, или сейчас его крылатый спутник показывал ему дорогу за кромку?

В лицо дохнуло потусторонним холодом. Прямо как тогда – на поляне, когда он стоял перед входом в дольмен...

Дз-з-зан-н-н!

Перед самым лицом князя путь вражескому клинку преградил другой меч, и вместо сокрушающего смертельного удара он получил довольно чувствительный, но неопасный тычок в налобную пластину.

– Спасибо боги! – мелькнула первая мысль.

– Ар-р-р-рх-х-х.

В глазном отверстии полумаски варяжского шлема вдруг возник черен швыркового ножа. Гривень глотнул собственной крови, подступившей к горлу, и мешком повалился наземь.

В общем вся схватка заняла то время, которое требуется тонкой лучине, чтобы прогореть до конца.

Князь обернулся к своим спасителям.

Это оказались не боги, а создания из плоти и крови – его собственные вои. Нож, обрвавший жизнь противника, принадлежал Кисляку. Клинок, преградивший путь вражескому мечу – его полусотнику.

Оба вои, подоспевшие на помощь своему предводителю, лишились коней, а молодой кметь – и своего смертоносного лука.

Они помогли князю подняться на ноги.

– Быть тебе после боя с похвалой! – пообещал он Кисляку.

Телохранители князя ещё бились с варягами. «Чистый» оставался верхом и уже одолел двоих соперников. Сейчас он обменивался ударами с Магносом и заметно того теснил. «Меченый» лишился коня и одного из противников. Оставшиеся двое, похоже, его одолевали. Ему следовало помочь в первую очередь.

Один клинок связал атакой варяжскую сталь. Два других обрушились на скругленный шлем. Тот не выдержал прямого удара доброй буести и треснул, не сумев уберечь своего обладателя. С оставшимся соперником гривень управился сам – парой молодецких ударов.

– У-у-у-уту-у-у-у!

Над рекой разнёсся протяжный сигнал боевого рога. Его дополнил дробный стук сотен копыт.

Князь облегчённо вздохнул. Никогда он ещё так не радовался этому звуку.

Его план удался – он заманил Магноса к ложине и связал боем, подставив под удар своей лучшей дружины.

А вот для нескольких десятков варягов, которые наконец-то смогли преодолеть многочисленные препятствия из густых зарослей черёхи и завалов из тел, и теперь неслись вверх по склону, рог прозвучал как гром среди ясного неба.

Они сначала замедлили бег, а затем и вовсе остановились, растерянно озираясь по сторонам. А когда, преодолев взлобок, из ложины показались стройные ряды конных гривней в полном боевом облачении, варягам оставалось только пуститься в бегство.

Князь стянул с головы шлем и облегчённо потряхнул своей красной гривой – за время боя тот изрядно натрудил ему шею.

На металле осталось несколько царапин, а позолоченная лобная пластина оказалась слегка вмятой внутри. Сокол на гербе, которого безуспешно пытался ухватить зубами волк, теперь оказался в самой пасти хищника.

Что ж, это было символично. Похоже, сегодня рыжий волк – а князь знал, что так его за глаза называют и враги и друзья – поймал своего сокола. Ради этого стоило получить по голове.

Оставалось с этим соколом разобраться.

Ситуация, в которой оказался Магнос, была совсем безнадёжной – один против конного и четырёх пеших. А сзади на него неслась неудержимая волна атакующих.

– Сдавайся, Магнос! – крикнул ему князь. – Обещаю, что не нарушу твоей чести! Твой брат заплатит за тебя хороший выкуп!

Варяг не ответил. Вместо слов он вдруг распластался в рвущем жилы прыжке – сиганул с места прямо на конного гридня, преградившего ему путь.

Решиться на такое можно было только от отчаяния. Стоило «чистому» просто выставить перед собой меч, и варяг оказался бы наколот на него как кабан на вертел.

Так гридень и поступил.

Но бросок Магноса оказался настолько неожиданным, что движение воя запоздало на долю мгновения. Которых варягу оказалось достаточно. Клинок проскрежетал по его нагрудной броне, содрав с кольчуги несколько металлических пластин, но доспеха не вскрыл. А он перехватил свой меч, словно копьё и вогнал его в рот князьему телохранителю.

Завершая могучий прыжок, Магнос выбил уже бездыханное тело из седла и сам занял его место. После чего бросил трофейного жеребца прямо на оцепеневшего князя и его воев. Чтобы не быть стоптанными, им пришлось отпрыгнуть в стороны. Кисляк оказался расторопнее всех – он успел не только убраться с его дороги, но и метнуть в варяга свой последний швырковый нож.

Тот припал головой к лошадиной гриве. Тонкий клинок скользнул по шлему и улетел в кусты. Магнос рванул из чехла за седлом дротик, каким-то чудом не истраченный «чистым» в бою, и метнул его...

В князя.

Жалящая сталь летела прямо в лицо.

А он уже снял шлем...

Хотя от прямого удара не спасла бы и кованая личина. Бастард, которым можно было отбить сулицу, уже висел в ножнах за спиной.

А увернуться не хватало времени – бросок был всего с двух сажений.

Время текло медленно-медленно. В лицо дхнуло ледяным холодом. Маленький чёрный ворон в небе взмахом крыльев снова распахнул перед ним завесу кромки...

Обратно её задёрнуло чьё-то стремительное тело. Оно оттолкнуло князя и приняло на себя смертельный дротик.

А потом распласталось на земле, издав отрывистый крик.

Магнос, не оглядываясь назад, гнал по просеке, прорубленной князем и его телохранителями. Нещадно охаживая коня по бокам. Тот послушно уносил его от погони.

И, похоже, у варяга получалось ускользнуть.

А вот его спешенные воя оказались в ловушке. Обратно им пришлось пробиваться через те же завалы, которые они миновали до этого. А гридни Военег тем временем уже обтекали их со стороны реки. Варягам оставалось либо бросить оружие и сдаться на милость победителей, либо принять неравный бой и с честью погибнуть.

Большинство из них предпочло первое.

– Все-слав! – Все-слав! – несло над полем боя.

Князь с трудом стряхнул оцепенение и понял, что это приветствуют его.

Как победителя. Рыжий лесной волк всё-таки выиграл эту битву. Хотя и упустил сокола.

И едва не поплатился за излишнюю самонадеянность. К счастью, боги были к нему благосклонны.

Князь подошёл к вою, прикрывшему его своим телом, и перевернул на спину.

Это был Кисляк. Глаза остекленело смотрели прямо перед собой. Ратовище сулицы торчало из его груди прямо напротив сердца. Кровь из раны стекала на шейное монисто, на котором так и не суждено было появиться ни одной наградной монете...

– У него остался кто-нибудь? – спросил князь.

– Да – отозвался полусотник. – Я. – Он мне сыновец.

Князь замолчал.

Радостные крики победителей раздавались всё громче.

– Все-сла-а-ав! – несло над рекой.

– Как тебя зовут?

– Полесич.

– А тебя? – князь повернулся к уцелевшему телохранителю.

Тот от удивления вздрогнул. За все долгие годы его службы князь впервые обратился к нему не с приказом, а с вопросом.

– Нащока – ответил он, чуть помедлив.

Князь хмыкнул. Подходяще...

– Будешь вместо него – кивнул он Полесичу на убитого телохранителя. – Обоим по большой золотой похвале.

Те благодарно наклонили головы.

– С победой, князь!

Мимо пронеслась группа из нескольких воев. Где-то неподалёку златовласый бард уже цитировал слащавым баритоном свои новые вирши, подыгрывая себе на гуслях.

Князю подвели отдохнувшего мышастого жеребца. Саврасый был тяжело ранен – меч варяга перебил ему крестец – и, похоже, его предстояло добить.

Всеславу помогли снять кольчугу, и освободится от поножей с наручами. Он взобрался в седло и окинул взором победное для себя поле боя.

По речному льду радостно гарцевали гридни. Над их строем трепыхался цианово-синий прапорец с двусторонней секирой. Кто-то поднял и упавший трёххвостый сине-серебряный стяг.

Снова откуда-то появились brave кудеверские мужи. Сообразив, что дело повернулось в пользу их союзника, они, что есть сил, бежали обратно – обдирать убитых, пока этого не сделали другие.

Почти на самом горизонте от войска победителя удалялась фигурка всадника – неудачливый полководец тоже покидал поле боя.

Над рекой тем временем уже нёсся новый клич:

– На Пле-сков! – На Пле-сков!

Князь прищиприл мышастого и поскакал в сторону реки – к тому месту, где развивался его стяг.

Мёртвые глаза Кисляка невидяще смотрели в хмурое зимнее небо, по глади которого парил чёрный ворон. Его собратья уже осмелели и потихоньку подбирались к месту битвы, готовясь устроить пиршество.

Безжизненная ладонь молодого кметя разжалась. По земле рассыпались несколько подмёрзших ягод черёхи.

– На Пле-сков! – На Пле-сков!

Окрестности Плескова

Большой аспидно-чёрный ворон гордо парил по глади хмурого зимнего неба. Солнце ещё не показалось из-за виднокрая, и в предрассветных сумерках он казался всего лишь тёмным пятнышком на и без того мутной воздушной толще.

Внизу расстилалась бурая холмистая равнина, разрезанная в нескольких местах светлыми полосками леса. В низинах лёгкой белёсой дымкой растекался холодный утренний туман.

В зрачках птицы отражались ряды шатров и палаток походного воинского лагеря, разбитого на возвышенности – внутри широкого кольца из составленных вместе обозных саней.

Становище, казалось, вымерло – его обитателей нигде не было видно. Только кое-где тлели угли кострищ, которые никто не поддерживал.

Зато большое скопище людей собралось поодаль от лагеря – у самой кромки леса. Зоркое око небесного наблюдателя различало каждую из казавшихся сверху крошечными человеческих фигурок, которые буквально тонули в вязком тумане.

Группа двуногих разделилась на два неравных по численности отряда, стоявших друг напротив друга. Меньший составляли два десятка людей, которые сидели на спинах больших зверей, погружённых в белое марево по брюхо. Большая группа состояла из двух сотен человек. Все пешие. Их сверху было видно только по пояс.

Похоже было, что люди готовились убивать друг друга. Ворон знал в этом толк. Недаром его родичи всегда заранее собирались на месте будущего кровопролития. Воздух над скопищем двуногих буквально вибрировал от напряжения. Оно повисло на лицах и застыло в напряженных телах, готовых в любой миг начать избиение себе подобных.

Вожаки двух групп стояли друг напротив друга.

Один из них – пеший – громко кричал и яро размахивал верхними конечностями. Правда, в них ещё не было тех приспособлений, которыми люди обычно пользовались для убийства себе подобных.

Второй, который сидел на большом звере, оставался спокоен. Это был тот человек, которого ворон сопровождал последние несколько циклов.

И сейчас ему угрожала опасность.

– Ты обесял нам Плесков, князь! – Мы никуда не пойдём отсюда!

– Плесков надо штурмовать. Это большие потери. А там нас не ждут.

– Плесков почти нас! А туда путь долгий.

Выич – а предводителем пешего отряда был именно он – упрямо бычил могучую шею и, похоже, вправду никуда не собирался идти.

Это было плохо.

Его глупое упорство могло испортить все планы.

Князь в очередной раз обуздал подступившую к горлу волну ярости.

Всё пошло наперекосяк сразу после окончания битвы на Черёхе.

Магнос бежал со своим разбитым войском не обратно в Новоград, как многие ожидали, а напрямик в Плесков, заметно усилив его гарнизон. После чего любая попытка штурма его стен была чревата большой кровью.

Взяв на себя командование в городе, опытный варяг сразу приказал сжечь посад и окрестные веси, чтобы противнику негде было укрыться. Теперь даже взять его в осаду стало проблематично.

Тем не менее, князь не повёл рать на другие земли, а приказал обложить Плесков. Его войско встало вблизи города тремя лагерями. С таким расчётом, чтобы перекрыть все дороги, ведущие к нему с полуночи, полудня и восхода. С заката лежала гладь могучей реки Великой, за которой располагались враждебные земли – оттуда помощь осаждённым прийти не могла.

Потом Плесков начали окружать цепью небольших укреплений-замётов. Защитники регулярно совершали вылазки, чтобы помешать их строительству. Случилось несколько жарких схваток. С обеих сторон было немало побитых и раненых.

Тем не менее, вскоре все работы были закончены. Город опоясало широкое полукольцо острожков. Отстоявших один от другого на расстояние двух стрелищ – чтобы между ними нельзя было проехать без опаски.

Однако на этом пока всё застопорилось. Обозники и лесовики наготовили много штурмовых лестниц, чтобы подниматься на стены, связок хвороста – заваливать рвы, и крепких дубовых брёвен – ломать ворота. Но всё это валялось без дела – князь упорно не отдавал приказа готовиться к штурму.

А на войско меж тем надвигалась уже нешуточная угроза голода – собственные припасы неумолимо подходили к концу, а разорённые окрестности почти никакого пропитания не давали. Кудеверичи пробовали охотиться, но без особого успеха. До поры до времени выручали обозники – они напилили во льду Великой прорубей и наловчились ловить там рыбу.

В довершении всего поползли слухи, что на выручку Магносу из Ладыжина и Новограда движутся несметные силы, которое ведёт его родной брат Олув.

Войско роптало. Почти все понимали, что вести длительную осаду столь сильной крепости зимой означало выморить голодом половину войска. Подставить же его под двойной удар – погубить полностью. Молодые дружинники и союзники кричали, что город готов пасть, стоит только лишь как следует навалиться. А потом, со стен захваченного Плескова, можно по-другому поговорить и с магносовым братом. Вой поопытнее помнили предыдущую осаду и не спешили судить опрометчиво. Но тоже считали, что князь мог бы действовать решительнее.

Пожалуй, только приближённые Всеслава догадывались, что он не хочет штурмовать Плесков, потому что надеется, что тот сам откроет ему ворота. Князь не подтверждал подобные предположения, но и не опровергал.

Косвенной уликой служило его тайное сношение с кем-то из осаждённого города. Такое подозрение появилось у некоторых, когда в конце первой недели осады возле княжеского шатра видели Вершка – языка, которого вой Волха взяли перед битвой на Черёхе. Само по себе это не было чем-то удивительным, если бы за несколько дней до этого пленник не пропал таинственным образом из лагеря, где до этого мирно обретался.

Ну а когда Вершок повторил финт с исчезновением и последующим возвращением ещё несколько раз, подозрения переросли в уверенность.

Что же, князь мог бы всё подтвердить. Он действительно вёл тайные переговоры с защитниками. Точнее с одним из них – боярином Сбыней – богатейшим и знатнейшим человеком в Плескове, желавшим перейти под его высокую руку вместе со всем городом.

А мог и разочаровать. Поскольку в свой последний приход Вершок принёс неутешительную весть. Магнос каким-то образом догадался, что внутри стен зреет предательство и взял под контроль все входы и выходы из крепости. А заодно и городской арсенал.

Однако Всеслав не хотел делать ни того, ни другого. Поскольку даже самые близкие, возможно кроме Волха, не догадывались о его истинных намерениях.

Он с самого начала не собирался брать Плесков.

Его игра была куда тоньше и хитрее.

Вожак кудеверских охотников, бесспорно, не входил в круг его приближённых. Более того, судя по всему, даже не принадлежал к числу людей, способных составить в голове сколь либо логичное умозаключение.

Это была ошибка князя. Выич стал важной составной частью его планов. Но он не учёл его близорукую жадности.

Кудеверичи пошли за его войском, чтобы награть в походе побольше добра. На Черёхе им этого сделать не удалось – варягов в плен взяли гридни лучшей дружины. Соответственно, богатые доспехи и выкупные пенязи достались другим. Всё, что тогда смогли лесовики – ободрать несколько десятков трупов новоградцев. Это лишь разожгло их аппетит. Который они намеревались утолить в плесковских пригородах. Но и с этим вышла неувязка. Научен-

ные горьким опытом предыдущей осады жители окрестных весей и городского посада успели быстро собрать свои пожитки и уйти под защиту крепостных стен. А в их дома вои Магноса безо всякой жалости подпустили красного петуха. Так что окрестности Плескова встретили находников заревами пожаров и чёрными плешами пепелищ. Грабить там было совершенно нечего. Само собой, настроения кудеверичам это не прибавило.

Последней надеждой хорошенько поживиться для них оставался город. За его стенами было полным полно добра. Надо было только суметь их преодолеть. Но князь всё не отдавал приказа на штурм. Среди лесовиков, как и во всём войске, зрело недовольство. Многие уже жалели, что пошли за Всеславом. Но возвращаться обратно без добычи было обидно, да и стыдно.

И вдруг князь, который и позвал их в этот клятый поход, неожиданно посреди ночи поднимает весь лагерь вместе с гарнизонами нескольких острожков и, ничего не объясняя, ведёт их сюда – к опушке. Лесовики воодушевились, решив, что Всеслав собирается атаковать крепость.

Однако направление оказалось прямо противоположным и кудеверичи потребовали объяснений. И тут князь заявляет им, что никакого штурма не будет, и предлагает им снова куда-то идти, оставив верную, как многим казалось, добычу.

Это вызвало настоящую бурю негодования. Особенно неистовствовал Выич. Долгий поход без добычи существенно подорвал его авторитет, и сейчас он пользовался случаем, чтобы его вернуть. Тем более что если раньше перечить князю было опасно, ввиду большого преимущества его воев, теперь заметный перевес был на стороне лесовиков.

– Ты обманул нас, князь!

– Я тебе не лгал, Выич – давя злобу, в очередной раз повторил Всеслав. – Я не обещал, что буду брать Плесков. А сейчас его и не взять. Штурм большой крови будет стоить. Я верное дело предлагаю.

– Почему не взять? Мозно навалится в одном месте. Варяги все силы туда сцянут – и в другом удариц!

Предложения этого дремучего лесного пня не были лишены рационального зерна. Однако в них имелся ряд существенных изъянов. И самым главным был тот, что Выич попросту многого ещё не знал.

Что ж, видимо, как во время игры в лодыги, пришло время сделать решающий бросок зерни.

– Не выйдет – князь выдохнул. – Сюда идёт большая рать.

Лесовики зашумели. Всё-таки слухи оказались правдой.

– И цто?! – возмутился Выич. – Отобьем! И город возмём!

Кудеверичи поддержали его дружными криками.

Всеслав усмехнулся. Он вспомнил, как эти храбрые вояки, на словах лихо громившие вражьи рати, на Черёхе со всех ног удирали от варягов.

– С двух сторон навалятся! – привёл он последний аргумент. – Магнос с крепости, а Олув с тыла. Тут нам и конец.

– Цто Маконос, цто Оловян – невелика сила – не сдавался Выич. – По очереди разбить и вся недолга.

Батажник лесовиков, распалённый поддержкой своих людей и резко подскочившим сомнением, буквально на глазах преобразался в вершителя судеб.

– Олув уже на подходе, Выич.

Слова князя повисли в гнетущей тишине.

– Его воев сейчас держит мой сын Волх. Но он скоро отступит – варягов слишком много – нам с ними не сладить. Если будем здесь дальше сидеть – всё войско погубим. Поэтому надо выступать. Прямо сейчас.

– Ты зна-ал... – ахнул вожак кудевертичей. – Поэтому и людей с остроzkов вывел. – Цтоб варязи в город восли... Проклятое семя!

Безмолвие, на несколько мгновений повисшее над опушкой, лопнуло как яичная скорлупа, брошенная в костёр, разорвавшись целым хором яростных криков.

Всеслав почувствовал, что в плотине его самообладания что-то сломалось, и она начала трещать под натиском могучего потока всепоглощающего гнева.

Ворон в небе почуял, что тот миг, когда двуногие наконец-то решились пролить собственную кровь, наступил.

В руках одного из людских вожakov – того что был пеш и бородат – мелькнула та самая палка, которую представители его вида использовали для истребления друг друга. Ему на подмогу бросились ещё несколько человек, размахивавших такими же приспособлениями. Из-за спины предводителя конных навстречу им подались двое, готовые прикрыть лидера своими телами.

Но всех опередил всадник, который возник на лесной опушке словно неоткуда.

Он как привидение вырос из тумана за спиной Выича. Окружающие успели разглядеть только развевающиеся синий плащ-мятель и длинные волосы цвета воронова крыла.

Фух-х-х-х.

В первых рассветных лучах хищно блеснуло лезвие меча.

Клинок описал дугу, завершившуюся на затылке предводителя лесовиков. Могучая шея оказалась не такой прочной, как казалась – голова слетела с неё и, вращаясь подобно большому волосатому мячу, канула в туман. Следом рухнуло и тело.

Не на миг не замедлив скачки, всадник пронёсся вдоль ряда кудеверичей и ещё несколько раз взмахнул мечом. В молочную пелену мешками повалились безголовые трупы нескольких самых ярых горлопанов. Также играючи он поймал летящую в него сулицу и швырнул её обратно в метателя.

Судя по приглушённому крику – попал.

– Вот и былине конец! – крикнул лихой наездник.

Волх, а это был именно он, остановился, развернув коня мордой к лесовикам, и демонстративно стряхнул с лезвия меча несколько задержавшихся на нём капель крови.

Из-за виднокрая вывалилось солнце. Под его ещё слабыми лучами, тут же, как по мановению руки, начал таять утренний туман, с какой-то неестественной быстротой отползая в низины и растворяясь в небытии.

Перед глазами изумлённых кудевертичей из белёсой дымки возникли полдюжины бесформенных груд плоти, которые ещё несколько мгновений назад были их соратниками.

Берестяная личина Выича по странному совпадению, упала прямо на обрубок шеи, словно стремясь заменить собой отделённую от неё часть тела, так плохо служившую своему хозяину.

– Ну, кто ещё хочет отведать крови сокола?! – громко спросил Волх, обводя лесовиков ледяным взглядом.

Взгляд был из тех, от которых у любого неволя кровь стынет в жилах, а мужской уд скупоживается и пытается втянуться обратно в муды – не суровый, не горящий – а пустой, невидящий. Человеку с такими глазами ничего не стоит просто взмахнуть рукой – и лишить жизни другого.

На землю из рук лесовиков с глухим стуком попадали копья и секиры.

Ответом же на вопрос княжича было испуганное молчание. Стремительная жестокая расправа над их лучшими мужами убедила кудеверичей, что с ним сейчас лучше не вступать в словесные перепалки.

Князь почувствовал, что волна холодной ярости, которая уже была готова его захлестнуть, постепенно отступает. Он несколько раз выдохнул и с облегчением перевёл дух. Похоже, что боги снова всё сделали за него.

– Никто? – ещё раз переспросил Волх. – Так слушайте меня, вольные кудеверские мужи! Вы всё ещё хотите добычи?

Лесовики вначале оторопели, а затем зашептались. Уважительные речи после безжалостного избиения, похоже, их заинтриговали.

– Да! Хотим! – прозвучали несколько голосов.

– Так знайте – продолжил княжич громко. – В Плескове добычи для нас нет! Туда только что вступило войско Оловяна!

Шёпот стал заметно громче.

– Но есть другое место, где полно добычи! Туда вас позвал князь, а теперь зову и я, Волх!

Лесовики несколько минут совещались, после чего из их рядов вперёд выступил, видимо, самый авторитетный из оставшихся мужей. В отличие от Выича, он не обладал коренастой фигурой, зато был высок, тощ и сутул. А торчавшая из под личины жидкая острая борода напоминала козлиную.

– А что будет, князиц – спросил он неожиданно тонким дребезжащим голосом – если варязи не дадут уйци? Возмут да со спины наваляцца?

Вперёд выехал Всеслав.

– Не наваляцца – ответил он вместо сына. – Здесь останется воевода Военег с лучшей дружиной. Он прикроет.

Кудеверичи снова принялись совещаться. На это ушло несколько минут.

– А не обманес, княз? – наконец спросил козлобородый.

Всеслав усмехнулся.

– Как тебя зовут? – поинтересовался он у лесовика.

– Кацап – ответил тот.

Князь ухмыльнулся про себя. Похож...

– Послушай, Кацап – сказал он. – Человека обмануть можно – богов нет. Если я поклянусь тебе их именем, ты мневеришь?

Тот кивнул.

Всеслав поднял руку и громко произнёс торжественную клятву, в которой призывал на свою голову гнев всех стихий – в случае если он обманет союзников и не приведёт к месту, где их ожидает много добычи.

Последние слова княжьего зарока растворились в воцарившейся тишине. Лесовики притихли – клятва была очень серьёзной. Нарушить такую – значит лишиться души посмертия.

– Ну что, Кацап – спросил Всеслав – Теперь ты пойдёшь со мной?

– Да, княз!

Кудеверичи снова загомонили. На этот раз вроде бы одобчительно.

– Ну, вот и былине конец – подытожил Волх.

Он развернул коня, громко свистнул и поскакал в сторону леса.

– Думаю, вы будете рады тому, что с вами пойду я и мои вои – крикнул он на ходу.

По его сигналу из-за деревьев выступили кмети первой дружины. По ним было видно, что до этого они стояли наготове, ожидая команды к бою. Вои окружали кудеверичей полукольцом. По всей видимости, для того чтобы адекватно отреагировать, если бы лесовики всё же не согласились с предложением князя. Эти позиции они, скорее всего, заняли, когда их предводитель отвлёк лесовиков своим эффектным появлением.

Это ещё раз убедило кудеверичей в правильности выбранного решения. Они зашевелились, готовясь к продолжению похода.

На аспидно-чёрных перьях играли солнечные блики. Ворон в небе бесстрастно взирал на то, как скопище людей, до этого выглядевшее сверху бесформенной массой, стронулось с места и начало медленно вытягиваться, снова постепенно становясь похожим на гигантского змея.

Он уполз, оставив на земле несколько мёртвых тел. Небесному наблюдателю они были безразличны – он давно уже питался другой пищей. А вот его соплеменников трупы очень даже заинтересовали – небольшая стая полетела в их сторону, даже не дождавшись когда все двуногие покинут опушку леса.

На равнину снова начал опускаться сумрак. Едва появившись из-за виднокрая и успев бросить на оперение гордой птицы несколько бликов, холодное зимнее светило кануло в облачную хмарь. Небо начали заволакивать серые тучи.

Полетели редкие крупные снежинки.

Они падали на землю и таяли, растворяясь без следа.

Не таяли они только на телах мертвецов, которые остались лежать в пожухлой траве.

Снег постепенно накрывал их, словно белый траурный саван.

Мишага

Аспидно-чёрный ворон парил по серой глади хмурого зимнего неба. Под ним расстилалась бескрайняя снежная равнина. В зрачках птицы не отражалось ничего кроме её сплошного белого покрывала.

Это было плохо и неправильно. Вот уже несколько циклов небесный соглядатай ни разу не упускал из виду двуногого, за которым ему было поручено следить. Теперь, когда он не мог его найти, тот, кого ворон считал своим хозяином, испытывал нешуточное беспокойство. Его тревога передавалась и птице.

Всеми виной была снежная буря, разыгравшаяся накануне. Подобного в этих краях не видывали больше сотни лет. Сначала набежали тучи, и на землю начали падать крупные мохнатые снежинки, затем подул сильный ветер-полуношник, и замела мелкая белая крупа, вскоре заполонившая собой всё небо. В этой круговерти совершенно растворилась группа двуногих и четвероногих, которая уже несколько дней двигалась через замёрзшее болото. Не в силах что-либо разглядеть в сплошном мелькании, ворон спланировал к земле. Там он случайно наткнулся на одиноко стоящую ель и сел на неё переждать непогоду. Да так и уснул, нахохлившись на ветке.

Наутро метель прекратилась. Птица стряхнула с перьев снег и взлетела ввысь. Ворон не узнал окружающую местность. Вчера та представляла собой бурую чересполосицу пожухлого кочкарника и невысоких голых взлобков, часто прореженную заледеневшими окнами топей и мочажин. За одну ночь всё это превратилось в бескрайнюю снежную равнину, простиравшуюся во все стороны, сколько видел глаз.

Теперь в поисках людей ворон обшаривал взглядом каждый её уголок. Но тот везде утыкался в сплошную белую пелену.

День уже клонился к закату, а поиски всё оставались бесплодными.

В это же самое время другие глаза – ярко зелёного цвета, пристально вглядывались в серую небесную хмарь, силясь разглядеть там ворона. Но привычной чёрной точки в зените над головой не было.

Когда вчера отряд в пути застала метель, князю было не до своего небесного спутника. Его войско совершенно потерялось в снежной круговерти и, похоже, сбилось с пути. Нужно было разбивать стан.

Люди Волха отыскиали ложбину между двумя увалами, где можно было укрыться от непогоды. Там вои поставили шатры и палатки, чтобы переждать в них пургу. Лошадям спутали

ноги и уложили на подстилку с подветренной стороны взлобка, укрыв сверху плотным пологом. Развести хотя бы один костёр в такую непогоду было совершенно невозможно. Поэтому легли спать без ужина, даже не выставив дозорных.

Князь лежал под пологом своего малого походного шатра – разбивать большой не было ни смысла, ни возможности – и слушал убаюкивающие завывания бури. Пока не уснул. В полной уверенности, что завтра пурга закончится и войско, хорошо отдохнув, продолжит путь.

Что ж, одно из этих предположений действительно сбылось – метель наутро и вправду закончилась.

А вот с другим вышла неувязка. Всеслав проснулся от того, что на него сверху неожиданно навалилось что-то плотное и тяжёлое.

Какое-то время князь бессмысленно барахтался на спальной шкуре, пытаясь высвободить руки и ноги. Однако вскоре понял, что никто не покушается на его жизнь и свободу, успокоился и трезво оценил ситуацию. При ближайшем рассмотрении оказалось, что на него упал полог его же шатра, придавленный сверху большой массой снега. Видимо опорная жердь не выдержала его веса и сломалась.

Приложив изрядно усилий, Всеслав выбрался из шатра и прокопал в снегу выход наружу.

Представшее перед ним зрелище ошеломило бы кого угодно. Во все стороны простиралась сплошная белая равнина. Становище же снег покрыл таким толстым слоем, что занесённые палатки выделялись на его поверхности только маленькими бугорками. Лишь кое-где торчали головы самых догадливых воев, сумевших, как и князь, покинуть свои превратившиеся в ловушки убежища.

Надо было как-то выбираться. Всеслав, недолго думая, начал продираться через сугробы к ближайшему вою. Это был его телохранитель. Новый «чистый». Он последовал примеру князя. Встретившись, они соединили свои усилия для того чтобы расчистить от снега хотя бы небольшую площадку. Постепенно к ним присоединились все остальные. Дело пошло куда быстрее.

В одной из заваленных палаток откопали сразу два десятка кудеверичей. Те выбрались наружу без своих берестяных личин, жадно хватая воздух раззявленными ртами, словно выброшенные на берег рыбины.

Освобождение снежных пленников заняло большую часть дня. Измученный однообразной изнуряющей работой, князь отошёл в крайней из вытоптаных площадок – перевести дух.

Внезапно он увидел бегущего оленя. Закинув рога за спину, зверь со всех ног летел мимо их лагеря.

Само по себе в этом не было ничего удивительного – ну олень и олень. Вот только тот почти не проваливался в снег – копыта погружались меньше чем наполовину. Это могло означать только то, что дальше – за взлобком, его покров был гораздо тоньше.

Олень умчался прочь из зоны видимости. Следом появился его преследователь...

Князь вздрогнул и схватился за оберег – это был рыжий лесной волк.

Если копытное было ослеплено страхом и не думало о том, что двуногие не менее опасны, чем его враг, то хищник, по всей видимости, головы не потерял. Увидев человека, застыл на месте, а потом, вспомнив, наверное, что люди бывают опасны и на расстоянии, повернул назад и растворился в белой дымке.

Всеслав увидел в этом знак – недаром рыжий волк красовался на его собственном гербе. С трудом проталкиваясь через снежную толщу, князь двинулся к оленьему следу. И – удивительное дело – по мере удаления от лагеря снега становилось меньше. Сначала по грудь. Потом по пояс. По колено. Когда же князь, наконец, вышел к следу, сапоги погружались в белую хрустящую массу едва по щиколотку.

Эта был гребень одного из взлобков, между которыми накануне было решено поставить лагерь.

Князь понял, что совершил ошибку. Становище следовало разбить здесь – отсюда ветер сдувал весь снег, а в низину, наоборот – наметал.

Оправдаться можно было только тем, что раньше он никогда не сталкивался с подобными явлениями. Впрочем, как и все остальные люди в его войске. Тем не менее, этот просчёт вполне мог оказаться роковым.

А может... боги перестали ему благоволить?

Князь впервые с того момента как выбрался из шатра посмотрел в небо. И в ужасе застыл...

Ворона не было!

Это было невероятно и невозможно.

До сих пор он выполнял всё, что требовали высшие силы, и никогда не сходил с выбранного пути! Значит и они его не оставят. И не надо отчаиваться.

Князь с некоторой опаской оглядел разворошённый стан своего воинства – не видел ли кто его замешательства?

Вроде бы нет.

Всеслав сбросил оцепенение и принялся распоряжаться. Его люди суетились, перетаскивая на вершину взлобка извлечённый из палаток скарб. Туда же отводили освобождённых из снежного плена людей.

Наконец дошла очередь и до лошадей. Воздух огласило дикое ржание, местами переходящее в визг. Некоторые из животных были так напуганы долгим лежанием под снежной толщей, что тут же попытались сорваться с места. Мешали спутанные ноги и высокие сугробы. Коней успокаивали и по одному выводили на взлобок. Их приходилось тут же батовать – связывать попарно, чтобы те не повторяли бессмысленных попыток к бегству.

Одним из последних нашёлся Волх. Из стоявшей на самом отшибе палатки его извлекли кудеверичи. Княжичу, похоже, было очень худо – он находился в каком-то странном оцепенении и почти не подавал признаков жизни. Его отнесли на вершину увала и положили на собственный мятель.

Князь подобрался к сыну и поднёс к его носу перстень-печатку, пытаясь с его помощью понять – дышит тот или нет. Однако на гладкой поверхности не осталось ни малейших следов испарины.

Между тем выглядел Волх очень даже живым – его кожа оставалась розоватой, а члены – гибкими. Всеслав потребовал привести ему дружинного волхва – тот кроме духовного окормления, исполнял в войске ещё и функции врачевателя. Но тот словно в воду канул. Ничем не смог помочь и откопанный из под снега бард. Он только открывал и закрывал рот, не понимая, что происходит вокруг.

Через несколько часов поисков были найдены все до единого вои и лесовики. Кроме жреца с его помощником.

И все постепенно пришли в себя. Кроме Волха.

Когда изнурительная работа закончилась, людей, наконец-то стало отпускать напряжение, не позволявшее им расслабиться. Некоторые в изнеможении валились в снег. И ко многим начало приходить осознание того, что их поход, похоже, провален.

Более того, возникал вопрос – возможно ли вообще благополучное возвращение войска из самого сердца враждебных земель? Учитывая, что они потеряли направление и теперь никто не представлял – куда двигаться дальше.

Люди начали собираться кучками и о чём-то перешёптываться. Впрочем, догадаться, что они обсуждали, было несложно – что делать дальше?

Князь, вздохнул и оставил бесплодные попытки обнаружить у сына признаки жизни. Надо было действовать, пока разговоры плавно не перетекли к обсуждению другого вопроса – кто виноват? Ясно было, что виноват он – Всеслав – не сумел правильно понять волю богов.

За что они лишили его удачи. Вместе со всем войском. Известно же – везение предводителя – успех и его воев. А оно возможно только когда благосклонны высшие силы.

Что ж, богов ему было не обмануть. А людей попробовать стоило.

Князь подошёл к жожаку кудеверичей. Кацап сидел на своём зипуне в окружении нескольких соплеменников. Они жевали свою «серу» – её небольшой запас им удалось извлечь из под снега. И, похоже, тоже втихомолку обсуждали дальнейшие перспективы похода.

– Скажи мне, Кацап – спросил Всеслав – Есть ли среди твоих мужей такие, кому уже доводилось бывать раньше в этих землях?

Тот задумчиво дожевал и выплюнул кусок «серы».

– Как не быть, князе – наконец ответил он. – Есть. Три весны тому в Новоград скуры и меха торговать ездили.

– И кто же это?

Кацап почесал козлиную бородёнку.

– Дык Выиц, князе. Он тогда ватазником был.

Всеслав вздохнул.

– А ещё есть кто-нибудь, кто с ним был?

– Дык да. Колун был, Колупай был, да Вяз есцо.

Князь довольно осклабился.

– Покажи мне их.

Лесовик помотал головой.

– Не полуцится, кнез.

– Это почему?

– Дык под Плецков тогда возврасятся надо. Их там всех князиц упокоил.

Всеслав нахмурился.

Непохоже было, чтобы ватажник издевался над ним. Он, скорее всего, просто не понимал разницы между «было» и «есть».

А ещё это совпадение лишний раз указывало на то, что от князя отвернулась удача.

– Послушай, Кацап – не сдавался Всеслав – есть такие мужи, кто был в том походе, сейчас, в нашем войске?

Тот лишь развёл руками.

Дальнейший опрос тоже ни к чему не привёл. Во всём войске не оказалось ни одного человека, который раньше проходил бы этими болотами.

А солнце так и не хотело выглядывать из-за сплошной пелены облаков. Поэтому даже определить стороны света не представлялось возможным. Однако и оставаться на месте больше было нельзя.

Решение оставалось за князем.

И он его принял – приказал заканчивать отдых и идти вдоль гребня увала. В ту сторону, куда убежал виденный им рыжий волк. Не исключено что с его помощью боги всё-таки пытались дать ему знак.

Потратив на сборы около получаса, войско тронулось в путь. Кмети осторожно вели своих коней в поводу. Для княжича, который так и не пришёл в себя, сделали волокушу из двух сломанных жердей и куска полога. Лесовики легко скользили вдоль гребня на своих снегоступах.

А ведь на этих своих снастях они легко могут бросить дружинников, и уйти куда им заблагорассудится – подумалось князю. И если что-то и удерживало кудеверичей от такого шага, так это точно не любовь к нему. Скорее – страх заблудиться, и, конечно, алчность. Недаром Всеслав поклялся им страшной клятвой, что приведёт к большой добыче.

Хотя было не исключено, что когда ситуация станет совсем безнадёжной, союзники попытаются его бросить. И скорее всего это произойдёт под покровом ночи.

Но о таких вещах рано было думать – ведь ещё оставались шансы на благополучный исход. Однако ближайшая действительность показала, что – самое время.

Снежная пустошь и не думала заканчиваться, а поблизости не появлялось ни одного сколько-нибудь приметного ориентира. Более того, небо, и без того хмурое, начало темнеть ещё сильнее, предвещая наступление ночи. Князь отдал приказ разбить привал.

Его выполнили, хотя и не очень охотно. Ему даже показалось, что он услышал недовольный ропот.

Палаток у них уже не было, поэтому все легли спать прямо в снег, завернувшись в шкуры и плащи. Из собранных обломков жердей развели единственный костёр.

Второй день ложиться спать без ужина было чересчур, поэтому всем раздали вяленое мясо – единственную снедь, которую удалось вытащить из завалов. Зато воды было вдоволь. Вои набивали снегом кожаные бурдюки и подносили их близко к костру. Через малое время он таял, и из них можно было пить.

Князь тоже приложился к такой ёмкости, после того как прожевал несколько мясных полосок. Вода была невкусная и отдавала псиной.

Перед тем как лечь спать, он отозвал в сторону старшего сотника первой дружины и намекнул ему, что надо присматривать за кудеверичами. И как потом выяснилось, княжья недоверчивость имела под собой все основания.

Спать лесовики залегли поодаль от дружинных, зато в подозрительной близости друг от друга. И долгое время о чём-то шептались.

Потом князь уснул.

Большая часть ночи прошла спокойно. Тишину нарушали только лошадиное фырканье и лёгкое потрескивание углей в тлеющем кострище.

Громкие крики разбудили Всеслава под самое утро.

Картина, которая предстала перед его глазами, соответствовала самым худшим ожиданиям. Она во многом напоминала сцену, которая недавно разыгралась под Плесковым.

Друг напротив друга стояли два отряда. Большой состоял из лесовиков, уже одевших свои снегоступы, меньший – из кметей. Последние сжимали в руках снаряженные к бою луки. Несколько воев держали горящие факела.

Князь про себя похвалил предусмотрительность сотника.

При виде Всеслава Кацап скроил недовольную мину.

– Отпусти нас, кнез! – крикнул он, не дожидаясь очевидного вопроса. – Сам погибнеш, и нас хочес погубить!

Тот проигнорировал обвинение и какое-то время молча смотрел на лесовика.

– Скажи мне куда ты хотел бежать, Кацап? – спросил он наконец. – Ведь среди твоих никто не знает этих земель.

– Куда угодно – огрызнулся лесовик – подалсье от твоей неудаци! Твои боги отвернулись от тебя! А насых богов здесь нет!

Вот так. Словно обухом по голове. По самому больному.

– Я же дал тебе клятву, Кацап – попытался князь воззвать к его алчности. – Я обещал привести тебя к добыче. И я приведу.

Ватажник скривил такую рожу, по которой всё было понятно без слов – тут не до добычи – живыми бы уйти.

Значит, оставалось действовать силой.

– Ты не уйдёшь, лесовик! – грозно сказал князь, отбросив уже набившую ему оскмину дипломатию. – Если ты решишься на это, мои вои перебьют всех вас! Решай!

Последний бросок зерни был сделан.

Если кудеверичи сейчас решатся переступить черту – они все полягут. Но тогда и его дружине, скорее всего, суждена гибель в этих снегах.

Лесовики принялись совещаться. Похоже, умирать здесь им совсем не хотелось.

– Есть один способ – наконец сказал Кацап. – Чтобы вернуть твою удачу, надо принести жертву богам. Тогда они оцистят небо и мы пойдём с тобой дальше.

Князь облегчённо вздохнул. Они и вправду отыскивали приемлемое решение. Что такое одна жизнь против нескольких сотен?

Но он не дослушал.

– Твоего сына Волха – закончил лесовик. – Он всё равно не зылец. А богам понравится кровь соколовицы.

Князь обомлел.

Предложение было наглым – хотя чего ещё можно было ожидать от древопоклонников? – но не лишённым рационального зерна. В старых преданиях сохранились упоминания о том, что иногда, в критические моменты, княжских сыновей приносили в жертву богам – и те всегда помогали. Похоже, кудеверичи помнили этот обычай.

Но терять верного помощника...

Между отрядами повисла напряжённая пауза.

– Стойте! – нежданно раздался знакомый голос – Есть другой способ!

Все обернулись.

Перед ними стоял Волх.

Живой и здоровый.

Князь облегчённо вздохнул. Боги всё же не оставили его.

– Есть другой способ – повторил Волх. – Дайте мне час, и я узнаю дорогу!

Кацап недоумённо воззрился на князя.

– Два рта «серы» разжевать – пояснил тот.

Лесовик согласно кинул.

Княжич двинулся обратно по следу войска. Небо начало понемногу светлеть, и его тёмная фигура была хорошо видна на светлом фоне огромного белоснежного покрывала. За ней внимательно следили сотни глаз.

Волх остановился, какое-то время просто молча стоял, а потом принялся творить какие-то непонятные действия. Возле него зажёгся один яркий огонёк, потом второй, третий...

Горели они каким-то тусклым мертвенным светом.

– Колдовство-о-о... – пронеслось по рядам лесовиков.

Кмети оставались безмолвными.

С каждой минутой напряжение нарастало.

Закончилось всё неожиданно и гораздо быстрее, чем обещал княжич.

– Ф-ф-фух-х!

В том месте, где он стоял, вдруг полыхнула яркая вспышка, на несколько мгновений ослепившая всех наблюдателей.

Князь хватился за оберег... и вдруг почувствовал странное облегчение. Словно малое чадло, которое сначала потеряло родителей, а потом снова их обрело.

Пока все протирали глаза и усиленно моргали, прогоняя огненные искры, Волх уже вернулся. Да ещё и в придачу он каким-то образом успел оседлать своего жеребца.

– Вот и былине конец! – весело гаркнул он. – А ну собирайтесь и все за мной! Дорога там!

Он махнул рукой, указывая направление.

Князь хорошо разглядел лицо сына в свете нескольких факелов. Сейчас он был похож на покойника куда больше, чем в тот миг, когда его извлекли из палатки. Кожа княжича посерела, а глаза глубоко запали. Однако горели они прямо каким-то колдовским огнём.

Не оставляя никому времени для раздумья, Волх направил коня в верную сторону.

Проехав несколько сажень, остановился и нетерпеливо обернулся.

– Мне долго вас ждать?!

Войско немедленно пришло в движение. Кудеверичи были уже готовы. Им оставалось только закинуть свои котомки на спины. Кметей тоже долго ждать не пришлось. Они оседлали отдохнувших лошадей и готовы были тронуться в путь. Дольше всех пришлось ждать барда, который благополучно продрых всё это время, уютно завернувшись в шкуру.

Наконец отряд двинулся в путь.

Небо постепенно светлело.

Князь по привычке вскинул голову вверх и разглядел в облаках хорошо знакомую тёмную точку.

Берег Ольховой реки

Большой аспидно-чёрный ворон парил в предрассветном небе. Впервые за несколько дней сплошная пелена туч рассеялась, и разглядеть птицу в вышине не составляло большого труда.

Внизу расстилалась гряда невысоких лесистых холмов. Их пологие – обращённые на закат, склоны покрывали заросли зелёных елей и опавших берёз, клёнов и осин. С восхода холмы обрывались крутыми ярами, за которые смог зацепиться только ерник. Их подножие омывали воды довольно широкого ручья, сейчас, правда, пребывавшие подо льдом.

А за ним лежало... Ворон не знал, как это называется... То место где жили люди. Много людей.

На одной из седловин собралась большая группа двуногих и четвероногих. Та самая, за которой небесный вестник следил последние несколько дней, недавно потерял, а потом волей хозяина снова нашёл.

Несколько из них сейчас поднимались на вершину ближайшей к людскому обиталищу возвышенности. Среди них был и человек ворона.

– Новоград... – выдохнул лесовик за плечом князя.

Да, это был он – крупнейший город, а также торговая и культурная столица Славии – некогда могучей страны, сейчас оставшейся разве что на картах, входящей в состав правдивых земель. Нет – не только Славии. Пожалуй – всей Полunoчи.

Вот он – стоит, вольготно раскинувшись по обеим берегам реки. На левом возвышалась могучая крепость-детинец, опоясанная стеной с двумя дюжинами высоких башен. Её окружали три больших городца, обнесённых земляными валами и частоколом – знаменитые новоградские концы – один на дальнем берегу, два на ближнем. Последние начинались сразу за ручьём. Между собой их разделял глубокий овраг, до половины засыпанный разным мусором.

– Великий город Новоград!
Купцу иль гостю очень рад.
Здесь принимают корабли
Со всех концов честной земли!

Это Баян, вдохновлённый открывшимся перед ним видом, не упустил возможности процитировать одну из самых известных песней, посвящённых этому городу.

Удивительное дело, сейчас вирши в исполнении этого барда у Всеслава ни малейшего раздражения не вызвали. Возможно потому что те ему не принадлежали.

– Ну что, Кацап – спросил он у вожака кудеверичей – выполнил я свою клятву? Хватит вам тут добычи?

Тот поперхнулся. Что было заметно даже по его берестяной личиной. И усиленно закивал головой.

– Конечно кнез... Тут добычи на всех хватит!

Всеслав усмехнулся.

– Не жалеешь, что со мной пошёл?

Теперь лесовик замотал своей бородёнкой в разные стороны.

– Только давай условимся. Это два городских конца – Неревский и Людин. А там за ними детинец. – Князь указывал рукой в соответствующих направлениях. – Чтобы моим воям с твоими не толкаться, и добычу друг у друга не оспаривать, надо нам разделится. Согласен?

Кацап алчно облизнул губы и кивнул. Но всё же выказал опасение – мол, если они будут наступать по отдельности – горожане смогут дать им отпор.

– Не бойся. Почти все их вои под Плесков ушли – нас воевать. А мы тут как тут.

Князь засмеялся. Кацап угодливо захихикал.

– Давай я возьму Неревский конец, а ты Людин. А потом вместе нападём на детинец. Я – с полуночи, ты – с полудня.

Ватажник заёрзал на месте, словно внезапно обнаружил в своём гузне острое шило. И осторожно возразил.

– Кнез, а зачем нам на Людин? Давай мы пойдём на Неревский!

Всеслав про себя усмехнулся. Нехитрая уловка сработала. Даже отсюда было видно что Неревский конец буквально сплошь отсверкивает яркими пятнами покрывавшего крыши домов кровельного железа. Да и многочисленные капища там смотрелись куда богаче, чем в Людином – судя по его виду – явно обиталищу простонародья. Соответственно и награбить там можно было куда больше. Ну, так, собственно, заставить лесовиков увлечься грабежами и входило в его планы.

– Хорошо, Кацап. Пусть будет по-твоему. Только учти – пусть твои мужи ни в коем случае не трогают капища! Не то быть беде!

Тот поспешно кивнул. Понял, мол.

– В детинец с Неревского конца можно попасть по Великой улице. Найти её очень просто – она самая большая. Понятно?

Новый кивок был ещё более поспешным.

– Тогда разделяемся и встречаемся уже в детинце. Главное – помни, что я тебе сказал!

Последний кивок, которым ватажник наградил князя, прежде чем последовать к своим людям, был совсем уж небрежный. По всему было видно – лесовик уже всеми мыслями находится в городе и увлечённо потрошит купеческие дворы. Что-то подсказывало князю – тот не слишком усердно будет выполнять своё обещание. В святынях ведь всегда полно разного добра. Ну как тут устоять? Ведь древопоклоннику, как известно, и своих богов полон лес – какое ему дело до чужих? Во всяком случае – пока это невыгодно.

– Ну что, Баян – спросил Всеслав молодого барда – готова твоя песнь?

Тот вздрогнул от неожиданности – князь обратился к нему с вопросом об искусстве словоплетения едва ли не впервые с момента их знакомства, однако быстро оправился и гордо откинул назад золотистые волосы.

– Почти, князь. Сейчас я плету вирши о походе через Мшагу!

– Можешь рассказать?

Бард замялся.

– Ещё не совсем готово, князь. Я не могу подыскать пару для одной строки.

– Какой же?

Баян откашлялся и запрокинул голову.

– Был враг силён, был враг хитёр
А князь же был – умом востёр.
Врага решил он обмануть
В его тылы избрал он путь.

Промчался волком через снег...

– И дальше я пока не знаю, что поставить в пару. То ли бег, то ли набег.

Князь задумался.

– А ты поменяй строку про снег. Тогда и пару подобрать будет проще. Например:

– Промчался волком чрез снега

И в спину поразил врага.

Бард удивлённо на него воззрился – обнаружить такие способности у Всеслава он ожидал в последнюю очередь.

– Князь, да у тебя дар к словоплетению! Я думаю, ты даже мог бы стать бардом...

Всеслав хмыкнул. Надо же – услышал бы Военег – с коня бы упал. А уж наставник...

– Скажи, Боян – поспешил он перевести тему – ты же хочешь наблюдать бой, чтобы потом описать его в песне?

Тот замялся. Всё было понятно без слов. Бой он увидеть хотел бы. Но, само собой – не подвергая опасности свою драгоценную жизнь.

– Я бы посоветовал бы тебе наблюдать отсюда. С холма всё хорошо видно. А когда сеча закончится, ты спустишься к устью реки и будешь ждать нас там. Барду оставалось только согласиться.

Всеслав вернулся к войску.

Кудеверичи уже выдвигались для атаки на город. С ними всё было предельно ясно – они достигли цели, ради которой претерпели столько лишений, и готовились вознаградить себя за труды. И вряд ли что-то могло их остановить.

Князь подозвал к себе Волха.

– Возьмёшь с собой полсотни воев и всех лошадей – сказал он. – С ними через пару часов скрытно выдвинешься к устью Ольховой. А оттуда к детинцу. Пусть за это время твои вои сделают побольше волокуш. Если не найдём сани – повезём на них добычу.

Тот отправился выполнять задание. Быстро отобрал несколько десятков кметей, и они погнали на полудень две сотни лошадей.

К бою князь облачаться не стал – им предстояло быстро перемещаться, а доспех в такой ситуации только стесняет движения. Да и серьёзного сопротивления не предвиделось. А чтобы отразить случайную стрелу возле него всегда были два телохранителя.

На ударную позицию отряд выдвинулся, съехав на задах по крутому склону холма.

Перед ними лежал лёд Гзени – широкого ручья, служившего закатной границей Новогграда. И первым рубежом обороны. По которому отряд скрытно продвинулся до второго – земляного вала с частоколом, ограждающего Людин конец. Оттуда раздавались вялые петушиные крики.

Появления врага здесь явно не ждали – вал давно оплыл и его никто даже не думал подсыпать, брёвна иструхлявились а в некоторых местах даже попадали на землю. В общем, никакого неодолимого препятствия это сооружение собой не представляло.

Да и не мудрено – последний раз этим стенам угрожали почти полвека назад – в самом начале правления Ярослава Хромого. И вызов ему дерзнул бросить не кто-нибудь, а князь Брячко – отец Всеслава.

Кстати, Новоград он тогда взял. Город, но не детинец. Когда же он пошёл с добычей обратно в свои земли, на него обрушился Ярослав с большой ратью. Битва была жестокой, но отец победил. И был близок к тому, чтобы подчинить себе всю Славия.

Чтобы не допустить этого, хромец позвал на помощь варягов. Они привели большое войско. Чаша весов качнулась в другую сторону – отец был вынужден отступить на свои старые рубежи. В оплату за помощь Ярослав отдал тогда варягам во владение город Ладыжин с прилегающими землями. С тех пор на полуночи правдивых земель воцарился долгий мир.

Что ж, кое-кому пришло время понести наказание за беспечность.

– В городце никого не трогать и не грабить! – приказал Всеслав воям. – И не задерживаться! Быстро проходим на Пробойную улицу и по ней – до полуденных ворот детинца. Берём их с ходу и врываемся внутрь. Нас не ждут, поэтому большого боя не будет. Там – в детинце – наша главная добыча! Всем понятно?

Ответом было дружное молчание.

– Ясно княже! – отозвался за всех старший сотник. – Мы-то всё быстро сделаем. А как с лесовиками быть? Они-то наверняка грабить начнут!

– Это их беда! Ты о себе думай.

Больше вопросов не последовало.

Князь подал сигнал.

– А ну все разом – скомандовал сотник.

Полторы сотни кметей дружным рывком преодолели земляной вал с частоколом и ворвались на ещё тихие с утра улочки Новограда. Для скорости передвижения сразу разделившись на несколько колонн.

Воев встретил дружный собачий брех. С этим ничего нельзя было поделать – не станешь же врваться в каждый двор, чтобы заткнуть пасть всякому кобелю! А вот одиноких горожан, с утра пораньше спешивших по своим делам, безжалостно убивали на месте – те могли поднять шум, а это сейчас было совсем ни к чему.

Колонна с которой шёл князь неожиданно упёрлась в тупик.

Тут уже оставалось только шуметь – времени возвращаться и искать другой проход не было. Двое молодых кметей сиганули прямо через забор ближайшего дома, и, быстро перебив собак, отворили ворота изнутри. Вои растеклись по двору. Из дверей избы выскочил хозяин – кряжистый бородатый муж, которому не хватило ума попросту переждать визит нежданных гостей. Он громко кричал и размахивал топором, видимо, собираясь всех перебить.

Его успокоили ударом сулицы в подреберье. Изрыгнув проклятье, хозяин растянулся на собственном крыльце, обильно заливая его кровью.

В глубине двора князь разглядел маленькое семейное капище – полукруг из резных чуров, со ртами, вымазанными жиром и засохшей кровью. Голову самого высокого из них венчала серебряная шапка. Похоже, это был не кто-нибудь, а сам небесный Отец.

Судя по всему – это был далеко не бедный дом.

– Прости, владыка – шепнул князь. – Неволей так получилось.

Кмети нашли калитку, выходящую на смежную улицу. Некоторые самые нетерпеливые, не дожидаясь пока проход освободится, взбегали на поленницу и с неё сигнализировали через забор.

Двор опустел. На нём остались только окровавленные тела хозяина и его верных псов. Как будто Морена-смерть пролетала мимо,дохнула на его обитателей и унеслась дальше по своим делам.

Дощатый настил сменился дубовыми плахами – кривая улочка вывела отряд к одной из городских площадей. Посреди которой, как и полагается, стояло капище – уже явно общего пользования. Все идолы были богато отделаны серебром и даже золотом. Выше всех опять стоял небесный Отец.

Здесь их уже ждали кмети из второй колонны. Здесь они, по всей видимости, столкнулись с воями городской стражи – на мостовой лежало несколько бездыханных тел в одинаковых коротких плащах и островерхих шапках.

– Князь, мы нашли Пробойную улицу! – радостно отрапортовал сотник. – Она в той стороне – он махнул рукой, указывая направление.

Тот рассеяно кивнул.

Вид мёртвых стражников натолкнул Всеслава на дерзкую мысль. Он стащил с одного из трупов плащ и накинул его себе на плечи. А на голову нахлобучил высокую шапку покойника. И то и другое оказалась впору.

Его примеру тут же последовали Полесич с Нащокой.

– К воротам мы подойдём первыми – заявил князь сотнику. – Выдадим себя за стражников. Вы покуда держитесь поодаль. Мы захватим ворота и дадим вам сигнал.

Возражений не последовало.

Пробойная оказалась набережной. Между улицей и берегом Ольховой раскинулись многочисленные пристани, склады и харчевни. В доках зиму переживали корабли местных купцов. К длинным причальным пирсам, некоторые из которых тянулись едва ли не до самого речного стрежня, вместо ладей были привязаны широкие обозные сани.

Волокуши, похоже, могли не понадобиться.

Из-за раннего часа Пробойная была ещё малолюдной. На группу из трёх лжестражников спешащих по своим делам никто не обращал внимания. Гораздо больший интерес вызывал большой отряд неизвестных воев, двигавшийся в отдалении. Правда, кмети не давали его утолить, безжалостно рубя всех встречных.

До детинца Всеслав со спутниками добрались меньше чем за четверть часа.

Впереди замаячили открытые створки ворот. Они располагались в нижнем ярусе высокой четырёхугольной башни. Из угловой бойницы в одном из поверхов торчало длинное древко, на котором был закреплён большой треххвостый красно-зелёный стяг с гербом в виде широкого ветвистого дуба. Проход через широкий ров открывал опущенный подъёмный мост. Видимо для облегчения задачи противнику, стражи детинца ещё и подняли воротную решётку. Оставалось только войти внутрь и завладеть всем этим.

Князь запрокинул голову вверх. Ворон парил на привычном месте – в зените над головой.

В караульне за воротами расположились несколько скучающих воев. Всеслав поднял руку в воинском приветствии и уверенно двинулся дальше. Прежде чем обезвредить стражу, нужно было найти и вывести из строя подъёмный механизм.

– Стой, вам тут цего?! – раздался окрик.

Оказывается, местные говорили на том же наречии, что и кудеверичи.

Само собой, князь не собирался останавливаться. Но дорогу ему неожиданно преградили несколько воев, вооружённых короткими копьями.

Одежей они явно отличались от убитых стражников – вместо коротких плащей и островерхих шапок на них были войлочные стёганки. За спиной Всеслава и его спутников выросли вои из караулни. Вместе их было больше дюжины. Похоже, он недооценил их бдительность.

Пришлось остановиться.

– Зачем присли? – спросил десятник. От прочих он отличался наличием лёгкого варяжским шлема на голове. – На своём конце ходите!

В голову князя впервые закрались сомнения в разумности его плана. Оказывается, в Новограде у каждого из городских концов был свой отряд стражи. И, судя по всему, между собой они не очень-то ладили.

Надо было срочно что-то предпринять.

– Веди нас к старшему! – гаркнул князь. – В городе вои Всеслава! Они скоро будут здесь! Стражники остолбенели. Ещё бы – такая новость.

Первым в себя пришёл десятник. Он тут же, как и рассчитывал князь, отправил часть людей на ворота, а часть наверх – к подъёмному механизму. Сам же с оставшимися воями повёл троих лжестражников к командиру. Тот, к счастью, был совсем недалеко – здесь же, на втором поверхе башни, куда они поднялись по винтовой лестнице.

Если этот муж когда-то и был умелым воем, то с тех пор изрядно заплыл жиром. Кроме немалого брюха к его особым приметам можно было отнести большую нечёсаную бороду.

Кроме старшего в комнате находился какой-то отрок с заплаканными глазами, помогавший тому надеть стёганку.

– Кто таков? – спросил стражник хриплым басом, натягивая на голову вязаный подшлемник.

– Страз Людова конца – ответил за князя десятник.

– Это я сам визу. Подай сэлом, Коцет – приказал он отроку. – Цто за сум подняли? – снова обратился он к князю.

Тот прикинул расклад. Теперь он выходил неплохим. Этот увалень, десятник и пятеро стражей – отрок не в счёт – против троих опытных воев.

– Цего молчис? – снова спросил новоградец, протягивая руки к шлему.

Последние его слова захлебнулись в бульканье. Вместо ответа князь выхватил своего бастарда и вонзил того ему точно в рот. Уже мёртвое тело мешком рухнуло на пол.

Из протянутых рук отрока с грохотом упал шлем.

За мгновение до этого Всеслав швырнул в стоящих сзади плащ стражника, завязки которого перед этим незаметно распустил. Он накрыл лицо десятника. Тот на мгновение ступешался, чем тут же воспользовался Нащока, разрубив ему затылок.

Схватка закончилась в считанные мгновения. Обленившимся стражам оказалось нечего противопоставить выучке гридней. К своим командирам подчинённые присоединились так быстро, что даже не успели позвать на помощь остальных товарищей.

Расчёт князя оправдался – отряд воротной стражи оказался обезглавлен, да ещё и разделён на несколько частей. И общую тревогу они не пробили.

И не пробьют. Правда, только если и дальше действовать также быстро и напористо.

– Где подъёмный механизм? – спросил князь у отрока, испуганно забившегося в угол, и, кажется, успевшего со страху надеть штаны.

– Т-т-та-ам – тот указал рукой наверх.

– Покажешь – Всеслав схватил его за шкуру и осторожно, чтобы не запачкаться, потащил за собой.

Они поднялись ещё на один виток лестницы.

На третьем поверхе и вправду располагались подъёмные механизмы. А ещё там было не меньше десятка воев. Трое из них усердно крутили ворот, пытаясь опустить надвратную решётку, а остальные таскали к бойницам дровишки и тулы со стрелами.

Князь отшвырнул в сторону отрока и, не говоря худого слова, атаковал стражей возившихся с механизмом. Телохранители сковали боем остальных. Одного из воев Всеслав отправил к пращурам первым же ударом. Двое оставшихся оказались расторопнее – успели бросить ворот и схватить оружие. У одного была секира, у другого – короткое копьё.

Несколько раз увернувшись от первой и отразив мечом второе, Всеслав на какой-то миг даже пожалел, что не надел доспехов.

Чтобы отразить очередной удар секиры он подхватил со штабеля полный тул со стрелами. Лезвие боевого топора завязло в тонких древках, а его хозяин лишился сперва пальцев, а потом и жизни.

Тут же князю пришлось уворачиваться от копейного жала, летящего в неприкрытую грудь. К счастью он успел перехватить ратовище рукой. Развернувшись на пятках, Всеслав вонзил клинок в бок противника. Тот согнулся пополам и рухнул на пол.

Древком трофейного копья князь заклинил поворотный механизм подъёмника.

Схватка подходила к концу. Когда все десять стражников сменили вертикальное положение на горизонтальное, Всеслав вложил меч в ножны и подошёл к бойнице.

Перед ним лежала Пробойная улица. На которой, присмотревшись, князь разглядел несколько десятков собственных кметей, притаившихся под прикрытием стен, навесов, заборов и плетней.

Им необходимо было подать знак.

Идея пришла тут же. Из ближайшей бойницы торчал закреплённый у пола длинный шест, на конце которого трепыхался стяг новоградского наместника – широкий дуб на красно-зелёном поле.

Князь подхватил с пола секиру и обрушил на толстую жердь, в том месте, где она опиралась о бревно, несколько мощных ударов. Сосновая полтуха не выдержала, хрустнула и переломилась. Широченное полотнище вместе с изрядным куском древка дохлой чайкой рухнуло в подмёрзшую грязь – перед самым входом в крепость. Такого знака не заметил бы, пожалуй, только слепой.

Теперь требовалось поддержать атаку на ворота с тыла.

Вернуться на первый поверх было делом нескольких мгновений.

Всеслав понял, что вовремя остановил подъёмный механизм – надвратная решётка оказалась опущена больше чем наполовину и застыла на уровне груди.

Полдюжины стражей толкали тяжёлые окованные железом створки, пытаясь закрыть ворота. Двое уже держали наготове засов – здоровенный дубовый брус.

Со стороны улицы нарастал топот сотен ног – кмети увидели поданный князем сигнал и ринулись в атаку.

Стражники поднажали. И, похоже, они успевали захлопнуть створки перед самым носом дружинников. Если бы только кто-нибудь не успел вмешаться.

И «кто-нибудь» конечно вмешался.

В начале в стражей полетели прихваченные наверху сулицы. Потом обрушились три клинка.

Воротные створки остановились, не успев сомкнуться буквально на аршин. Первым между ними проскочил сотник. В руке у него блеснул меч, на шейном монисте – наградная рыжуха.

– Веди воев в детинец! – гаркнул ему князь. – Два десятка здесь оставь – ворота охранять! Тот кивнул и хрипло проорал команду.

Полторы сотни кметей вырвались из под сводов башни и стаяй саранчи растеклись по детинцу. В притулившихся к стенам крепости караульне и нескольких хозяйственных постройках, они быстро и без лишней жалости перебили всех, кто там находился. Следующим на пути лежал богато изукрашенный терем наместника.

– Найдите мне Остромира! – проорал Всеслав – живым или мёртвым! – Если живым – награжу! Мёртвым – следом отправлю!

Затрещали ломаемые двери.

Завизжали испуганные девки.

На землю полетели выбитые оконные ставни, а следом за ними сундуки, короба, ларцы, золотая и серебряная посуда, прочая утварь. Сопротивления пока никто не оказывал.

Князь в терем не пошёл. Вместо этого он собрал три десятка воев и повёл их дальше – на единственную улицу детинца. Она была довольно короткой – на ней располагались всего несколько домов. В одних наместник принимал послов и гостей, в других хранили дань, в третьих жили ближники.

На самом видном месте располагалось высокое каменное капище новых богов. Его крышу венчали пять покатых островерхих куполов. Самый большой – отделанный сусальным золотом в центре, четыре поменьше, крытые железом – по краям. На маковке каждого из них крепился узел жизни – главный символ новых богов.

Обычай строить такие капища пришёл далеко с полудня – из-за моря. Его привезли с собой купцы. Говорили, что в жарких странах за поклонение новым богам с них брали меньше мыта. А ещё рассказывали, что если в городе есть такое святилище, туда охотнее поедут гости из других земель, исповедующие ту же веру. Совсем недавно такая же кумирня появилось и в столице Всеславова княжества. Он не возражал – купцы то их строили за свои пенязи.

К тому же там всегда было чем поживиться – в случае удачи торгаши щедро жертвовали богам часть прибыли.

И в дома и на капище ещё предстояло наведаться. Сейчас же надо было попробовать захватить полуночные ворота детинца. Они были совсем близко – в шестиугольной башне сразу за капищем.

Это удалось сделать на удивление легко. В башне оказались закрыты ворота и поднят мост. Но её стражи ждали опасности совсем с другой стороны. После того как короткая схватка затихла и князь поднялся наверх, он понял откуда.

В небе над Неревским концом растекались клубы жирного чёрного дыма. Из городца неслись гулкие и протяжные удары набата. По Великой улице туда-сюда перемещались отряды вооружённых людей.

Похоже, кудеверичи всё-таки не вняли предупреждению. Что ж – тем хуже для них.

Когда Всеслав вернулся к капищу, там уже всюду орудовали его кмети. Награбленную добычу они сваливали в кучу прямо посреди улицы. Из домов тащили связки мехов и драгоценности. Из кумирни несли золотые оклады с писаных образов, которыми было принято украшать храмы новых богов, драгоценные жреческие облачения, витые подсвечники и посуду. К совести воев пытался воззвать облачённый в тёмные одежды волхв. Его пристукивали по голове обухом секиры. Не до смерти – так, слегка – чтобы не мешался под ногами.

Князь распорядился сносить трофеи сразу к полуденным воротам.

Терем наместника кипел как растревоженный муравейник. Вой успели распотрошить его сверху донизу – от крыши до подвалов. В сторонке двое кметей охраняли стайку молодых девок – их, видимо, тоже собрались взять с собой в качестве добычи.

– Этих не брать! – приказал князь сотнику, который распоряжался сбором трофеев. – В дороге будут задерживать!

Тот досадливо отдал приказ дружинникам.

– Ну хоть попользовать то можно? – с надеждой протянул один из них. – Раз с собой нельзя.

– Пользуй – усмехнулся Всеслав – Только быстрее, а то нам скоро уходить.

– Эт мы разом – ослабил тот.

Не теряя времени, он тут же завалил ближайшую из девок, задрал ей юбку на голову, спустил порты и приступил к делу. Его примеру, недолго думая, последовал и второй кметь. Оставшиеся девки, сообразив, что в плен их угонять передумали, порскнули в разные стороны.

– Нашли Остромира? – спросил князь у сотника.

– Как сквозь землю провалился, княже – ответил тот. – Слуг поспрошали. Бают – нет его в городе, а где он – не ведают.

Всеслав нахмурился. Это было плохо.

– Собирай воев – приказал он. – Берём добычу и идём на пристань, к саням.

Однако сделать это оказалось сложнее, чем сказать. Награбленного оказалось так много, что за один раз его точно было не унести. За годы наместничества Остромир, которого так стремился найти князь, накопил столько добра, что его буквально не куда было девать.

Скрепя сердце, Всеслав приказал оставить часть трофеев. А с собой брать только самое лёгкое и ценное. Кмети набили мешки пушниной – связками куньих, соболиных и беличьих шкурок, драгоценными тканями, самоцветными камнями и украшениями, речным и морским жемчугом, окладами от образов, золотыми подсвечниками, посудой и гривнами. Большую часть серебра в слитках и монете пришлось оставить. Не избежали этой участи и несколько тюков со стеклянными глазками. Товар был первосортный – из Ладыжина. Тамошние мастера знали какой-то секрет и оттого их изделия ценились далеко за пределами Полуночи. Но сейчас ими приходилось жертвовать в пользу чего-то менее объёмного и более ухватистого.

Но всё равно они взяли в детинце сказочную добычу. С которой можно было выделить доли для всех воев, которые не участвовали в походе на Новоград, а остались под Плесковым, и не оказаться в накладе.

Правда, для начала её надо было ещё унести.

Проблемы с этим возникли, едва только отряд покинул пределы детинца. На Пробойной их ждала рать не меньше чем из пяти сотен вооружённых копьями и секирами горожан. Над ними развивался однохвостый сине-золотой прапорец. Отсюда герб на нём был плохо различим, поэтому Всеслав не мог определить, кто из новоградских бояр успел организовать жителей.

Через их ряды можно было без труда прорваться, но только если бросить добычу. Потому князь скомандовал отходить к пирсам.

Но тот, кто руководил горожанами, похоже, разбирался в воинском деле – у причалов их тоже ждали. Причём там вои были вооружены ещё и луками.

Оставалось уходить к реке.

Нагруженные кмети, осторожно переставляя ноги, чтобы не поскользнуться, тяжёлой трусцой бежали по льду Ольховой. Где-то там, в сторону полудня на виднокрае белела бескрайняя гладь Илистого озера.

Оно было их ближайшей целью.

Меж тем горожане не собирались позволить находникам просто так уйти от возмездия. Отряд, который преградил им дорогу на Пробойной, двигался за ними буквально по пятам. В спины кметям полетели стрелы. Били, правда, из охотничьих луков, поэтому они были не очень опасны.

Не успели вои Всеслава добежать до середины реки, как с восхода дорогу им преградил ещё один отряд ополченцев – числом тоже не менее пяти сотен. Они явно пришли со Словенского конца. Над ними тоже развивался сине-золотой стяг. Но с другим гербом. Его князь смог разглядеть – это была алчно распахнувшая клюв речная чайка.

Значит боярин Хотеня...

Оставалось надеяться, что слухи не обманули, и его сын – могучий витязь Ставр сейчас пребывал в войске Олува под Плесковым. Иначе малой кровью было не отделаться.

Беда не приходит одна – выше по течению Ольховой показался новый отряд – тоже не менее чем в полтысячи ратников. Ветер трепал ещё один сине-золотой прапорец. На нём был вышито древнее животное, давным-давно истреблённое богами – мохнатый земляной олень, рога у которого росли не из лба, а из углов рта.

Боярин Горазд припожаловал.

Значит, от Пробойной улицы его преследуют люди Дарёны.

В этот момент порыв ветра услужливо развернул стяг первого отряда, подтвердив предположение князя – на полотнище красовалась большая сова.

Новоградцы, общим числом никак не меньше полутора тысяч, окружили находников с трёх сторон. И явно готовились атаковать. Правда, приближаться на расстояние выстрела пока не рисковали.

Кмети легко могли уйти от них налегке, но для этого надо было оставить добычу.

Князь невольно задумался, сколько воев смог бы выставить сейчас Новоград, если бы его лучшие силы не ушли сражаться с ним под Плесков. По всему выходило, что как минимум в два раза больше.

Всеслав задрал голову к небу.

Сейчас птица человека не интересовала. Он смотрел на солнце.

До полудня было ещё около получаса. Надо было ждать и тянуть время. И по возможности не вступать в схватку. Выйти из неё будет о-очень тяжело.

Князь отдал приказ сигнальщику. Тот протрубил вызов на переговоры.

– Уту-у-у-у!

Над рекой повисла пауза. У Всеслава захолонуло в груди.

– Уту-у-у-у!

Противник повторил зов.

У князя отлегло от сердца.

На переговоры, как он и ожидал, вышли трое: Горазд – высокий кряжистый боярин с седыми прядями в висках и окладистой бороде, Хотеня – приземистый и довольно плюгавый муж с бегающими глазками и жидкой растительностью на лице, и Дарёна – известная в прошлом воительница с суровым ликом, сохранившая немалую долю прежней стати и красоты.

Все трое были вооружены. Секира за поясом у Горазда и палица в могучей деснице Дарёны, которой она, по слухам, в одном из боёв проломила головы трём здоровенным варягам, смотрелись очень даже грозно. А вот полутораручный меч, который повесил себе на спину щуплый Хотеня, выглядел довольно комично.

И как только столь тщедушный человек смог родить такого богатыря, как Ставр?

Настроены бояре были так же воинственно, как и выглядели.

– Дрозис, Всеслав?! – крикнул Хотеня, стараясь показаться как можно более грозным. – Рызый волк посол по следу отца, да в капкан попал?! – На последних словах его голос сорвался на визг, чем сильно подпортил впечатление, которое он, видимо, хотел произвести.

– Чего хотите, бояре? – напрямик спросил князь. – У меня с вами вражды нет, воевать не хочу!

Все трое даже опешили.

– Смеёшься? – выдохнул Хотеня – кто наз город ограбил?

– Твой городец, Хотеня, я не грабил – парировал Всеслав. – Хоть один муж или жена на Словенском конце в обиде?

У того не нашлось аргументов.

– Напал я, бояре, на детинец. Вражда у меня только к Остромиру. Ни домов ваших, ни капищ не трогал!

Всеслав, похоже, попал в нужную точку. Бояре на миг призадумались. Детинец и наместник, который там сидел, для них давно уже были всё равно что бельмо на глазу – на собственной земле свободно распоряжаться мешает, да ещё и мыто в свою пользу берёт.

Но одного этого аргумента, конечно, было мало.

– Как это не трогал? – возмутилась Дарёна. Её голос, рассчитанный перекрикивать звуки битвы, разнёсся далеко окрест. – А кто музэй на моём конце порубил?

– Это была воинская необходимость – парировал Всеслав. – Чтобы шум не подняли. Готов виру за них заплатить.

– А зачем в моём городце разор уценили? – поддержал Дарёну Горазд. – И дворы позгли, и людей побили, и два капися пограбили? Тозе необходимость?

– Это лесовики-древопоклонники. Мои союзники – ответил князь. – Я их предостерегал, чтобы дворов не трогали и капищ не грабили. Видать не вняли. У них и своих богов полон лес. А где они сейчас?

– Мы их побили больсей цястью – продолжил Горазд. – Остальных полонили.

– Я готов заплатить за них – предложил Всеслав. – В детинце за полуденными воротами лежат два берковца серебра и пять тюков стекла. Это вира за побитых и выкуп.

Бояре задумались и зашушукались.

– Ловко у тебя полуцается, князь – сказала, наконец Дарёна. – И тут ты прав, и там не виноват. И богов не ты оскорбил, а союзники твои.

– Выходит так – усмехнулся Всеслав.

– Если бы мой Буслай в поход не усол, а здесь был, ты бы так не ухмылялся!

– И мой Ставр тозе – поддакнул Хотеня.

Это уже было интересно. Про то, что сын Дарёны – могучий Буслай – в дальнем походе на землях чуди, Всеслав знал и до этого. А вот отсутствие в городе другого знаменитого новгородского витязя – Ставра – было той новостью, которую он хотел услышать. Спасибо богам за то что дали Хотене болтливый язык!

Князь не стал злить бояр предположением о том, что если здесь с ним была его лучшая дружина – ему было бы наплевать на всех этих витязей.

– Что же вы хотите? – спросил он без обиняков.

Бояре переглянулись. Слово взял Горазд – главный в тройке.

– Твоё серебро и стекло, княз – сказал он – пойдёт на виру за пролитую кровь и оскорбление богов. А если хочес своих союзников обратно полуцить и сам целым отсюда уйти – оставис нам всю добыщу, которую в детинце взял.

Князь задрал голову в небо. До полудня оставалось ещё какое-то время.

– Надо с воями обсудить – наконец сказал он. – А вы лесовиков моих пока сюда приведите.

– Обсуздай – ответил Горазд. – Только недолго. Сейцяс приведём.

На этом переговоры прервались.

Всеслав вернулся к своему войску.

Ничего обсуждать он, конечно, не собирался. Всё чего он хотел – потянуть время.

И оно тянулось. Правда, очень медленно. Вои томились, не зная, к чему готовиться – к отступлению или к битве. Впрочем, и новгородцы, похоже, расслабились – решили, что их вожди договорились и дело обойдётся без крови.

Никакого знака не было.

Меж тем горожане уже вели связанных кудеверичей. Их осталось около сотни. Многие были ранены.

Со стороны новгородцев прозвучал протяжный сигнал рога – в этот раз они вызывали князя на переговоры.

В его сторону направились те же трое бояр. С ними были два воя, которые вели скрученного Кацапа. Всеслав узнал его в основном по козлиной бородёнке – остальная часть физиономии ватажника лесовиков, лишённая привычной личины, представляла собой сплошной кровоподтёк.

Идти к ним очень не хотелось. Но не идти было нельзя.

И соглашаться на их условия было нельзя.

Вступить в бой при десятикратном превосходстве соперника – верная гибель. А расстаться с добычей и вернуться ни с чем – страшный позор. По сравнению с которым смерть в бою – благо.

Всеслав тяжело вздохнул и пошёл вперёд, приказав телохранителям сопровождать себя.

Эти две сотни шагов были, наверное, самым тяжёлым испытанием в его жизни.

То есть могли бы стать, если б где-то на полпути князь не услышал, наконец, долгожданный сигнал – протяжный волчий вой.

К переговорщикам он подошёл уже уверенным в себе.

– Ну, цто надумал, князе? – спросил Хотеня.

– Надумал, боярин – ответил он. – Добычу я вам не отдам. Что с бою взято – свято. Хватит с вас и серебра со стеклом.

– Мы з твоих лесовиков всех поресым – пригрозил Горазд.

– Решайте – усмехнулся Всеслав. – Они мне не родичи. Меня не послушали – пусть теперь на себя пеняют. Только дайте им смолы перед смертью пожевать – а то их предки на небо не пустят! – Он засмеялся.

– Кня-а-аз... Ты клялся-а-а...

На разбитых губах Кацапа надулись и лопнули несколько кровавых пузырей.

– Я клялся к добыче вас привести – последовал ответ. – А не свою отдавать, чтоб ваши шкуры спасти. Так что не обессудь!

– Знацит бой? – спросил Хотеня, безуспешно стараясь казаться как можно более грозным. – Мы же тебя раздавим!

– Сначала раздави! А потом хвастайся!

Всеслав развернулся чтобы уйти.

– Буць ты прокля-а-а... – просипел Кацап ему в спину.

Полесич и Нащока на всякий случай прикрыли князя от возможных посягательств. Которых не последовало.

– У-у-у-у-у-у!

Над рекой снова раздался зловеющий волчий вой. Сначала одиночный, а потом подхваченный целым хором звериных голосов.

Новоградцы растерянно заозирались по сторонам.

И не зря. В их тылу внезапно, словно из воздуха, появилась группа из трёх десятков всадников, которые сразу же принялись рубить и колоть всех кто попадался им на пути.

Во главе отряда ополченцы тут же распознали Волха – сына Всеслава, о котором ходили слухи, что он оборотень.

– У-у-у-у-у-у!!!

Подтверждая предположения, тот снова издал страшный звериный вой, от которого у большинства ратников кровь стыла в жилах. Клич поддержали и его вои, не на миг не прекращая при этом своей кровавой работы. За короткое время лёд Ольховой устлали полсотни тел.

Ополченцы, неожиданно для себя превратившись из охотников в добычу, в панике бросились врассыпную. Многие побросали оружие – ведь оборотней, оно, как известно, поразить не могло. Боярам пришлось останавливать толпы бегущих и приводить их в чувство.

Однако пока они снова организовались, разглядели что нападавших во много раз меньше чем их, и приготовились дать отпор, прошло немало времени.

Которого вполне хватило отряду Всеслава. Другая часть воев из числа тех, кто утром ушли с Волхом, подогнала лошадей. Кмети привычно попрыгали в седла, а добычу побросали на волокуши, предусмотрительно подготовленные по приказу князя.

Всеславу подвели его мышастого.

Под копыта застелился гладкий лёд Ольховой. Стены детинца и сам Новоград остались позади. Вместе с ратью одураченных горожан, которая уже не представляла опасности.

Князь был настолько уверен, что Волх уйдёт от противника и скоро к нему присоединится, что даже не оглядывался. Зачем?

Со всех сторон нарастали ликующие крики – небольшой отряд только что вырвался из настоящей ловушки. И не просто ушёл, не потеряв при этом ни одного человека, а ещё и смог увезти с собой сказочную добычу.

Всеслав превзошёл подвиг своего отца! Это означало, что боги любят князя и даруют ему удачу. А вместе с ним и всей дружине!

– Все-есла-ав! – Все-есла-ав! – кричали вои.

Он вскинул глаза к небу. Даже ворон парил на привычном месте как то по-особенному – победно расправив крылья.

– Вот и былине конец! – прозвучал сбоку хорошо знакомый голос.

Всеслав обернулся. Когда же княжич избавится от привычки всегда появляться словно ниоткуда?

– С лесовиками нехорошо получилось – неожиданно попенял Волх – Всё-таки союзники.

– Они же не дети! – парировал князь. – Знали, на что шли. К тому же я их предупреждал.

Отец и сын поехали бок о бок. Их жеребцы по привычке попытались сцепиться между собой. Наездники так же привычно развели их в стороны оттянув морды за удила.

– А зачем их вообще надо было тащить с собой сюда – на верную смерть?

Князь усмехнулся.

– Помнишь, зачем они тебя хотели богам отдать? – Как искупительную жертву. Не помнишь – а так оно и было! Вот и они – жертва. За святотатство.

Княжич недоумённо посмотрел на отца.

– Они же оскорбили новгородских богов, отец. Не наших.

Тот пояснил.

– Новгород через год-другой пойдёт под мою руку. Если бы сейчас я просто налетел на него, побил людей и пограбил – они бы этого долго не забыли. И не простили. А я напал только на детинец – на Остромира. Он для местных бояр – как кость в горле. А то, что капища осквернили – так святотатцев я им отдал. Ещё и добычей поделился. Так что через несколько лет они меня сами позовут!

– Почему? – удивился Волх. – А если не позовут?

– Ещё как позовут! Добыча, которую мы взяли – дань со всей Славии, которую Остромир несколько зим собирал. Что он теперь за большой водораздел отправит? Где пенязи возьмёт? – С новгородцев будет взыскивать! А кому нравится два раза платить? Получается наместник их и не защитил, да ещё и обдирает как липку! Тут они и про меня и вспомнят – как я их уважил.

– Хитро! – восхитился Волх. – Но всё-таки ты знал, что лесовиков на смерть ведёшь?

– Знал – не стал отрицать князь. – А что тебе эти древопоклонники? К тому же их земля нам пригодится. Рассуди сам – кому сейчас Кудеверь принадлежит?

Княжич задумался.

– Дани они вроде бы никому не платят.

– То-то и оно – ни мне, не Плескову, ни Новгороду. Потому что леса там дремучие – лезть в них никто не хочет – себе дороже! Из засад воев столько положат, что лучше не соваться. А теперь их лучшие мужи погибли – стрелять некому. Я весной туда Военегу отправлю – он эти земли под мою руку с одной младшей дружиной подведёт!

– Я бы не догадался – признался Волх. – О! – он неожиданно остановил коня. – Наш виршеплёт! Наверное, новую песнь сложил!

Князь за разговором с сыном не заметил, как кони вынесли их к устью Ольховой. Там на узком мысу, глубоко вдававшемся в Илистое озеро, их и вправду ждал Баян. Он по-дамски сидел на своей чалой кобыле, что-то бормотал под нос и перебирал гусельные струны.

При виде Всеслава с сыном он откинул назад золотистые волосы, картинно воздел руку и пафосно продекламировал.

– Был враг силен, был враг хитёр
Всеслав же был – умом востёр.
Врага решил он обмануть
В тылы его избрал он путь.
Промчался волком чрез снега
И в спину поразил врага.
Ударил он на Новгород
И там уж вдовы голоса!
Горят дома и лают псы
Добычу сносят в круг бойцы.
В погоне тьма врагов за ним
А князь уходит невредим!

Кмети восторженно взревели.

И было отчего. Даже Всеславу с его нелюбовью с плетёному слову было ясно, что этот раз Баяну и вправду удалась хорошая песнь – какую не стыдно послушать на самом изысканном пиру.

Вои наперебой сыпали восхищённые комплименты.

– Молодец, жрец! – оценил и Волх – Тебе, сегодня, наверное, подсказывали слова сами боги!

Бард принимал отзывы, с деланной небрежностью кивая после каждой похвалы. Вид у него был такой, словно это он был сейчас главным победителем.

– Ты с нами, жрец? Или остаёшься здесь? – вернул его с небес на землю Всеслав. – Нам пора в путь!

Тот встрепенулся, пересел в седло по-мужски и ударил кобылу пятками по бокам. В общей колонне он пристроился позади отца с сыном. Их путь лежал по льду Илистого озера. Чтобы пересечь широкий водоём, отряду требовалось несколько часов. Судя по всему, лёд здесь намерзал неравномерно, в иных местах топорщась щетиной торосов. Это сильно затрудняло движение. Небо понемногу начинало темнеть и снова заволакиваться тучами.

– Куда повернём? – поинтересовался Волх – на Шелонь или Полисть?

Князь задумался. Обе эти реки выводили в земли, принадлежащие Плескову. Там можно было соединиться с дружиной, которая осталась в осадном лагере под стенами этого города.

– Ни туда, ни туда – ответил он наконец. – Там нас, скорее всего, будут ждать. Поедем на Ловать.

– По ней же далеко! – удивился Волх – И с Военегом разминёмся!

– Далеко – согласился князь – Но зато там не будет ни Магноса, ни Олува. И по ней мы до самых своих границ дойдём! А за Военегу не бойся – как-нибудь сам до дома доберётся. Он рати водил, когда я ему ещё макушкой до мотни не доставал.

Оба весело рассмеялись.

– Добычи на всех хватит – продолжил Всеслав – Мы её взяли столько, что новую столицу можно отстроить. Ещё и останется, чтобы лет пять войну вести.

– Значит, поход удался?

– Не совсем – князь помрачнел. – Остромира в Новограде не было. И где он – никто не знает...

– Прости, князь – неожиданно влез в разговор Баян, который до этого тихо ехал себе сзади и не подавал голоса. – Я невольно подслушал вашу беседу. И вспомнил кое-что...

Всеслав с княжичем замолчали и выжидательно на него уставились.

– Когда я ждал вашего возвращения на мысу, ко мне подошёл некий жрец в тёмных одеждах. Он просил тебе кое-что передать. Про Остромира...

Бард замолчал, переводя дыхание.

Всеслав подавил в себе вспышку гнева.

– Ну? – выдавил он из себя.

– Он сказал, что Остромира сейчас можно найти на великом капище. Которое на реке... на реке... кажется Маята!

Князь грязно выругался про себя, а потом не сдержался и произнёс несколько бранных слов вслух.

Ох уж этот Баян! Со своими проклятыми виршами он едва не забыл передать такую важную весть!

– Ты б ещё завтра вспомнил! – гаркнул на барда княжич.

Всеслав несколько раз глубоко вздохнул и выдохнул, чтобы успокоится.

На самом деле Баян вспомнил всё очень даже вовремя – от места, где они сейчас находились, до устья Маяты было буквально рукой подать.

Илистое озеро. Устье реки Маяты

Когда-то в том месте, где эта маленькая речка впадала в Илистое озеро, располагалась самая первая столица Славии. В этот тихий уголок, в стороне от торговых путей, переселенцы из закатных княжеств перенесли изображения всех своих богов и построили для них новые капища. А уже потом возвели вокруг них город. Который рос и расцветал несколько веков.

До тех пор, пока с полудня не пришли жестокие завоеватели. Это были готы. Их вёл знаменитый полководец Амал. Он разгромили Славию, а её столицу взял штурмом. Жители города большей частью были убиты либо взяты в плен. Меньшая часть сумела спастись, укрывшись в окрестных лесах и болотах.

Капища же готы почему-то не тронули. То ли потому что почитали тех же богов, то ли из-за того, что у них не было обычая разорять чужие святилища.

Потом они ушли.

Славия долго – несколько десятилетий приходила в себя после того нашествия. Столицу отстроили в другом месте – дальше на полуночь. Однако капища с Маяты никто переносить не стал, и устье этой речки осталось святым местом. Куда приходили жрецы и те, кто хотел посоветоваться с богами.

Как, наверное, Остромир сейчас.

Развалины древнего города с озера были почти не заметны – они давно сравнялись с землёй и поросли лесом. А вот капище – большое каменное кольцо, окружавшее гигантский менгир, было видно очень даже хорошо. Внутри святилища горели несколько огней, совсем не дававших дыма.

Князь приказал сотнику отобрать несколько десятков кметей, которые смогли бы незаметно пробраться к святилищу и окружить его. Чтобы не выпустить ни одной живой души.

К капищу Всеслав поехал в одиночестве.

Кромлех увеличивался в размерах. По мере приближения князь всё отчётливее различал несколько светлых фигур, которые передвигались внутри него. Там, похоже, проводили какой-то обряд.

Когда до каменного кольца осталось буквально несколько сажень, рыжий всадник поднял вверх зелёные глаза. Ворон по-прежнему парил в зените над его головой.

– Благословите боги – пробормотал он про себя и решительно двинул коня между каменных плит – внутрь капища.

Фигуры в святилище замерли.

– Кто посмел прервать святое действо? – раздался гневный гнусавый голос.

– Я! Князь Всеслав! – всадник заставил коня сделать ещё несколько шагов вперёд. Тот почему-то упрямылся.

– А-а-а, святотатец! – тот же голос вдруг приобрёл неуместные торжествующие нотки. – Сам явился!

– Где Остромир? – спросил князь.

– Я здесь! – один из участников мистерии вышел вперёд.

Новоградским наместником оказался тот самый обладатель гнусавого голоса. Это был высокий сутулый старик с длинными седыми волосами и бородой.

Он простёр перед собой старческие иссохшие руки.

– Приготовься быть поражённым гневом богов!

Над святилищем повисла пауза.

Но никакого обещанного гнева не последовало.

– Людей обмануть можно, Остромир – рассмеялся князь – А вот богов – нет! Ты слишком долго коптишь это небо, старик. И не знаешь, что сейчас они карают неугодных руками своих посланцев. И я – один из них. И сейчас я выполню их волю – убью тебя!

Остромир дёрнулся.

– Даже и не думай бежать! Мои люди окружили капище!

Мышастый жеребец, понукаемый наездником, толкнул старика широкой грудью. Тот рухнул на землю. Но спеси не утратил. Даже попытался подняться.

– Нет! Всеслав! Ты не понимаешь! Ты служишь не богам, а демонам! Если тебя не убить, ты принесёшь много зла! Я вижу это! У меня дар!

Обратно лечь его заставило конское копыто, едва не проломившее рёбра грудной клетки.

– Если боги дали тебе дар – усмехнулся князь – так пусть они сейчас защитят тебя.

Он потащил из-за плеча своего бастарда.

Остромир вдруг затрясся, словно от лихоманки, как будто увидел какое-то чудовище. Он поднял руку, указывая за спину князю, и завизжал дурным голосом.

– А это! Это! Это с тобой не человек! Это чудовище! Он погубит тебя!

– Дозволь, отец, я убью его!

Всеслав вздрогнул. Это Волх опять неожиданно появился за его спиной.

– Ну, уж нет! Его я прикончу сам.

Всеслав занёс над головой меч.

– Князь – раздался осторожный голос одного из жрецов – не оскверняй святое место убийством!

– Боги не обидятся – ответил он – Я против них не восстаю. Я просто покараю этого человека.

– Нет, князь! – возопил Остромир в последней надежде. – Умоляю – Опомнись! А-а-а-а-а-а!!!

Клинок нырнул вниз и крик захлебнулся.

Один из священных костров зашипел – в него попало несколько капель крови.

То, что ещё миг назад было новоградским наместником, несколько раз дёрнулось в предсмертной судороге и затихло.

– Вот и былине конец! – подытожил Волх.

Чёрный ворон в небе почувствовал радость хозяина – его воля была исполнена.

Глава 1

«Зверь на ловца»

Середина зимы. Окрестности Менска

Что боги не сотворят – всё лепо! И реки, и холмы, и леса, и даже болота – всё глаз радует и удивления достойно. А эти бобровичи, за что не возьмутся – только изгадят. Что за обычай у них – дома на сваях ставить? Ладно, когда посреди болота или вовсе на воде – ясно – чтобы не топило и стены не гнили. А на сухом месте зачем? Чтобы мыши не погрызли?

А одеваются как – что мужи, что жёны – все в белёных рубахах до колена не подпоясанных. Ни штанов, ни юбок – как у честных людей! И волосы у всех длинные – издалика или со спины и не отличишь – где он, а где она. Небось с навьими дружбу водят – от них такой обычай и переняли.

Или как они гостей встречают – хлебом и простоквашей – а не хлебом и мёдом, как в правильных землях – отломил кус, окунул да ешь. Да и сам хлеб они печь толком не умеют. Всяк знает, что опару надо в закрытой печи доводить. А они кладут тесто на камни в открытом очаге. Вот и получается ни то ни сё – не хлеб, а сухая лепёшка. Хочешь – глодай, если зубов не жалко, хочешь – гвозди забивай.

– Тьфу...

Единственное что хорошо делают – молоко скисляют – почти как степняки – выходит ядрёным и долго не портится...

Олег в очередной раз распустил завязки на кожаной фляге и приложился к её горлу.

– Ох, хорошо...

Юноша обтёр испачканные губы и осмотрелся.

Утренний туман ещё не рассеялся, и разглядеть в колонне можно было только всадников, ехавших совсем рядом. Уже в нескольких саженьях они виделись лишь неясными размытыми силуэтами. Хорошо хоть дорога, по которой шло войско, была торная – не собьёшься, а то в таком мареве ничего не стоило заплутать.

Олег пришпорил своего воронка. Тот обиженно всхрапнул и ускорил ход. Через малое время он поравнялся с тремя гриднями, которые ехали впереди.

Этим было не до нравов и обычаев местных жителей. Они вполголоса обсуждали последние вирши Баяна – молодого, но уже знаменитого барда, которые тот посвятил дерзкому набегу полочанского князя Всеслава на Новоград. Эта песнь разлетелась по всем правдивым землям в считанные седмицы, принесла автору громкую славу. Один из воев как раз декламировал отрывок:

– Промчался волком чрез снега
И в спину поразил врага.
Ударил он на Новоград
И там уж вдовы голосят!

– Что ни говори, Гундйай, а этот бард – мастак. Это ж надо – так слова запаровать.

– Не скажи, Огура – запротестовал второй гридень. – Я вообще против этого глупого правила – крайние слова в строках паровать. Так жёны поют – когда вышивают – как нити, так и слова плетут. А мужской слог рамок не терпит. Это всё равно, что меч в ножны для кинжала пихать. Или добрый уд бабе не в уду, а в ухо пристраивать!

Гридни громко захохотали над удачной шуткой.

– Гундьяй, хорька тебе в глотку – ты не исправим! – с трудом выговорил первый вой, утирая проступившие слёзы. – Без парования вирши складывали сто лет назад. Ещё при Святославе Грозном. Но тогда и время было другое – жестокое. И люди тоже. Поэтому и вирши такие – суровые. А сейчас старые песни только старикам и нравятся. Ну и тебе ещё...

– Новое не значит хорошее – не сдавался Гундьяй.

– Да ты только послушай – Огура приосанился.

Пришёл богам князь поклониться,
Но Остромир над ним глумится.
Рванул из ножен меч востёр —
И злой старик упал в костёр!

Окончания спора Олег уже не услышал – воронок унёс его далеко вперёд. Ненароком подслушанные вирши напомнили ему, что творилось в Столице, когда туда дошло известие о деянии Всеслава, о котором говорилось в песни.

В город как раз, по только что установившемуся после распутицы санному пути, со всех правдивых земель съехались представители рода Соколовичей – не было только нескольких князей, правивших в совсем уж отдалённых землях, да ещё полочанской ветви, уже больше века жившей на особицу. Собрались на ежегодную тризну по общему отцу и деду – Ярославу Хромому, ушедшему в ирий ровно девять зим назад. Такой обычай появился сразу после смерти великого пращура – он сам завещал своим потомкам жить в мире и регулярно собираться вместе на общие праздники. Великий князь считал, что это поможет удержать детей и внуков от усобиц. А годовщина его отбытия на небеса и послужила поводом для сборов.

Поминальные пиры были в самом разгаре, а хмельные меды и квасы лились рекой, когда на княжий двор ворвался багровый от ярости Вышата – набольший боярин и глава знатнейшего правдивых земель рода – после Соколовичей, конечно – Малевичей. Он то и принёс известие о деянии полочанского князя.

– Не быть ему живу! – орал почтенный муж, брызгая слюной и потрясая могучими кулаками. – Весь его род изничтожу!

Он потребовал от князей немедля идти на Всеслава походом. И был в своём праве – как набольший боярин, и вдвойне – как сын убитого Остромира.

Рыжий волк и вправду переступил грань. Сам по себе его набег на земли соседей был делом обычным. Наоборот, подобные смелые авантюры всегда вызывали восхищение у истых воев. Хотя, конечно и карались ответными походами. Правда, только если сам «нашкодивший» не предложит не ссориться из-за такой мелочи. А то ещё и добычей поделится.

А вот дерзкое убийство старейшины самого знатного рода... Да ещё и в святом месте... Тут ни о каких переговорах и речи не могло идти – только война. Которая должна была закончиться либо смертью наглеца, либо лишением его стола.

Сбор сил занял совсем немного времени. Ведь Соколовичи съехались в столицу со своей роднёй и ближниками. И теперь вот уже вторую седмицу войско, составленное дружинами трёх старших сыновей Ярослава и набольшего боярина Вышаты, двигалась в земли Полочанского княжества.

Вначале его путь лежал вверх по течению замерзшей Перепяти, затем – по льду реки Птичьей. Пройденные места были почти сплошь малолюдны. Только изредка в устьях мелких речушек попадались веси бобровичей – небольшого племени, появившемся на лике подсолнечного мира полтысячи лет назад – от смещения обитавшей здесь с незапамятных времён дикой полесской дрягвы и покоривших её древних сполов, самих после этого неоднократно завоеванных. Болотники хотя и были довольно приветливы с пришельцами – а попробовали бы они

вести себя по-другому – жили настолько неправильным обычаем, что княжич, всегда любивший узнавать новое о нравах других народов, при воспоминании об их укладе только плевался.

Сейчас рать углублялась в Буковые холмы – закатный отрог Большого водораздела, делящего правдивые земли на Полудень и Полуночь. Так что за этим хребтом уже располагались владения Полочанского стола. А впереди лежал город Менск – ключ ко всей этой возвышенности. Овладев им, можно было бы почти без помех угрожать самому сердцу Всеславовых владений. Так говорил отец Олега на недавнем военном совете. Ему самому, за малолетством, слова на нём пока не дали. Зато он внимательно слушал и запоминал, о чём говорят старшие.

Дорога вывела всадника на высокую седловину между двух холмов. Сюда туман не поднимался, и можно было без помех осмотреться на местности.

Картина перед взором юноши предстала живописная. Несколькоими стрелищами впереди утопающие в молочно-белом мареве холмы сначала раздавались в стороны, а потом снова смыкались, образуя обширную долину, разделённую на две неравные части светлой полоской реки. Горбатые спины возвышенностей переливались целой гаммой оттенков – от яркого багрянца, пробуждённого лучами зарницы на дальних вершинах, до глубокой синевы на ближних. Склоны холмов, оправдывая их название, покрывали густые заросли бука, частая щетина которого придавала им сходства со стадом устроившим тут привал стадом гигантских зубров. Кстати, по слухам – эти звери в здешних местах водились в изобилии.

Среди всей этой красоты как-то даже потерялся сам город Менск, как будто притаившийся в самом центре долины.

Немудрено – размерами он уступал не только громадной Столице и родному Чернограду, но и почти всем городам, которые юноша успел повидать за свою пока что недолгую жизнь. Правда – справедливости ради – с заката Менск частично закрывала от обзора обширная роща.

Хм... Под её прикрытием можно было бы скрытно провести прямо к стенам большой отряд воев. А что? – Атилла или Боромир – любимые полководцы Олега, непременно бы так и поступили...

Неожиданно впереди разнеслась дробная россыпь копыт. Из тумана вынырнул всадник на жеребце «дикой» каурой масти. Юноша успел разглядеть на нём походный кожаный доспех с бляшками из коровьих копыт – такой же, как и на нём, и сарматский шлем с полной личиной, из-под которой выбивались длинные пшеничные усы. На шее у воя блестела серебряная гривна. Под ней, на монисте, сверкала целая россыпь наградных шелягов и рыжух.

Олег выхватил было лук и дёрнул из тула бронебойную стрелу, но вовремя разглядел ещё и рисунок на круглом щите всадника – атакующую пустельгу на пурпурно-жёлтом поле. Это был герб вожака первой отцовской дружины, которая шла сейчас в челе войска. А через мгновение он узнал и его самого.

Да... стрелой этого воя он бы точно не взял. И ничем другим тоже.

– Ну что, Шебарша, разведал дорогу? – спросил он витязя, вскинув руку в воинском приветствии.

Юноша любил лихого воя и всегда смеялся над его прибаутками, придумывать которые тот был большой мастак.

– Да уж, нашебаршил полон рот! – ответил тот своей любимой хохмой, повторив жест юноши.

– И что там впереди?

– Не поверишь, княжич, – до самого Менска – скукота!

– Отчего? – не понял Олег.

– Да ни одного воя! Всё сплошь невои попадают. Да и тех – два охотника и девка. Теперь, правда, уж не девка – Шебарша усмехнулся и махнул рукой – Не то всё это!

– А почему не то? – удивился княжич. – Дорога свободная – хорошо! – к городу подойдём скрытно.

– Да скучно – с самого утра никого не убивал! – Шебарша блеснул зубами в хищной ухмылке. – Руки чешутся – не могу! Ладно, бывай, княжич. Свидимся ещё. – В Менске.

Он осклабился, прищиприл коня и помчался дальше.

Олег ещё раз приложился к кожаной фляге, обтёр губы и последовал его примеру. Только направил коня в противоположную сторону.

Его глодала чёрная зависть. Он люто завидовал Шебарше. Юный княжич хотел стать таким же удалым, как этот витязь. Также нестись в челе войска и сходиться в лихих схватках с кметями противника. Вышибать врага из седла броском сулицы с полусотни шагов. Или разваливать его пополам одним могучим ударом – от плеча до самого пояса.

Всадник и конь снова с головой окунулись в туман.

Через какое-то время дорога перестала петлять, а холмы, наконец, раздалились в стороны.

Впереди в белёсой дымке лежала долина. Здесь марево было не таким непроглядным, как на взгорье, но всё равно, разглядеть что-то хотя бы в нескольких саженях было решительно невозможно. Тем не менее, Олег решительно поехал дальше, продолжая рассуждать о Шебарше.

Тот был, пожалуй, лучшим поединщиком во всей отцовой дружине. Сравниться с ним в искусстве боя мог, наверное, только Молчан – ближний телохранитель князя. Но к нему вои не испытывали и малой толики той любви, которой пользовался Пустельга – так за глаза называли этого лихого витязя. При желании Шебарша мог бы возглавить не первую, а лучшую дружину. Но ему больше по душе было скакать в голове войска и всегда первым вступать в бой.

Утренний туман постепенно рассеивался. Его мутная пелена неспешно сползала в низины, обнажая линялый снежный покров, из под которого островками пробивались стебли пожухлой травы.

Чтобы совсем уж не оторваться от своих, Олег остановил коня и отъехал в сторону с дороги. Сейчас, когда войско должно было начать выдвижение в долину через узкий проход, для противника был самый удобный момент, чтобы навалиться на него из засады. И если не разгромить, то хотя бы нанести существенный урон. Поэтому княжич поднёс ладонь к глазам, пристально вглядываясь вдаль.

Он, конечно, знал, что где-то поблизости орудуют кмети Шебарши, которые всяко не проглядят опасность, и, в случае чего, предупредят товарищей. Но в глубине души ему всё-таки хотелось, чтобы проглядели. А он заметил и первым принёс бы тревожную весть.

Но, похоже, сегодня был не такой день.

Войско начало вываливаться в долину, неспешно растекаясь по грязно-белой равнине. И никто на него нападать не собирался.

Зато оно само явно готовилось к бою. Отряды легковооружённых кметей, составлявших чело, на ходу меняли походное построение на боевое и уносились вперёд. Следом за ними неспешно и солидно двигались гридни большого полка. Эти на рожон не лезли. Они тут же становились на привал – ожидать пока им подвезут доспехи – облачаться к битве. К ним подтягивались отроки, ведущие в поводу боевых коней.

Наконец на дороге показалась большая группа роскошно одетых всадников – князей и их ближних дружинников. Над головами у них колыхались несколько десятков знамён. Трое старших Соколовичей ехали бок о бок. Олег разглядел рядом их серебряно-красные стяги: один четырёххвостый – великого князя – с большим кречетом, сжимающим в лапе молнию, и два трёххвостых. Первый – отцов – с могучим туром, пытавшимся поддеть рогами тризуба в верхнем правом углу. И другой – стрья Всеволода – с задумчивым вороном. Чуть в стороне от них реяло красно-зелёное знамя набольшего боярина Вышаты. На нём готовился к атаке, пригнув к земле рога, могучий лесной зубр. Остальные прапорцы принадлежали боярам и воеводам рангом помельче.

Княжич удивился, не увидев стяга со вздыбленным конём – знамени наследника великого князя, и ещё около полудюжины знакомых гербов. Однако тут же забыл об этом – от кавалькады отделился всадник, помчавшийся напрямик к нему. Он размахивал руками, и смешно подпрыгивал в седле при каждом скачке своей кобылы.

Олег узнал наездника и тягостно вздохнул. Это был старый отцов челядинец, по имени Жирошка, пестовавший юношу, когда тот был мальцом. А потом сделавшийся его слугой. Причём из той породы, которые командуют своими хозяевами почище родителей.

– Княжич! – задребезжал тот надтреснутым старческим дискантом, едва въехав в зону слышимости – Куда же ты пропал?

От возмущения на лице пожилого слуги даже затряслись его могучие брыли, из-за которых тот и получил своё прозвище.

– Все с ног сбились! – продолжал тот причитать. – С самого утра хватились – где княжич? – нет княжича! Уж не знали, что и думать! Решили уже, что тебя полочане схитили!

Олег изумился абсурдности такого предположения.

Впрочем, у его пестуна всегда была склонность стучать краски. Юноша ни на мгновение не усомнился, что «все», кто сбил с ног в его поисках – это сам Жирошка и только Жирошка.

– Ладно тебе врать – ответил княжич. – Кто бы меня тут схитил? Вокруг вои Шебарши. В случае чего выручили бы.

Зря он это сказал. По каким-то, лишь ему одному известным причинам, о вожаке первой отцовской дружины Жирошка был далеко не лучшего мнения. Поэтому упоминание его имени гарантированно вызвало у челядинца настоящий взрыв возмущения.

Основной смысл пространной речи, которой он не замедлил разразиться, сводился к тому, что этот распустёха Шебарша способен не то, что врага в трёх шагах не заметить, но и собственные штаны на ходу потерять.

Олег по привычке собирался пропустить тираду пестуна мимо ушей. Однако упоминание о том, что на него гневается боярин Колюта, заставило юношу насторожиться.

Вызвать негодование своего наставника княжичу не хотелось, и он поспешно направил воронка наперерез пёстрой кавалькаде. Туда, где развивался однохвостый прапорец кормильца – стальное конское стремя на пурпурно-жёлтом поле.

Этим своим странным на первый взгляд гербом старый боярин очень гордился. Олег хорошо помнил эту историю, поскольку слышал её множество раз. Колюта получил его ещё совсем юным воем, на поле знаменитой битвы под Лиственном. Ярослав Хромой сошёл там со своим мятежным братом Мстиславом Храбрым, который хотел отобрать у него Великий стол.

Поначалу тот подступил к стенам Столицы, собираясь взять её штурмом, но Ярослав выставил против него слишком большое войско. Тогда Мстислав повернул на Русь и предложил тамошней знати встать на его сторону, пообещав вернуть за это их землям бывшее самоуправление. Колюта стал одним из немногих, кто не купился на посулы, и остался верен великому князю.

Столь яростной битвы, какая случилась под Лиственном, старики не помнили со времён Святослава Грозного. Рассказывали, что кровь павших в той сече до краёв заполнила три глубоких оврага. Войско Ярослава было разгромлено, и ему пришлось бежать. Но под великим князем убили коня – над ним нависла угроза попасть в руки брата, известного своим вероломством и жестокостью. Тогда юный Колюта отдал ему своего скакуна, а сам бежал рядом, держась за стремя. Когда они оказались в безопасности, Ярослав тут же, в знак благодарности, опоясал молодого воя в витязи.

И в последующие годы Колюта проявил себя более чем достойно – и на войне, и в мирное время. Справлялся с любыми поручениями, которые давал ему сначала Ярослав, а потом и его

сын Святослав – отец Олега. Годы испытаний выковали в нём нестигаемый характер и суровый нрав. В целом же боярин был довольно справедлив, хотя порой и скор на расправу.

Что и говорить, отец знал, кому доверил воспитание сына. Который сейчас готовился получить от своего наставника изрядную порцию увещаний.

Олег приблизился к нему, заранее понунив голову и наспех подыскивая убедительные оправдания своему проступку. Однако, вопреки ожиданиям и обещаниям Жирошки, кормилец оказался совсем не зол. И княжича пожурил лишь самую малость. Причём делал это как-то не от души. А знаменитый пронзительный взор серо-стальных очей, за который он и получил своё прозвище, был рассеяно устремлён куда-то вдаль. По всему было видно, что боярину сейчас – не до воспитанника – его, похоже, обуревали совсем другие заботы.

Ну да тем лучше для Олега. Княжич пустил своего воронка бок о бок с серым кормильца. Позади них пристроился не прекращавший бурчать Жирошка.

Войско неспешно двигалось по дороге. Впереди медленно вырастали укрепления Менска.

Ого как сурово! Вблизи этот город оказался далеко не таким маленьким, как померещилось княжичу с вершины холма. Высокие полуторасажённые стены, вполне ожидаемо сложенные из буковых брёвен, протянулись почти на две версты. Крытые глухие заборолы были прорезаны частыми бойницами. Над ними возвышались около дюжины боевых веж, каждая – не меньше чем в три поверха. В довершение всего Менск окружал глубокий ров, сейчас, правда, пустой.

Питала его, видимо, та самая, виденная Олегом с перевала, река. Она огибала город с востока, и сейчас, по зимнему времени, пребывала подо льдом.

Прямо на её берегу – примерно в стрелище от ворот – стояла большая сложно устроенная водяная мельница. Вероятно, служившая заодно и шлюзом, соединяющим водоток с крепостным рвом. А также, заодно и дозорной вежей – уж больно высоко над землёй поднимался её верхний сруб. Не исключено что она, кроме прочего, служила и чем-то вроде предмостного укрепления – уж больно удобным для обороны было это сооружение. А идущий в Менск большак проходил прямо перед её стенами. Так что засевший в ней отряд лучников, мог сильно подпортить кровь целому войску, рискнувшему ударить на город с той стороны.

Очень сурово! Такую крепость с наскока не возьмёшь.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что слабых мест у неё нет вовсе. Город совсем не имел посада, а обширная роща, которая – как казалось сверху – подступала к самым его стенам, ближе к Менску была начисто вырублена – между ней и стенами протянулась рощица почти в два стрелища шириной. Тут бы, наверное, спасовали и Атилла с Боромиром. Чтобы взять такой город, даже им пришлось бы становиться в долгую осаду.

В войсковом же обозе, насколько помнил Олег, не было не только осадных орудий, но и даже инструментов для их изготовления. Интересно, на что рассчитывали отец и дядя?

Юноша поделился своими сомнениями с Колютой. Тот, видимо ещё пребывая в задумчивости, пробурчал в ответ нечто невразумительное.

Меж тем войско, совершенно не скрываясь, выдвигалось на подступы к городу. Впереди гарцевали на лёгких скакунах лихие кмети. Следом сотрясала землю слитным гулом копыт могучих жеребцов облачённая в тяжёлый доспех гридь. На ветру гордо развивались знамёна. На шеломах трепыхались разноцветные еловцы.

Рать остановилась, не доехав до ворот нескольких стрелищ. Олег разглядел, как сигнальщик великого князя поднёс к губам здоровенный рог.

Уту-у-у-у-у!!!

Протяжный звук разнёсся далеко окрест, отразился от городских стен и вернулся обратно.

Повисла продолжительная пауза. Вызов на переговоры прозвучал. Войско замерло в ожидании ответа.

Которого не было.

YTy-y-y-y-y-y-y!!!

Сигнальщик, по приказу великого князя, повторил вызов, протрубив его сильнее и протяжней. Его щёки раздулись как меха у волынки. Лоб покрылся испариной.

В этот раз звук рога затухал гораздо дольше, и эхо от него вернулось спустя куда большее время. Но и оно, в конце концов, смолкло. Над полем опять повисла тишина.

Никакого ответа по-прежнему не было.

Сигнальщик снова набрал воздуха в грудь.

YTY-y-y-y-y-y-y-y-y-y-y!!!!

От рёва могучего турьего рога, казалось, задрожали окаймляющие долину холмы. Лицо трубача покраснело как свёкла, а глаза выпучились, словно собираясь выскочить из своих орбит. Такой сигнал не услышал бы только глухой. Да и того, наверное, обеспокоило бы столь мощное сотрясение воздуха.

Снова угасли последние отголоски эха, и над долиной сгустилась плотная, почти осязаемая тишина.

Олег решил, что ответного сигнала они уже не дождутся. Он распустил завязки на фляге и хорошенько к ней приложился.

И вдруг на главной городской башне медленно начал опускаться подъёмный мост. Процесс сопровождал громкий лязг цепей и треск не смазанного поворотного механизма.

Княжич от неожиданности поперхнулся и закашлялся, разлив питьё.

Тяжёлые буковые брёвна с глухим стуком ударились о землю. Следом с жутким скрипом пришли в движение крепостные ворота. Они открывались не наружу, а внутрь, поэтому не было видно людей, которые толкали их створки.

Под цокот копыт на мост выехали четверо всадников. Один из них поднёс ко рту рог и протрубил ответный сигнал вызова на переговоры.

Небольшая кавалькада направилась в сторону пришельцев. За ними выехали знаменосцы со стягами. Олег прищурился, разглядывая гербы. К своему удивлению, он узнал не все из них.

Бежево-синее полотнище, по центру которого была вышита летучая мышь с расправленными крыльями, принадлежал князю Роговолду – старшему сыну Всеслава, который, собственно, и правил в этом городе.

Другой прапор такой же расцветки, но с крылатой колесницей, был знаменем его матери – известной воительницы Снежаны – дочери Медоуса – вождя свирепого народа лютвы. Женитьба на ней, насколько юноша помнил из рассказов Колюты, принесла Всеславу долгожданный мир после десятилетий бесконечной войны на границе. А заодно и обширный кусок территории в качестве приданого.

Цианово-синий стяг со здоровенным клыкастым секачом, безо всякого сомнения, принадлежал могучему витязю по имени Вепрь, известному своей силой и свирепостью далеко за пределами полочанских земель.

А вот знамя аналогичной расцветки, на котором был изображён печально понуривший голову тёмный всадник, неожиданно поставило Олега в тупик. Юноша, скорее всего, слышал раньше о его хозяине, но почему то не мог вспомнить кто он.

Олег не решился отвлекать от серьёзных дум кормильца, или тем более спрашивать Жирошку, который ничегошеньки в этом не смыслил. Поэтому осведомился об этом у другого отца ближника – медведеподобного боярина Бермяты.

Тот изумлённо покосился на юношу.

— Да ты что, княжич? — ответил он — Это же Дунай!

Олег хлопнул себя по лбу. Как он мог не узнать этот герб?

Слава могучего Дуная, гораздо больше известного под прозвищем печальный витязь, некогда гремела по всем правдивым землям. И даже далеко за их пределами. На службе Ярослава Хромого он совершил несчётное множество славных подвигов, о которых до сих пор слагали легенды. Однако на войне с Брючеславом Красивым – тогдашним полочанским властителем, Дунай совершил какой-то проступок, после которого великий князь изгнал его из Столицы. Тогда-то он и перешёл на службу к противнику. Последним известным деянием печального витязя стало сватовство к Снежане, от имени тогда совсем ещё юного Всеслава, когда он приехал на двор Медоуса и в одиночку одолел всех его сильнейших богатырей. С тех пор о нём ничего не было слышно. Многие даже считали, что он давно уже в вирии.

Так значит – старый Дунай жив... Олег даже подался вперёд, силясь лучше разглядеть знаменитого воя. Но расстояние до него было слишком велико.

Тем временем навстречу Роговолду, Снежане, Вепрю и Дунаю выехала группа переговорщиков. В её составе княжич разглядел отца, обоих стрывов и набольшего боярина Вышату.

Всё честь по чести – четверо на четверых.

Съехались парламентёры аккурат на полпути между стенами Менска и передовыми частями войска. Княжич ожидал, что переговоры займут хоть сколько-нибудь продолжительное время. Однако, к его удивлению, они завершились практически сразу. Всадники что-то недолго пообсуждали, Вышата немного пожестикужировал в своей обычной манере, после чего все разъехались.

Буквально тут же войско пришло в движение. Во все стороны поскакали гонцы с распоряжениями воевод. Дружины двинулись занимать отведённые им места.

Олег, рискуя вызвать неудовольствие кормильца, начал давно уже заготовленную речь. Смысл которой сводился к тому, что он уже почти достиг двенадцати вёсен – возраста воя, и хотел бы принять участие в битве.

Однако Колюту убедить не удалось. Кормилец даже особо не прислушивался к его аргументам. Княжичу было велено отправляться в тыл.

– Молоко на губах не обсохло – усмехнулся проезжавший мимо Бермята.

Спохватившись, Олег обтёр рот от почти уже засохшей простокваши и зло прищипорил воронка. Тот оскорблено заржал.

Хочешь – не хочешь, пришлось ехать к другим отрокам. Их в тылу скопилось несколько сотен. Во многом поэтому там стоял невыносимый гвалт. Заводные кони ржали, а недоросли громко галдели, обсуждая предстоящую сечу. Некоторые из них занимались лошадьми старших товарищей. Тех, что были с похода, пускали охлупкой, давая охолонуть. Свежих батовали и привязывали к их мордам торбы с овсом. Другие отроки, уже выполнившие свою работу, искали место повыше – чтобы оттуда получше рассмотреть битву.

Олег приглядел себе точку наблюдения заранее, ещё при въезде в долину. Туда он и направил коня.

За ним увязался и Жирошка. Он по-прежнему не переставал зудеть – теперь челядинец был недоволен тем, что княжич испачкал разлитой простоквашей свой мятель. Досадуя на беззаконных бобровичей, которые даже этим умудрились ему насолить, юноша отвязал от пояса флягу и отшвырнул её подальше.

Воронок вынес его на довольно крутой пригорок – почти на самом речном берегу. С заката его закрывала маленькая буковая рощица, поэтому с дороги он был почти незаметен. Зато с его вершины всё поле предстоящей битвы было – словно на собственной ладони.

Войско полуденных князей уже выстроилось к сече. Его длинник растянулся на добрый десяток стрелищ, полностью перекрыв пространство между лесом и рекой. Сотни блестящих на солнце шеломов сами были – словно стальная река. А топорщившаяся над ней частая щетина копейных наверхий – как заросли рогоза. Между рядами туда-сюда споро сновали

серые фигурки. Это были походные волхвы. Они окуривали лошадиные морды сладким дымом из кадильниц на длинных ручках и хрипло распевали боевые гимны.

В центре Соколовичи ожидаемо поставили отборную варяжскую гридь боярина Шигоны. С высоты хорошо был виден его красно-голубой двуххвостый стяг с чёрной рукой посередине. Слева его подпирала лучшая дружина князя Всеволода. Справа – гридни Вышаты. Концы крыльев закрывали отряды легко оружных кметей. Их же разъезды роились впереди. По всем канонам воинского искусства, установленным ещё Боромиром и Атиллою, им предстояло осыпать стрелами наступающего противника, чтобы попытаться расстроить его ряды ещё до столкновения.

Отцова дружина, как и гридь великого князя, стояли в резерве. Его назначение тоже было задано правилами воинского искусства – поддержать своих в случае неудачи – то бишь, отразить удар, если враг где-то прорвётся сквозь строй, или же развить успех, если тот наоборот – победит.

Всего под стенами Менска собралось почти восемь сотен тяжелых и вдвое меньше легких всадников. Отроков и ратников из обоза, который до сих пор полз где-то через холмы, в расчёт можно было не брать. Сила была более чем внушительная. Тем не менее, Олега не покидало чувство, что на поле не хватает как минимум трети лучших отцовых воев и значительной части великокняжьей дружины. Косвенно это подтверждало то, что юноша по-прежнему не видел в длиннике стяга княжича Ярополка – одного из лучших полководцев полуденных земель, а также доброй дюжины знамён других бояр и воевод, участвовавших в походе.

К его удивлению, не было на поле и прапорца Шебарши. Уж кто-кто, а этот витязь сейчас должен был, показывая удаль, всюю гарцевать на своём каурке перед вражьиными рядами и поливать полочан отборной бранью, на которую он был великий мастак.

Отсутствовать на поле вои и их предводители могли по нескольким причинам. Возможно, великий князь решил оставить их в Буковых холмах – прикрывать тылы. Например, от удара бобровичей, если те вдруг решат отплатить за недавний постой в своих весях. А что? – от этого незаконного народа всего можно ожидать! Хотя зачем отряжать против болотников столь большие силы? Может Соколовичи опасаются удара с другой стороны? Или вовсе задумали какой-нибудь хитрый обходной маневр...

У-у-у-о-о-о-ом-м-м-м!!!

Размышления княжича прервал дружный рёв боевых рогов, возвестивший о начале битвы. Оказалось, пока он был погружён в размышления, Роговолд успел вывести из города и построить свои дружины.

Олег обратил взор на войско противника.

Ах, ты ж растудить твою... Сурово то как! Даже издалека оно выглядело весьма внушительно. Навскидку там было никак не меньше трёхсот кметей и почти тысяча тяжелооружных всадников. За спинами которых кучковались отряды пеших ратников – скорее всего вооружённых горожан. Этих юноша даже считать не стал.

Откуда в малом городе Менске вдруг взялась такая прорва гридней? Всеслав ожидал нападения и собирал здесь войска? Тогда где он сам? Если же он ещё не успел подойти, почему тогда Роговолд вывел дружины в поле, не дожидаясь отца? Ведь с такими силами ему ничего не стоит удержать город до его подхода! Зачем так рисковать?

Разгадок могло быть две – либо менский князь надеялся разгромить находников собственными силами, чтобы стяжать великую славу, либо Всеслав был уже на подходе, и надо было ждать его скорейшего появления. В обоих случаях Соколовичам стоило быть начеку.

Княжич хотел было поделиться своими соображениями с Жирошкой, но тут же передумал – в воинском деле тот не соображал ровным счётом ничего. Да и бухтеть не прекращал. Лучше уж воронка спросить. Больше толку будет.

Меж тем бой уже закипал. Над полем гремела боевая музыка. Большая часть менских гридней сбилась в два больших клина и пошла вперёд, разгоняя коней в намёт. Кмети составили третью колонну. Они двинулись в атаку в свободном строю, по левую руку от своих товарищей. Вернее по правую, если смотреть с их стороны. Около трети сил осталось в резерве возле мельницы.

Наступающие ряды полочан выглядели...

Сурово... Более того – устрашающе. Легкооружные вои чела поспешили убраться с дороги, даже не попытавшись поклевать противника короткими наскоками. Уж больно неравными были силы.

Пока полочане набирали скорость для удара, обороняющиеся успели дать по ним несколько нестройных залпов. Олег разглядел три тёмных облачка, стремительно пронёсшихся в сторону атакующих. Стрелы вырвали из сёдел с десятков воев, чьи тела тут же скрылись под копытами.

Когда полочане покрыли половину расстояния, отделяющего их от войска Соколовичей, стали очевидны направления их ударов. Левая колонна гридней, ведомая Дунаем, явно нацелилась на центр полуденного войска, где стояли варяги боярина Шигоны. Центральный отряд, который вёл Вепрь, намеревался атаковать воев Всеслава, державших левый фланг. Кмети, составлявшие правое крыло полочан, двигались в охват левого фланга. Судя по вооружению – странным рогатым шлемам и ромбовидным щитам – в большинстве своём это были выходцы из лютвы. Вела их сама княгиня Снежана. Ей противостоял отряд лёгкой конницы. Однохвостый коричнево-белый стяг с изображением плывущей по реке бочки, который реял над головами воев, говорил о том что командовал ими лихой витязь по имени Тур.

Полочане, по какой-то им одной ведомой причине, явно игнорировали правое крыло полуденного войска, где стояла дружина набольшего боярина Вышаты.

Гридни Шигоны и Всеслава пришпорили лошадей, чтобы набрать разбег для встречного удара. Их копья опустились навстречу противнику.

Жирошка ахнул.

Конные массы столкнулись с оглушительным грохотом, который сразу перекрыл все остальные звуки. Заглушить исступленное лошадиное ржание, звон металла о металл и треск ломаемых ратовищ не могло даже воинственное завывание волюнок и пронзительное пение сопелок.

Первые несколько минут длинник колебался на одном месте – явного преимущества не было ни на чьей стороне. Однако затем, благодаря то ли набранному разгону, то ли полоторному численному превосходству, полочане начали одолевать и в центре, и на левом крыле.

А может всё дело было в предводителях – впереди обоих стальных клиньев отчётливо выделялись могучие фигуры Дуная и Вепря. Оба богатыря яростно орудовали боевыми секирами, внося опустошение в ряды противника. В полуденных дружинах достойных соперников им не было – что для главы варяжского клана, что для князя Всеволода, встреча с подобными бойцами была равнозначна самоубийству. Или добровольной сдаче в полон.

Оба отряда начали медленно пятиться назад.

То-то, наверное, боярин Шигона досадует, что с ним сейчас нет его сына, – славного витязя Потыка! – подумалось Олегу. – Тот бы уж точно не спасовал ни перед кем из полуночников.

Но глава варяжского клана сам отпустил первенца на зимнюю охоту в степь.

На левом краю длинника, где столкнулись кмети Тура и Снежаны, преимущества никому пока добиться не удалось. Отряды были примерно равны по численности, а вои не спешили сходиться в рубке стенка на стенку. Они ограничивались шибками по несколько человек и метанием дротиков. Самые ловкие ловили их на лету и швыряли обратно.

В центре полочане одолевали всё более явно. Варяги были закалёнными бойцами, но противостоят сопернику, не уступающему им в умении и превосходящему численно, да ещё и ведомому таким витязем как Дунай, оказались не способны. Боярин Шигона метался между рядов, побуждая воев стоять крепче. Но те продолжали пятиться.

Жирошка причитал, видя как на землю один за другим валяться побитые дружинники. Похоже, всё шло к тому, что великому князю придётся прежде времени вводить в бой резервы.

Меж тем, оттеснив варягов, отряд Дуная обнажил свой левый бок. По всем правилам воинского искусства, которые Олегу с детства втемяшивал Колюта, за такую ошибку следовало немедленно карать ударом свободными силами в незащищённое место.

К такому же выводу пришёл и набольший боярин. Не дожидаясь приказа от великого князя, Вышата послал свою дружину в стремительную атаку. Полторы сотни гридней синхронно погнали коней вперёд через заснеженное поле, на ходу перестраиваясь клином. Впереди всех на мощном аргамаке летел настоящий великан. Его доспех так сверкал на солнце, что смотреть на него было больно глазам. Даже без сине-зелёного значка с изображением сло-манной палицы, который везли следом за ним, в громадном вое можно было узнать Дубыню – одного из сильнейших витязей во всех правдивых землях. Если не самого сильного.

Полочан, однако, перспектива получить удар сзади ничуть не озаботила. Они даже не подумали прекратить натиск в центре, чтобы развернуть длинник в сторону атакующих, или хотя быть отрядить часть сил против новой угрозы. И вскоре стало понятно почему.

Ещё одна заповедь, установленная Атиллою и Боромиром, гласила – «перед тем как принять бой, ознакомься с местностью, на которой он будет происходить». Вышата же её только что безбожно нарушил.

Аргамак Дубыни споткнулся, словно попав копытом в заячью нору, и рухнул вместе с всадником. При этом и конь и человек не просто упали, а буквально провалились сквозь землю, подняв тучи снежной пыли. Такая же участь мгновением позже постигла и других гридней, скакавших следом.

Жирошка схватился за голову.

Олег угрюмо молчал.

Причина беспечности полочан стала очевидна. Окрестности Менска, они, в отличие от пришельцев, знали хорошо. Было им известно и про овражек, протянувшийся в этом месте. И про то, что он доверху заполнен снегом.

Это, скорее всего, было следствием нескольких ранее невиданных в полуночных землях снежных бурь, прошедших с начала зимы. Если сама долина обдувалась всеми ветрами, и снег на равнине долго не залёживался, то в промоине он накапливался без помех. И легко принял в своё лоно тяжелых гридней. Причём места в овраге хватило не только передовым всадникам, но и нескольким десяткам воев, которые мчались следом, и не успели остановить разбег своих коней. Они попадали друг на друга в несколько слоёв.

В итоге там оказалась добрая половина лучшей дружины набольшего боярина.

Сурово...

Почти наверняка многие упавшие кони переломали себе ноги. Скорее всего, этой участи не избежали и некоторые вои. Ну а тем, кому посчастливилось не пострадать, ещё предстояло выбраться из мешанины лошадиных и людских тел, густо замешанной на снежной каше.

Тем дружинникам, которых миновала доля своих товарищей, было уже не до продолжения атаки – они тут же принялись им помогать.

Да-а-а уж...

Что и говорить, плата за веру в скудоумие противника оказалась чрезмерно высока. Из-за самонадеянности своего вождя из боя оказалась исключена вся дружина Вышаты.

А в общем длиннике полуденного войска образовался немалый разрыв.

Его можно было закрыть, отрядив часть сил из резерва, но великий князь рассудил иначе. Это пришлось делать кметям из отряда, который стоял на краю правого крыла. Правда, для этого они были вынуждены растянуть свои ряды.

Тем временем под натиском полочан в центре и на левом фланге строй всё больше прогибался назад.

По всему выходило, что если в ближайшее время не ввести в дело резервы, сечу можно было считать проигранной. И с позором уходить из под Менска.

И, похоже, к этому всё и шло.

Но внезапно вмешалась сила, которую многие уже сбросили со счетов. На дороге позади полочан вдруг выросла громадная фигура в блестящих доспехах. В которой без труда можно было узнать могучего Дубыню. Он был пеш и безоружен, но, похоже, вполне боеспособен.

Оставалось только изумляться, как, оказавшись погребённым под толщей снега, да ещё и придавленный сверху несколькими десятками конских и людских тел, тот сумел так быстро выбраться без посторонней помощи, да ещё и с противоположной стороны.

Мало того, он тут же бросился в сечу.

Первой его жертвой стал невезучий гридень, немного оторвавшийся от общего строя. Дубыня ухватил его сзади за ногу, сдёргнул с коня и с размаху грянул оземь. Можно было не сомневаться – тот больше не поднимется.

Витязь в могучем прыжке занял опустевшее седло и подхватил оружие, выпавшее из руки полочанина. Издалека похоже на боевой молот.

Снасть в руках Дубыни сверкнула подобно молнии. И была так же неотразима – во все стороны брызнули осколки шелома и головы воя, которому не повезло попасться на пути богатыря следующим. Затем боевой молот замелькал, словно веретено в руках умелой прядильщицы.

Под ударами Дубыни упал второй вой... третий... пятый...

В тылу вражеского отряда возникло смятение. Гридни раздались в стороны, не в силах что-либо противопоставить неистовому бойцу. Чтобы отразить натиск богатыря, полочанам даже пришлось ослабить натиск на центр Соколовичей.

А у варягов Шигоны появилось время перевести дух.

Олег рассудил, что они должны были сразу обрушиться на противника, чтобы не дать ему возможности спокойно ликвидировать опасность. Однако либо Шигона думал иначе, либо его варяги были настолько измочалены полочанами, что не имели сил атаковать. В общем, с места они не стронулись.

Меж тем на Дубыню обрушился настоящий град дротиков, который, как показалось юноше, должен был погрести его под собой.

Но не тут-то было. Богатырь с такой силой и ловкостью вращал вокруг себя боевой молот, что от него с треском отлетало большинство сулиц. А те, которые достигали цели, ломались о доспехи.

Не исключено что некоторые из них всё же смогли пробить прочную двухслойную кольчугу. Но по витязю этого совершенно не было заметно. Возможно, не вращали слухи, которые ходили в Столице, что у него вместо кожи – дубовая кора, и что ради того чтобы зачать его, боярин Вышата сочетался со священным деревом, из которого тот и родился.

Тем временем Дунай собрал вокруг себя два десятка сильнейших воев. Они окружили Дубыню полукольцом, и, когда град дротиков иссяк, слаженно навалились на него с трёх сторон.

Но двое из них тут же пали жертвой его молота. Остальные были вынуждены податься назад, чтобы не стать следующими.

Тогда вперёд выехал сам печальный витязь.

Он стал первым, кто смог отразить сокрушающий удар богатыря.

Дза-ан-н-н-н-н!!!

Лязг от столкновения окованных железом ратовищ его секиры и оружия Дубыни разнёсся далеко окрест. Олегу даже показалось, что он ненадолго оглох. Далее последовало ещё несколько столь же оглушительных соударений. Жирошка зажал уши руками. После каждого удара Дунай заметно пошатывался в седле. Его противник так быстро и с такой силой размахивал молотом, что он просто не успевал нанести ответный удар.

Олег даже залюбовался действиями Дубыни. Вот это герой! Если он сейчас одолеет печального витязя, то считай – в одиночку изменит исход битвы! Вот о таких подвигах слагают легенды!

Казалось, ещё один-два удара и поединок окончен.

Тр-р-р-ра-а-а-ак-к-к!

Вместо очередного оглушительного звона от соударения секиры и молота раздался глухой треск. Как будто что-то из них с размаху вонзилось в дерево.

Старый челядинец всплеснул руками.

Легендарный витязь всё-таки перехитрил Дубыню. Боевой молот богатыря насквозь пробил щит Дуная, которым тот своевременно прикрылся, и, само собой разумеется, намертво в нём застрял.

А потом последовал ответный удар секирой.

Олег внутренне сжался... Но глаз от поединщиков не отвёл.

Дубыня увернулся.

Княжич облегчённо выдохнул...

Но избежав смертельного выпада, витязь был вынужден выпустить своё оружие...

А уже на излёте секира Дуная врезалась в круп его коня...

Животное взвилось на дыбы и рухнуло вместе с седоком.

К счастью Дубыня исхитрился соскочить на землю прежде, чем ему придавило ногу.

Вот теперь ему уж точно придётся туго...

Дунай отступил назад, пропустив вперёд своих гридней. И, видимо, отдал приказ использовать против богатыря любые средства. На витязя обрушилась настоящая лавина. В него летели дротики, копья, топоры. Вои поднимали на дыбы лошадей, чтобы смять его копытами.

Но несокрушимый боец и тут не хотел поддаваться. Он сорвал со спины убитого коня окованное железом седло и отбивал им удары, которые сыпались на него со всех сторон. Оно очень быстро превратилось в подобие решета, но задачу выполняло.

Тем не менее, Дубыне пришлось отступать. Шаг за шагом полочане оттеснили его до того самого оврага, откуда он один раз уже выбрался.

Очередной удар топора разрубил седло пополам. В руках витязя остались две половинки.

Тут же в его грудь упёрлось несколько копий. Он попытался было их пересилить, но не сумел. На его шеломах обрушилось несколько сокрушающих ударов. Били мечами, топорами, палицами...

Голова витязя поникла. Полочане навалились, и богатырь полетел в овраг. Его могучая фигура скрылась в снегу.

Княжич и его слуга ахнули...

Но добить Дубыню не позволили дружинники Вышаты, которые всё ещё стояли на противоположном краю промоины.

Они дали по полочанам несколько залпов и те были вынуждены отойти.

Сражение на какое-то время затихло.

Над полем повисла непривычная тишина. Даже боевая музыка смолкла.

Олег оторвал взор от оврага, куда канул богатырь, и окинул взглядом всё поле боя.

В центре варяги сомкнули ряды, ожидая нового натиска полочан. Эх, их бы подкрепить! Тогда они не только отобьются, но и сами погонят врага! Но отец и дядя почему-то не спешили это делать. Наверное, им было виднее.

На левом крыле сражающиеся тоже на время остановились. Вепрь отвёл своих людей назад. Видимо, чтобы перегруппировать перед решающим ударом.

В том, что он сейчас последует, у Олега не было ни малейших сомнений. В воздухе повисло напряжение. Сродни тому, какое бывает в горах за мгновения до схода лавины. Когда бывает достаточно малого камешка, чтобы её сорвать.

И он последовал.

– Вир-р-р-ра-а-айи-и-и!!!

Это Дунай, видимо уже оправившись от сокрушительных ударов Дубыни, издал протяжный боевой клич на каком-то неизвестном юноше древнем языке, от которого по коже пошёл легкий морозец. Княжич даже схватился за нашейный оберег.

Полочане подхватили вопль своего предводителя, многократно усилив эффект, и устремились в новую атаку.

И варяги, памятуя предыдущую трёпку, которую им задали вои печального витязя, этого удара не выдержали. Их длинник начал подаваться назад ещё до того, как в него врезались вражеские гридни. А когда это произошло, отход очень быстро стал превращаться в бегство.

Центр начал неудержимо отступать. Следом за ним последовало и левое крыло. Вепрь снова летел впереди, сея опустошение в рядах всеволодовой дружины.

В битве явно наступил тот миг, когда великому князю надо было вводить в бой резервы. Не сделать этого сейчас означало бесповоротно проиграть сражение. А может быть и войну. И Соколовичи сделали то, что и должны были сделать. Из войскового тыла в сторону наметившихся прорывов выдвинулись два отряда конных тяжелооружных воев. В каждом – не меньше чем по сотне гридней.

В голове первого из них везли красно-коричневый стяг с головой быка – гербом Дружины – наибольшего великокняжьего воеводы – известного и заслуженного бойца, водившего полки ещё при Ярославе Хромом. Над шеломами второй группы гридней развивалось знамя Полкана – лучшего воеводы Олегова отца. Его серебряного получеловека-полуконя на пурпурно-красном поле Олег вряд ли мог с чем-то перепутать.

По какой-то причине оба старших Соколовича сами в бой свои дружины не повели. И Святослав, и великий князь предпочли наблюдать за сечей издали, в окружении всего полусотни ближников. Похоже, это был их последний резерв.

Сурово!

– Мар-р-р-р-ра-а-а-а!!!

Воздух над долиной разорвал слаженный рёв двух сотен глоток. В отличие от вражьих завываний, от которых только кровь стыла в жилах, этот крик пробуждал в душах лихую отвагу, от которой та готова была пуститься в боевой пляс, а мышцы наливаясь губительной для врага силой.

Да – успел подумать Олег – Не зря так боги судят. Какая земля, такие и кличи у людей. У полочан вон – леса и болота – холод, мрак, жуть – оборотни, навьи, кикиморы. Потому и воинский призыв такой – леденящий. А у нас – солнце, степь, вольный ветер, быстрые кони и славные витязи. Вот и зов – лихой и бодрящий, как добрый глоток питного мёда.

Конные массы столкнулись, и все звуки в долине снова на какое-то время потонули в лязге и звоне железа, треске ломаемого дерева, лошадином ржании и воплях умирающих.

Своевременное усиление возымело должный эффект – контрудар погасил порыв полочан. Варяги Шигоны и гридни Всеволода прекратили отход. Боевой длинник, принявший было форму лука, изогнутого втулкой в сторону Олега, снова выровнялся. А спустя какое-то время начал медленно изгибаться в противоположном направлении.

– Ну, слава вам, боги! – Жирошка, о присутствии которого княжич уже начал было забывать, осенил себя солнечным крестом и облегчённо выдохнул. – Кажись, осилили полочан.

Олег, однако, был далёк от оптимизма челядинца. Юноша, в отличие от него, прекрасно помнил, что у противника ещё не вступила в бой почти треть всего войска. Причём во главе с самым менским князем.

У-у-уту-у-у-у-у-у!!!

Это снова взвыли боевые рога.

Как будто прочитав мысли княжича, Роговолд повёл своих гридней вперёд. Разгоняя коней в намёт, они на ходу перестроились плотным клином. Через короткое время стало ясно, куда он нацеливается – аккуратно в то место на правом крыле, где в длиннике полуденного войска зияла большая дыра, кое-как прикрытая легкооружными кметями.

Следом за конниками беспорядочной толпой потянулись и пешие менские ратники. Эти шли понятно зачем. Реальной боевой силы в поле они собой не представляли. Но вот добивать раненых... Или обдирать мёртвых... На это они вполне годились. На глаз вооружённых горожан набиралось сотни четыре.

Надо признать – Всеславов первенец очень грамотно выбрал время для решающей атаки – дождавшись, когда противник введёт в бой все резервы и как следует втянется в сечу.

Сурово! Похоже, битва всё-таки была проиграна. Поскольку даже если сейчас отец со стрьями опрокинут Дуная и Вепря, своему правому крылу они на помощь прийти не смогут. Из-за того самого оврага, в котором Вышата угробил половину своей дружины.

Сейчас набольший боярин суетливо руководил процессом извлечения воев из снежных залежей. Большую часть пострадавших уже вытащили наружу. Среди них было немало оглушённых и покалеченных. Гридни Вышаты были спешены и ничего не могли противопоставить более чем вдвое превосходящей их конной массе. Успевшей, к тому же, набрать хороший разбег.

Они смогли только вскочить в сёдла и пуститься наутёк от полочан. Впереди на белом коне улепётывал сам набольший.

Тем, кто не успел сесть верхом, пришлось прыгать в овраг. Замешкавшиеся были попросту сметены волной атакующих.

Над правым крылом полуденного войска нависла нешуточная угроза. Его воеводе Олег сейчас не завидовал. Судя по знамени – чёрно-жёлтому полю со скачущим конём, на спине которого лежал пронзённый стрелой вой, это был Бакуня – боярин великого князя. В прошлых войнах тот не раз и не два проявил себя как хороший полководец. Особенно в грандиозной битве на реке Солёной, когда Соколовичи разгромили огромное войско степного народа огузов. Тогда он во главе своей дружины прорвался к самой ставке их предводителя, которого боярин лично захватил в плен. Барды до сих пор воспевали тот подвиг.

А сейчас ему, похоже, предстояло похоронить всю свою славу.

Но тот, в отличие от Вышаты, даже не подумал пасовать. Своими силами в две сотни кметей Бакуня распорядился очень грамотно. Пытаться противопоставить гридням плотный строй было бы самоубийством. А простое отступление подставляло под удар тыл остального войска. Поэтому единственно правильным решением для лёгкой конницы оставалось держаться рассыпью в отдалении, всячески избегая прямого удара. При этом непрерывно донимать противника стрелами, дротиками и дерзкими наскоками. Так тот и действовал.

Более того, Бакуня ещё и разделил свои силы на два отряда. Первый пошёл навстречу наступающим гридням Роговолда – сбить их порыв, а заодно и прикрыть бегущих воев набольшего. Кмети второго выехали на лёд реки и принялись оттуда обстреливать полочан.

И всё равно, положения это не спасало. Битва была проиграна. Единственное, чем могли помочь Соколовичам действия храброго боярина – так это дать возможность отвести войска, избежав разгрома.

– Ой, что же это?! – Как же это?! – Что же будет, княжич?!

Олег только сейчас обратил внимание, что его навязчивый спутник уже длительное время причитает у него над ухом.

Что будет, он сказать не мог. Зато догадывался, что сейчас им с Жирошкой надо будет делать – покидать поле боя. Причём со всей возможной прытью.

Однако дальнейшие события показали, что юноша опять поторопился с выводами. Более того, недооценил полководческие таланты отца и дядёв.

У-у-у-о-о-о-м-м-м!!! – снова запели боевые рога.

На этот раз в месте, где Олег меньше всего ожидал их услышать – со стороны буковой рощи – в тылу у наступающих полочан.

А следом показались те, кто трубил сигнал атаки. Из леса на равнину, десяток за десятком, начали выплёскиваться всадники. Все как один – тяжелооружная гридь. Выплыли из-за деревьев и два стяга. Один – серебряно-красный с вздыбленным жеребцом, пытающимся достать копытом тризуба в верхнем углу. Другой – пурпурно-жёлтый, с раскидистым дубом, расколотым молнией пополам. Первый принадлежал Ярополку – старшему сыну великого князя. Второй – Некрасе – знаменитой воительнице, а по материнской линии – родной Олеговой тётке.

Всё-таки неспроста княжичу с самого начала бросилось в глаза отсутствие в войске значительных сил! И не зря он предполагал, что отец с дядьями задумали какую-то хитрость. Они попросту не показали Роговолду все свои дружины! Чтобы тот рискнул и вышел из города – дать им бой в чистом поле. И пока всё внимание полочан было отвлечено на битву, лучшие гридни под прикрытием буковой рощи выбрались им в самый тыл. И вышли на ударную позицию как раз в тот момент, когда все силы менского князя вступили в бой.

Засадный отряд полностью выбрался на равнину. Всего в нём было почти пять сотен воев. Сурово!

Две трети всадников тут же сбились в боевой клин, и пошли в атаку, нацеливаясь в тыл отрядам Вепря и Дуная. Опережая своих гридней на несколько корпусов, впереди мчался сам Большой меч.

Так в войске называли старшего сына великого князя. Во-первых, клинок, которым он весьма лихо разил врагов, а сейчас размахивал над головой, и вправду имел внушительные размеры. Во-вторых, этот витязь имел чрезмерное пристрастие к девкам и чужим жёнам. А слухи о его постельных подвигах многократно преувеличивали и размеры его мужского «меча». Любоубиение же лежало в основе и второго его прозвища – Жеребец. Который, кстати, красовался и на его гербе. При всём при этом Ярополк был отличным рубакой и великолепным полководцем. Возможно, поэтому, не смотря на уже солидный возраст – почти двадцать зим – до сих пор оставался княжичем. Дядя ему никакого стола не давал, и всё время держал подле себя, под рукой.

Оставшаяся часть воев засадного отряда направила коней в сторону пеших менских ратников, спешивших себе на голову к месту битвы. Эти гридни даже не стали сбивать плотный строй. Да и зачем? – горожан они и так стопчут. В первых рядах мелькала коренастая фигура Некрасы.

Об Олеговой тётке ходила сомнительная слава, как о самой некрасивой воительнице правдивых земель. Однако если лицом и фигурой она и вправду не удалась, то силой и воинской доблестью превосходила многих мужей. Это могло бы подтвердить немало лихих витязей, которых она ринула в поединках на ристалище. Те же, кому не повезло сойтись с ней в бою, ничего подтвердить уже не могли.

Воздух над долиной снова разорвал боевой клич полуденных витязей. Кони атакующих гридней набирали разбег. Лошади Роговолдовых воев наоборот – вначале засбоили, а потом

и вовсе застопорили ход. Теперь полочанам, чтобы избежать неминуемого разгрома, надо было незамедлительно уходить с поля боя.

К такому же выводу, похоже, пришли и их воеводы. Отряды Дуная и Вепря, а следом за ними и Снежаны – все те, над кем повисла угроза попасть в мешок – решились на традиционный для таких ситуаций маневр.

Снова всё как завешали Атилла и Боромир. Действие первое – всеми силами навалиться на противника, который уже почувствовал запах победы и, возможно, немного расслабился, поэтому может не выдержать удара.

Действие второе – оставив прикрытие, со всей скоростью ретироваться в том направлении, где больше шансов скрыться от погони. Сейчас единственным таким местом для полочан была та самая буковая роща, со стороны которой на них пришла поруха.

Но воевод по обе стороны длинника недаром обучали по одним и тем же канонам. И к первому и ко второму действию полочан полуденные дружины оказались готовы. Они не позволили ни опрокинуть себя, ни дать противнику оторваться. К тому же лютва княгини Снежаны оказались очень нестойкой. Почувяв, что запахло жареным, кмети не желали класть свои жизни за союзников и поспешили укрыться под сенью леса. Вместе со своей предводительницей. Так что когда в ряды полочан с лихим посвистом врубилась вои Ярополка, «мешок» всё-таки получился. И довольно знатный – в нём оказалось больше полутысячи гридней.

Конечно, полностью истребить или полонить такую ораву тяжелооружных воев, имея над ними всего лишь полуторное превосходство, вряд ли было реально. А вот как следует проредить их строй, перед тем как они прорвутся – вполне выполнимо. И дружинники Соколовичей с охотой взялись за эту задачу.

Эх, славная пошла рубка! Жирошка за плечом Олега радостно закричал, приветствуя победу полуденного войска. Княжич в который уже раз досадливо поморщился, хотя его самого переполняло ликование. Ещё бы – в воздухе уже пахло победой!

Да, рубка была добрая, но – к сожалению – недолгая. Прореху в мешке дружинники Вепря и Дуная нашли довольно быстро. Ею, как можно было предположить изначально, стали кмети бочкового витязя, как ещё прозывали Тура. Их лёгкие кожаные доспехи оказались неспособны противостоять натиску тяжелооружных гридней. Полочане прорвали кольцо и устремились под сень спасительного леса. На глаз оба отряда поредели ни как не меньше чем на треть.

И то дело!

Оба предводителя полочанских дружин отходили в последних рядах, сдерживая напор свежих воев Ярополка. И Вепрь и Дунай продолжали рубиться, медленно пятясь, даже когда последние из уцелевших воев скрылись за деревьями.

Меж тем Олегова тётка уже всю гнала и рубила менское ополчение. Перепуганные ратники удирали как зайцы, на ходу избавляясь от оружия, чтобы легче было драпать. Всё поле за ними было усеяно брошенными копьями и щитами. Однако быстрее лошадей они бежать не могли. Гридни легко их настигали и рубили на полном скаку. Мёртвые тела мешками валились в снег. По земле скакали отрубленные головы.

Ополченцы спешили к раскрытым городским воротам. Туда же стремились дружинники Некрасы. Ясно был, что их стража в любом случае успеет поднять мост. Но в глубине души Олегу очень хотелось, чтобы не успели. И гридни ворвались в Менск.

А ещё больше хотелось самому влететь туда на полном скаку, нещадно шпоря своего воронка, и лихо разрубая всех кто попадётся ему на пути. От плеча до самого пояса.

Олег вдруг спохватился, что совсем упустил из виду отряд Роговолда. Его три полновесные сотни всё ещё оставались реальной силой. Вполне способной, например, атаковать ставку великого князя, которую, не считая кметей боярина Бакуни, прикрывали всего пять десятков

воев ближней дружины. Или ударить в тыл отряду Некрасы, чтобы попробовать прорваться обратно в город.

Однако Всеславов первенец, то ли опасаясь вступить в бой в таких условиях, то ли решив сохранить гридней для будущих схваток, предпочёл третий вариант.

Попросту уйти за реку. Правда, не в том самом месте, где он остановил атаку – там берег был слишком крут – а ниже по течению. Причём выяснилось это довольно неожиданным и крайне опасным для княжича образом.

Мимо пригорка, с которого он наблюдал за полем боя, вдруг понеслась закованная в доспехи конная лавина. Олег успел разглядеть двухвостый бежево-синий стяг с чёрной летучей мышью посередине. А под ним сурового витязя в синем плаще поверх тускло сверкающей двухслойной кольчуги, и сарматском шлеме с полной личиной, из под которой выбивались длинные рыжеватые усы.

Жироска за спиной юноши в ужасе вскрикнул. Олег спрыгнул с седла на землю.

Правда, бежать было поздно. Да он и не собирался.

Не для того в него чуть ли не с пелёнок вбивали боевую премудрость.

Его руки действовали сами. Разум для этого не требовался. Шуйца выхватила из чехла лук. Ещё пока не полновесный боевой, которые делают из нескольких слоёв упругого дерева, а всего лишь из одной тисовой ветки, но тоже вполне способный поразить цель в сотне шагов. А десница дёрнула из тула стрелу, кончики перьев которой были окрашены красным – так обычно помечали бронбойную снасть.

Поперечный желобок калёного древка лег на тетиву. Её Олег натянул ещё утром, когда самовольно поехал в голову войска. Сейчас был уже полдень и она, скорее всего, успела ослабнуть. Ну да и расстояние до противника было плёвое.

Мозолистые пальцы привычно оттянули конскую жилу до правого уха. Взять прицел было делом нескольких мгновений...

Тетива звонко щёлкнула о кожу перчатки на левой руке. Стрела с узким трёхгранным наконечником, фыркнув, унеслась к цели.

Туда, где под бежево-синим стягом гарцевал на гнедом коне суровый витязь.

За доли мгновения юноша успел увидеть, как телохранители князя, едва различив опытным ухом звук выстрела, дёрнули из чехлов сулицы и, почти не глядя, метнули их в его сторону.

Олег ничком упал на землю, вспомнив, как Колюта учил его уходить от таких бросков.

Недостаточно быстро...

Спину пронзила резкая боль...

К счастью, как княжич понял почти сразу, рана была несерьёзная. Дротик вскользь прошёлся по хребту, распоров кожаный доспех и сбив с него несколько бляшек. И оставив на коже довольно глубокую царапину.

Но это можно было пережить. Гораздо хуже было другое. Что делать, если сейчас здесь будет сотня Роговолдовых гридней?

Да чего себе льстить – хотя бы один?

Гибнуть в самом начале воинского пути не хотелось. Но и в полон Олег сдаваться не собирался. Оставалось действовать по обстановке.

Княжич поднял голову и осмотрелся.

Странно...

Полочан в ближайших окрестностях не наблюдалось. Хвост их воинской колонны мелькал где-то вдалеке – уже на противоположном берегу реки.

Даже не успев осмыслить произошедшее, Олег поднялся, чтобы окинуть взглядом поле боя.

Оно, вполне ожидаемо, полностью принадлежало полуденному войску. Победители оглашали долину победными кличами и потрясали оружием. Полочане присутствовали там только в виде пленных или трупов.

Княжич с робкой надеждой перевёл взор на Минск. И не поверил своим глазам.

Гридни тётки Некрасы по опущенному подъёмному мосту втягивались под свод городских ворот...

Этому просто не было логичного объяснения! Горожане настолько впечатлились разгромом своего князя, что решили впустить вражеское войско? Или не успели поднять мост, желая дать шанс спастись своим ратникам? И то и другое было маловероятно.

Потом Олег обратил внимание на малый прапорец, развивающийся над воротной башней. Приглядевшись, он смог различить на нём два цвета – пурпурный и жёлтый. С атакующей птицей в центре.

Похоже, Пустельга всё-таки выполнил своё обещание. Пусть даже оброненное вскользь и полушутя.

Одному событию объяснение было найдено.

Оглядевшись, княжич понял причину и другого...

Почему полочане ушли, всего лишь метнув в него нескольких дротиков, и даже не удостоверились, что они достигли цели, и не попытались взять его в плен.

В боевом ослеплении он совсем забыл про своего спутника...

Жирошка сидел на земле, изумлённо выпучив глаза. Его толстые губы, а вместе с ними и отвислые брыли мелко тряслись, как будто от возмущения.

Можно было подумать, что старого челядинца всего лишь в очередной раз вывел из себя новый проступок его воспитанника, и он не находит слов от возмущения...

Если бы не ратовище сулицы, торчавшее у него чуть пониже груди. И хлещущая из раны кровь, которой набежала уже целая лужа.

Дротик вошёл аккурат под вздох. Жирошка умер, не успев издать ни звука.

Да-а-а... Так и умирают по-настоящему верные слуги. Даже своей смертью принося пользу господину. А иногда спасая ему жизнь...

Скорее всего, его полочане и приняли за дерзкого лучника, который посмел выстрелить в их князя. А увидев, как он падает, сочли месть свершённой и продолжили отход.

Теперь никто не будет донимать его увещеваниями...

Никто не будет вечно зудеть над ухом...

Грозить гневом богов и боярина Колюты...

Не справится о здоровье...

Не подаст горячего сбитня после поездки под промозглым дождём...

Олег только сейчас осознал, насколько он привязан к старому челядинцу. Матери он не помнил – она ушла в вирий, когда ему не было и луны от роду. С отцом юноша никогда не был близок. А братьев видел только наездами – когда те приезжали на семейные праздники. Вот и выходит, что самые близкие ему люди – Колюта и Жирошка. Да ещё кормилица.

Теперь их осталось двое...

От печальных мыслей его отвлек неожиданно громкий и протяжный волчий вой. У княжича даже мурашки побежали по спине.

Настоящий зверь вряд ли рискнул бы так откровенно издавать свой клич среди бела дня, да ещё и вблизи от такого скопления людей. Это означало только одно. Выл отнюдь не зверь.

А кто-то куда опаснее волка.

Человек.

Олег обернулся туда, откуда донёсся звук – назад – к проходу в долину. Из которого, пару часов назад, он сам вышел в голове войска Соколовичей.

Сейчас в горловине между двух холмов, откуда выныривала дорога, стоял всадник, тоже принадлежавших к этому славному роду. Правда, не к главной ветви, обосновавшейся на благословенном Полудне правдивых земель, а к побочной, которая больше века назад осела здесь – на суровой неприветливой Полуночи.

Этого витязя можно было узнать безо всяких гербов и знамён. Только лишь по описанию из песен.

Злой караковый жеребец. Синий плащ-мятель. Спадающие на плечи чёрные волосы. Такого же цвета усы над сурово сжатой ниткой губ. И пронзительный взгляд бирюзовых глаз исподлобья.

Хотя Олег особо и не любил искусства словоплетения, предпочитая воинское дело, в его памяти сами собой всплыли знаменитые строки.

Сын не в отца пошёл лицом.
Но страшным для врага бойцом.
Он стал. Меч быстр его и буен нрав,
И ярость синяя в глазах.

Это был Волх – незаконный сын Всеслава – свирепый витязь, один из лучших его полководцев, и, по слухам – оборотень.

Как будто подтверждая мысли Олега, тот поднёс ко рту сложенные ладони и повторно издал тот зловещий протяжный вой. Рядом с всадником выросло ещё несколько десятков фигур. Подхвативших и многократно усиливших его звериный клич.

От этого звука Олегу захотелось убежать как можно дальше, и забиться в какую-нибудь глубокую нору.

Юноша ждал, что вот сейчас Волх выедет в долину, выводя за собой дружины. И бой продолжится. Однако тот опроверг ожидания, как будто растворившись в несуществующем тумане. Скорее всего – нырнул вместе со своими воями обратно в холмы.

Так значит, пока полуденное войско было отвлечено на Минск, рыжий волк действительно готовил ему удар в спину! Это позволило бы запереть лишённые обоза дружины Соколовичей в небольшой долине, под стенами хорошо укрепленного города. Да ещё и с сильным гарнизоном. То есть практически без шансов на спасение.

И этот, надо признать, здравый план практически осуществился. Войско пришельцев теперь действительно оказалось заперто. Было только одно но – город теперь находился в их руках. Что в корне меняло ситуацию. За это стоило благодарить запальчивость Всеславова первенца. Решившего, что сможет без помощи отца и сводного брата разгромить лучших полководцев полуденных земель. И опрометчиво отошедшего от стен Минска.

Чем мастерски воспользовались отец и дядя Олега.

Надо признать – удалось им это удивительно вовремя.

Минск

Сколь разнообразно и многогранно всё сотворённое богами, так и люди, живущие под небесным куполом, так же на диво не похожи друг на друга в своей глупости и заблуждениях.

А уж обычаи так и вовсе – один дурнее другого!

До чего бобровичи живут не по закону – и дома у них на сваях, и одеваются едино – что мужи, что жёны, но менчане и их в этом, пожалуй, переплунут. Это ж надо такое придумать – молоко на печи греть! И пить его вместо сбитня! И кому только такое в голову пришло? И как утвердилось?

Да ещё и гостям его подносить совести хватает. Вместе с хлебом своим кислым, в который они какие-то травки добавляют. Ни то ни другое в рот не возьмёшь – жуткая гадость!

А про дома в два поверха в городе и сказать срамно! А уж жить в них... И ладно бы нижний – жилой, а верхний – клетки да повалуши. Или как у степных народов – верх под жильё, а низ – для скотины. Но и то не так... Здесь, в Менске, на каждом поверхе в доме по целой семье живёт. Нет чтоб за стену лишние дома вынести – проще друг-другу на голову гадить! Не иначе с варварских княжеств обычай добрался. Там, бают дома в городах и в три, и в четыре поверха ставят. А кал человеческий прям по улицам течёт пополам с помоями. И не срамно у дикарей нравы перенимать? Одно слово – незаконный народ.

На их фоне бобровичи так просто – образец житейской правды. И молоко хорошо скисляют, да и в недавней сече под стенами здорово помогли. Когда эти болотники узнали что полуденное войско идёт на Минск, сами напросились участвовать в походе. Жители города оказались их старинными врагами. Поэтому добровольцев набралось не меньше двух сотен. Их определили в засадный отряд к Ярополку, который выходил к городу окольной дорогой, через рошу. Там, на деревьях, они сели в засаде. А когда вои Снежаны, Вепря и Дуная уходили через лесок из мешка, который им устроили полуденные дружины, бобровичи здорово их пощипали. Били в упор острогами да расстреливали из луков. Положив в общей сложности до полусотни лютвинов и полочан.

Всего же в той битве враг потерял убитыми и пленными почти три сотни доброй гриди. Кроме того – несколько десятков кметей, да неизвестное число горожан-ополченцев. Которых никто даже не подумал считать. Полуденное же войско лишилось девяти десятков тяжелоружных и полусотни легкооружных воев.

Да-а-а – славная была победа!

Олег оторвал взор от панорамы узких менских улиц, которая открывалась из окна главной вежи городского детинца, и обернулся в залу. Та постепенно наполнялась князьями и воеводами, призванными на большой совет. Его решено было провести, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию.

Она пока оставалась парадоксальной. Разгромив противника в битве, да ещё и практически бескровно захватив хорошо укрепленный город, взятие которого правильной осадой потребовало бы больших жертв, войско-победитель фактически оказалось в ловушке.

Западня имела высокие стены, и была хорошо защищена от нападения. Но сути это не меняло. Всеслав со своими сыновьями перекрыли оба выхода из долины. На полуночном укрепился сам рыжий волк, на полуденном – его сын Волх. Атаковать любого из них означало неминуемо получить удар в тыл с противоположной стороны. Не делать ничего означало в ближайшее время познать все прелести голода. В городе больших запасов продовольствия не оказалось – их хорошо подчистили сами полочане. А собственного обоза Соколовичи лишились всё в той же недавней битве – на него наткнулись вои Всеслава первенца, и не преминули воспользоваться таким подарком.

Впрочем, нет худа без добра. Быть может то время, которое они потеряли потроша походные сани, как раз и позволило полуденному войску одержать победу. Ведь не случись такой задержки, Волх мог оказаться в тылу у Соколовичей раньше, чем в бой вступил его старший брат, и тогда исход сражения, скорее всего, был иным.

Собравшиеся на совет кучковались вокруг большого резного стола, который стоял в центре светлицы. Тот и вправду был достоин внимания – его столешница являла собой настоящее произведение искусства. Неизвестный мастер вырезал её из драгоценной чёрной ольхи, покрыл лаком, украсил металлами, финифтью и самоцветами. Но главная ценность была не в этом – она довольно точно воспроизводила полуденную часть Полочанского княжества – как раз ту, где они сейчас находись. Серебряные дорожки обозначали реки: по краям стол окаймляли широкий Славутич и куда менее полноводный Немун, центр пересекали узкие Птичья, Берё-

зовая и Виляйка. Полированная яшма изображала густые леса, медвяно-бурый оникс – болота. Большие дороги были выложены янтарём. Городки и крупные веси обозначали квадратные или круглые вставки из солнечного камня – полупрозрачного золотистого опала. Города изображали золотые пластины, покрытые драгоценной перегородчатой финифтью. Таких было всего пять. Рисунок на каждой изображал герб владельца. В самом центре, в обширной чаше долины, образованной расступившимися холмами, располагался самый крупный из них – Минск. На этом кругляке мастер с ювелирной точностью изобразил летучую мышь на бежево-синем поле. Относительно недалеко от него – за двумя гребнями холмов, лежал другой город – куда меньший по размеру, с крылатой колесницей – гербом матери Роговолда Снежаны. Судя по всему, это был Ижеславль. Он стоял на той же речке, что протекала в окрестностях Минска. Олег напряг зрение, вглядываясь в резы, выгравированные на узенькой серебряной дорожке. Она называлась Виславица. Остальные города были разбросаны по разным краям карты. На закате – почти на самом краю, лежал небольшой Островец – владение Дуная. На восходе Друцк – родовой город Вепря. Ближе к полуночи – Лукомль – вотчина Военег – набольшего полочанского воеводы. Об их принадлежности свидетельствовал цианово-синий фон пластинок и рисунки в виде печального витязя, клыкастого вепря и двойной секиры.

Олег поймал себя на мысли, что снова не может оторвать глаз от столешницы. За те несколько дней, которые войско пребывало в Минске, он успел изучить её буквально вдоль и поперёк. Но всякий раз, когда его взгляд даже случайно падал на это рукотворное чудо, он, помимо воли, начинал рассматривать его заново.

От созерцания княжича отвлёк отрок, поднёсший ему чашу со сбитнем. Ими обносили всех присутствующих. Братьев Соколовичей, их потомство и набольшего боярина Вышату потчевали из золотых кубков. Остальные довольствовались серебром.

Юноша взял свой сосуд и с удовольствием приложился к горячему питью.

Вкус оказался немного не тот, к которому он привык – травяной горечи было больше чем надо, а медовая терпкость наоборот – почти не ощущалась. Судя по всему, местные кухари ещё толком не научились варить это напиток. Но всё равно это было лучше, чем их нагретое молоко.

Меж тем великий князь начал воинский совет. Вокруг стола, кроме его самого, двух братьев – Святослава с Всеволодом, и Вышаты собрались ещё почти три десятка бояр и воевод. В том числе и Олегов пестун Колюта.

На целую голову над всеми возвышался могучий Дубыня – вожак первой дружины набольшего боярина, и его же незаконный сын. В недавнем сражении он счастливо избежал гибели под ударами полочан и благополучно пережил второе падение в овраг. Даже смог выбраться оттуда целым и почти невредимым. Не уберётся он только от удара копытом в лицо, которым богатыря наградил один из коней его же дружинников. От смерти витязя спасла кованая личина и крепкие кости черепа. Теперь, правда, нос Дубыни был свёрнут набок и приобрёл ярко-лиловый оттенок, а верхняя часть лица представляла собой сплошной кровоподтёк. И если он раньше был страшен врагу своей силой и воинским умением, то сейчас, похоже, мог напугать любого противника одним лишь видом.

Кроме него из общей группы выделялся одетый в простую рубаху из белёного полотна бородатый муж средних лет – вожак примкнувших к войску бобровичей. Его сложное длинное имя Олег слышал несколько раз, но так и не смог запомнить. Поэтому про себя называл его Культяп – на шуйце у того не хватало двух пальцев.

– Что делать будем, дружина моя храбрая? – начал великий князь.

На фоне своих братьев – кряжистого сурового Святослава и высокого синеглазого Всеволода, смотрелся он довольно невзрачно – среднего роста, с одутловатым лицом, безвольным подбородком и брезгливыми губами. Под мутными глазами неопределённого цвета залегли глубокие тени. Потомка полубога в нём, не зная, кто он такой, и не будь на нём его роскошных

одежд, можно было заподозрить разве что только по величавой осанке и надменному взгляду. Слова же он едва цедил – словно делая всем великое одолжение.

Олегу причина такой «усталости» была хорошо известна – накануне князь со своим ближником – боярином Гордеем, допоздна обсуждали какие-то дела. При этом оба активно угощались творёным квасом. Неудивительно, что голова у обоих наутро пошаливала. Впрочем, так старший потомок легендарного Сокола проводил почти все дни. Кроме тех случаев, когда был в походе.

– Мы сейчас здесь...

Поморщившись, великий князь отхлебнул из золотой чаши и поставил её на стол – в центр долины, образованной Буковыми холмами – рядом с пластиной, обозначающей Менск.

Олег досадливо скривился – горячий сбитень плеснул через край, залив лакированное дерево, янтарь и драгоценную финифть.

– А полочане здесь, и здесь.

Великий князь отобрал серебряные кубки у боярина Шигоны и у своего вчерашнего сочашника Гордея, имевшего такой же, как у него помятый вид. Одну он поставил к полуночи от Менска – возле Ижеславля, другую – к полудню – возле входа в долину.

– А может быть где-то ещё...

Старший Соколович снова болезненно поморщился. Возможно – переживая за стратегическую ситуацию. Или, скорее – от похмельных мук.

– Какие будут предложения?

Собравшиеся начали переглядываться. Первое слово, по традиции, принадлежало набольшему боярину. И он его взял. Как всегда – громогласно и не утруждая себя глубокими раздумьями.

– Да что тут рассусоливать – пробасил Вышата. – Выйти за стены и разбить рыжего волка. И на столицу его идти. Р-р-род его весь под корень...

На лицах присутствующих появились ухмылки.

Да уж... В недавней сече боярин показал, какой он лихой вояка. Едва всю свою дружину зазря не угробил.

А уж удирал-то как знатно...

– Очертя голову лезть не стоит, Вышата – подал голос Дружина – набольший воевода великого князя – старый, но всё ещё могучий витязь с седыми прядями на голове и в бороде. – Здесь мы – он указал рукой на Менск – как медведь в берлоге – Всеславу нас не достать. А выйдем, дуром на него полезем – он нас того и гляди в мешок возьмёт. Эти-то места он со своими сынами лучше нас знает. Ты и сам в этом убедился недавно...

Ухмылки на лицах собравшихся сменились откровенными усмешками. Ловко Дружина набольшего боярина по носу щёлкнул!

Тот намёк тоже понял и побагровел. Но вступать в пикировку с заслуженным воеводой не рискнул. Зато нашёл другой аргумент.

– За стенами мы долго не усидим! Сами знаете – припасов мало. И обоза мы лишились! Между прочим, по твоей вине, Колюта!

Боярский перст обвиняюще нацелился на грудь Олегова кормильца.

– Твой был план! Ты нас сюда завёл!

Олег изумлённо воззрился на пестуна. Столь хитро продуманная победа была детищем его старого воспитателя? Колюта ещё и на такое способен? А почему тогда он не слышал обсуждения плана? Колюта предложил его великому князю аккурат, когда его воспитанник самонадеянно выехал в голову войска? Тогда воистину это было неудачное решение! Может поэтому в день битвы боярин был задумчив и неразговорчив?

Меж тем от финта, который выкинул старейшина рода Малевичей, переведя разговор с собственного скудоумия на недомыслие одного из главных творцов недавнего триумфа, все присутствующие ненадолго оторопели.

Набольшему то – палец в рот не клади! – читалось на многих лицах.

Справедливости ради, резон в словах Вышаты был. Раз план придумал Колюта, значит и вина за потерянный обоз лежала на нём. Ведь можно же было оставить с ним часть сил для прикрытия!

Однако старый боярин не стушевался и, как всегда, за словом в карман не полез.

– Моя вина такая же, как и твоя, боярин!

Из под кустистых бровей Вышату уколол знаменитый пронзительный взгляд, способный испепелить весь средних размеров.

– План все вместе принимали – не я один. Ты тогда где был? А не сделали бы по-моему – сейчас бы не в Менске сидели – а в чистом поле полевали!

Вышата набычился.

– По-твоему, здесь все дурней тебя?

В его голосе прорезались угрожающие нотки.

Воинский совет грозил превратиться в перепалку. Пресечь это, по логике вещей, должен был великий князь. Но он, похоже, исчерпал на сегодня запас разговорчивости. Открыв совет, старший Соколович уселся на высокое резное кресло, стоявшее в голове стола, и потребовал принести себе не горячего сбитня, а холодного взвару. Теперь он лениво его потягивал, без особого интереса наблюдая за происходящим.

Вместо него препирательство поспешил прекратить средний брат.

– Невместно вам, бояре, здесь браниться! – резко бросил Святослав. – Виновного искать – последнее дело! Надо думать, как врага одолеть!

Олегова отца одобрительным гулом поддержали остальные участники совета.

Оба спорщика насупились, но замолчали.

– По делу кто-нибудь хочет сказать?

Князь obeжал взглядом присутствующих.

Младший Соколович – Всеслав, как и старший, держался отстранённо – задумчиво смотрел в пол и что-то шептал себе под нос. Его, в отличие от брата, мучило не похмелье. Он, скорее всего, сейчас мысленно пребывал в местном книгохранилище. Этот молодой ещё князь, прозванный за учёность Вороном, в походах всегда страдал от невозможности припасть к любимым фолиантам. Здесь же, в одном из подвалов, он обнаружил в сундуке несколько старинных рукописей. И пока он находился в добровольном плену у древних летописцев, проблемы окружающего мира мало его занимали.

Ощутив на себе требовательный взгляд Святослава, Всеволод едва заметно помотал головой. Нет, мол, предложений.

Следующим по старшинству был Ярополк – первенец великого князя.

Этот тоже был не великий любитель поговорить. Внимание Большого меча в основном занимали лихие схватки в чистом поле да развлечения с девками. Но в этот раз ему нашлось что сказать.

Княжич до сих пор ощущал себя главным героем недавней битвы и, по всей видимости, считал необходимым поддержать этот авторитет.

– Полочане здесь и здесь. – Ярополк вынул из ножен кинжал и поочерёдно указал клинком на серебряные чаши. – Но есть и третий путь. – Через него мы с Некрасой вышли к Менску.

Он прочертил лезвием путь от янтарной полосы дороги между резных холмов до яшмового леса.

Олег нахмурился. На лакированном красном дереве осталась длинная белая полоса.

– В городе можно оставить прикрытие. Остальные силы нападут на отряд Волха. – Клинок звякнул о тулово серебряной чаши, стоявшей к полудню от Менска. – Часть атакует в лоб. А я могу с остальными снова пройти по этой тропе и ударить сбоку.

Кинжал проделал обратный путь от зеленокаменной рощи до медово-жёлтой дороги. Царапина на теле драгоценной ольхи превратилась в полноценный незаживающий шрам.

Речь Жеребца прервало громкое скептическое хмыканье Некрасы.

– Чем красоту портить, княжич, лучше бы головой подумал!

Олегову тётку, видимо тоже покорило варварское отношение Ярополка к произведению искусства. А говорить то, что думает, могучая поляница никогда не боялась. Впрочем, с её славой несоразмерной поединщицы это было немудрено.

– Неужто ты, Ярополк, на месте Всеслава, зная про тропу, не перекрыл бы её?

Большой меч смутился, не найдя что ответить.

– Волка в холмах не взять – его надо на равнину выманить и тут бить!

Некраса протянула руку к серебряной чаше, стоявшей к югу от Менска, и передвинула её от входа в долину в самый её центр. Затем смяла могучими пальцами тонкие бока сосуда и швырнула его на пол.

Да-а-а – недаром тётку называли дубовой девой... Правда, только за глаза – тот, кто посмел бы сделать это в лицо, рисковал раньше срока отправиться в ирий. Хотя девам же её можно было причислить только условно – потому только, что никто из князей или бояр не рискнул взять её в жёны. Она, правда, по этому поводу не печалилась, а для удовлетворения своих женских нужд легко сходилась с воями из собственной дружины. При всём при этом, несмотря на отталкивающую внешность, тётка пользовалась в войске большой популярностью.

Вот и сейчас её поступок вызвал одобрительный гул.

Однако набольший воевода общего энтузиазма не разделил.

– Не так всё просто, Некраса! – осадил он боярыню. – Волк – зверь хитрый. Как ты его выманить собралась? А и выманишь – дальше что?

Богатырка упёрла руки в боки и усмехнулась.

– А ты что, старик, не помнишь, как супротивника из теснины на ровное место выманить? Это же ещё отрокам объясняют – когда воинское дело растолковывают. По заветам Амала, Атиллы и Боромира. Вон мой сынонец и то знает. Она кивнула на Олега, стоящего у окна.

Княжич это действительно уже знал. В таких случаях надо было атаковать противника частью сил, связать боем и отступить, подводя к остальному войску.

Окружающие заушмылялись. То-то мол – дубовой деве тоже палец в рот не клади!

Некое подобие интереса появилось даже на лице великого князя. Ещё бы – не каждый день прилюдно осмеивают его главного воеводу.

Но старого Дружину не так-то просто было сбить с панталыку.

– Рыжего, Некраса, те же наставники, что и тебя, и всех нас учили. И он про заветы великих знает. Не попадётся он твою уловку. Из прохода не выйдет. А то и сам вглубь заманит, тайной тропой засадный отряд проведёт и в тыл ударит.

Аргументы были более чем резонны.

– Хаять то все горазды – не сдавалась богатырка. – А ты свой план тогда предложи – получше!

Все приутихли и воззрились на набольшего. В светёлке на какое-то время воцарилась гробовая тишина.

Выждав паузу, Дружина откашлялся, и взял слово.

– Волк – зверь не только хитрый, но и битый! Да ещё и места эти лучше нас знает.

Старый воевода замолчал, несколько раз пришвыркивая отхлебнул из чаши уже успевший остыть сбитень и неспешно двинулся вокруг столешницы. Прочие расступились, давая ему дорогу.

Пауза затягивалась.

– Дык что предлагаешь то?! – не выдержал Вышата.

Дружина не ответил, внимательно глядя на стол.

Когда боярский рык стих, стало слышно, как у потолка жужжала муха.

– И Ярополк и Некраса оба правы – изрёк, наконец, старый витязь. – В том, что атаковать полочан надо. Пока Всеслав не знает, где мы ударим, и держит свои силы отдельно.

И снова замолчал.

В этот раз никто не рискнул прервать его раздумья.

– И засадный отряд тоже нужен. Но не на твоей тропе, Ярополк. Там нас, конечно, ждут. Туда и соваться глупо.

Большой меч насупился.

– А где тогда?

Дружина снова отхлебнул сбитня.

– Должны и другие тропы быть. Быть может, наши союзники знают? Они тут почти что местные.

Он повернулся к вожаку бобровичей, который доселе скромно стоял в сторонке, с интересом слушал, о чём говорят другие, и украдкой разглядывал узор на боках своего давно уже опустошённого серебряного кубка.

– Ездть путц воеводза – ответил он на своём потешном дзвенькающем наречии. – Как не быдзь? По тропе чередз холмы на большак мозжно выйтци. Который на капище ведзёт.

Присутствующие воодушевлённо зашептались.

– Можешь показать здесь? – Дружина указал на стол.

Болотник осторожно приблизился. Он, видимо, до конца ещё не разобрался, что там изображено, и сейчас героическими усилиями пытался восполнить пробел, для ускорения мыслей почёсывая косматый затылок.

Набольший решил ему помочь. Он принялся указывать на объекты и называть их. Это помогло – Культяп, наконец, сообразил, что к чему.

– Здзесь! – он ткнул корявым пальцем в седловину между двух холмов к восходу от Менска.

Дружина склонился над столешницей.

– А там можно незаметно провести отряд воев?

Вожак бобровичей снова почесал затылок.

– Попробоватць мозжно, воеводза. Но только ноцчью.

Набольший торжествующе оглядел всех присутствующих:

– Тогда план у нас будет такой...

Олег скривился – воевода вынул из ножен кинжал и с замаха всадил в столешницу – точно между двух указанных болотником холмов.

– Атакуем здзесь...

Буковые холмы. Туман

Боги, конечно, в своём могуществе безмерно велики, и смысл их деяний разуму простых смертных недоступен, однако творят они порой такое... Например, иных людей лепят – как будто не глядя – что получится, то и получится. Так, наверное, было с менчанами. Их творцы создавали либо в насмешку над остальными, либо с большого похмелья, опившись своей небесной браги. Или что они там пьют?

Вот уж до чего народ не только беззаконный – но и глупый! Чего уж там про жизнь в домах на два поверха вспоминать или молоко их гретое! Бобровичи – дремучие болотники – и те их умудряются в торговой премудрости переплунуть! Это горожан-то! Отдавать за одну

бобровую шкурку целую девятку стеклянных глазков! Это ж надо – настолько цену вещам не знать! Этих зверьков в реках – что деревьев в лесу! А за три глазка наконечник стрелы купить можно стальной! Считай одна шкурка – три наконечника – тройная выгода! Да и сам по себе глазок – немалая ценность. Дырку в нём просверлил – бус получится – отличное грузило для сети! Или девке украшение.

Эти премудрости Олегу растолковал его новый знакомый – вожак бобровичей – охотников.

Этот... Как его... Опять имя забыл... Слишком длинное и сложное. А! – пусть Культяп.

Он же объяснил княжичу, что те вещи, которые сначала показались ему верхом житейской неправды, имеют под собой глубокую основу. Жить в домах на сваях вдали от болот или топкого места и вправду может быть глупо, но только не для бобровичей.

История эта уходила корнями в глубину веков. В те времена, когда правдивые земли были так густо покрыты лесами, что белка могла, перепрыгивая с ветку на ветку, добраться от Студёных вод до Синеморя, само Синеморе было гораздо меньше нынешнего, а на месте Сурожского озера было топкое болото. Тогда далёкие предки бобровичей, которые ещё звались совсем по-другому, поссорились с навьими. И началась жестокая война – не на жизнь, а на смерть. В ней люди сначала одолели и даже загнали проклятых упырей в болота. Но там навьи неожиданно нашли союзников – ползучих гадов, которые повернули ход войны вспять. Эти длинные скользкие твари истребили тьму людей. Причём не в честных битвах, а исподтишка. Нападали по ночам, когда тех одолевал сон, и душили. Людям пришлось сначала отступить, а потом – чтобы выжить, научиться строить дома на высоких сваях. И не изменять этому правилу многие века.

Обычай мужам рядиться в женскую одежду происходил оттуда же. Не сумев одолеть бобровичей ни в честном бою, ни с помощью подлых союзников, навьи надолго затаились. А потом придумали новый способ извести ненавистный для них народ. Начали нападать на их баб и девок, когда те ходили в лес или на реку. И ладно бы просто убивали. А то обращали в упырих-русалок или мавок, которые потом заманивали в чашу своих же прежних товарок. Так продолжалось до тех пор, пока у бобровичей почти совсем не осталось жён. Уцелевшие же безвылазно сидели взаперти, и никуда не ходили без сопровождения мужей или братьев.

Тогда верховный жрец племени и придумал, как обмануть нечисть. Мужчины должны были всё время носить женские рубахи и прятать под ними оружие. Задумка оказалась удачной – от рук лихих бобровичей полегло немало упырей. Навьи снова отступили и затаились. Но время от времени напоминали о себе редкими набегами. Поэтому и болотники не забывали о старом обычае. Правда их численность с тех времён заметно сократилась – больно уж многих жён они тогда лишили – некому было умножать род.

Суровее некуда! Вспоминая рассказ Культяпа, Олег мысленно представил себя на месте древнего бобровича, который храбро шагает по лесу в женской одежде, пряча под ней кинжал, имитирует бабские повадки и выжидает момента, когда на спину ему броситься кровожадная мавка, чтобы пронзить её холодным железом.

Его даже передёрнуло от сладкого ужаса.

Жуть!

Вынырнув из грёз, Олег обнаружил, что снова вырвался вперёд и сильно оторвался от колонны. Его окружали только белёсые клубы тумана, в которых не различался ни единый людской силуэт.

В таком густом мареве ничего не стоило заплутать. Что сейчас было совсем ни к чему. Да и рассуждения о навях пробудили в душе юноши огонёк древнего подспудного страха. Который таился в глубине души у каждого живого человека.

Вожак бобровичей ведь предупреждал его, чтобы он не уезжал далеко! Княжич остановил воронка, и принялся терпеливо ждать, пока его нагонят, старательно давя в себе страх.

Он приготовился в очередной раз увидеть, как из плотного тумана проступит сутулая фигура старого болотника, грузно опирающегося на короткое копье и часто задирающего бороду вверх, чтобы разглядеть в дымке какие-то ему одному ведомые приметы.

Олег вспомнил, как Кулятьп поначалу опешил от его просьбы. Княжич изложил её на пиру, которым завершился большой военный совет. Он тогда сам подошёл к болотнику и принялся расспрашивать про обычаи его народа. А когда тот разохотился, описывая славное прошлое своего племени, огорошил предложением – тайно взять с собой в поход в Буковые холмы. Бобрович сперва заартачился, но неоспоримые аргументы, которые привёл княжич, вкупе с несколькими чашами крепкого творёного кваса, возымели своё действие – тот согласился.

План юноши был прост. В ту ночь, когда бобровичи вместе с засадным отрядом гридней покинут Минск, он тайно последует за ними. Сразу в темноте Олега не узнают, а потом, когда они достаточно углубятся в холмы, отправить его обратно будет уже поздно. А потом он героически себя проявит в сражении, и отцу с Колютой ничего другого не останется, как только наградить его за доблесть.

Рыжухой, не меньше. Хотя бы малой.

Он будет подобен своему прадеду – Святославу Грозному. Тот тоже примерно в таком же возрасте впервые повёл дружину в бой – самолично возглавил атаку на войско непокорных деревлян. И одержал блестящую победу.

Обмануть слуг, которые спали с ним в одной светёлке, оказалось делом несложным. Будь жив Жирошка, он бы так легко себя провести, конечно, не позволил – старый челядинец всегда ложился у входа, спал очень чутко и просыпался от малейшего шороха. Но тот остался почивать вечным сном на берегу Виславицы. Новый же денщик беззаботно дрых в углу на лавке, и Олег без помех покинул терем. Проще простого оказалось и увести воронка из конюшни. Никто из дворовых не посмел поинтересоваться у княжича, куда тот собрался. Так что он спокойно оседлал своего скакуна и уехал, не сказав никому ни слова. Вожак болотников, как и было оговорено, поджидал его в условленном месте. Минск юноша покинул следом за его мужами, не вызвав подозрения у воротной стражи. Когда бобровичи влились в большой отряд, каждый, наверное, думал, что Олег едет с другой дружиной. Во всяком случае, княжичу никто вопросов не задавал. Войско углубилось в холмы, собираясь обходными тропами зайти в тыл отрядам Волха и Роговолда.

Ну а потом случилось непредвиденное. То, что князья и воеводы не предусмотрели на большом совете. На землю пал туман... Да такой густой, что передвигаться в нём можно было разве что на ощупь. Что вои засадного отряда и делали уже несколько часов.

Впереди шли бобровичи, разведывая дорогу. За ними – полторы сотни гридней-охотников, собранных из дружин великого князя, его братьев и набольшего боярина Вышаты. Вои двигались ужасно медленно, опасаясь заблудиться и выйти не туда. Олег же, в своём всегдашнем нетерпении, долго этого вынести не мог и периодически уезжал вперёд. Правда, стараясь особо не отрываться. Потом он просто останавливался, ожидая, когда его нагонят. Несколько раз так всё и происходило.

Сейчас, однако, из тумана довольно долго никто не показывался. Кроме того, он совершенно не слышал того шума, который обычно издаёт движущаяся масса людей.

Неужели он всё-таки сбился с пути? Искра лёгкого подспудного страха перед нечистью, слегка щекочущего нервы, начала перерастать в огонёк беспокойства, от которого неприятно засосало под ложечкой.

У-у-у-о-о-о-у-у-у-у-м-м-м! – по окрестностям разнёсся надтреснутый рёв боевой трубы. Изрядно приглушённый туманом, но от этого ещё более зловещий.

Он явно и недвусмысленно призывал к бою. Засадный отряд сейчас атаковать никого не мог. Следовательно, эти звуки могли сейчас означать только одно...

Костёр беспокойства начал охватывать всё нутро юноши, угрожая перерасти в пожар паники. Олег развернул воронка и направил его обратно. Очень медленно – опасаясь ещё больше заблудиться.

А потом всё пространство вокруг заполнили звуки, которых княжич больше всего боялся услышать. Это были шумы воинской схватки: лязг сталкивающегося с деревом или другим металлом железа, лошадиное ржание, боевые кличи, вопли умирающих и сухие щелчки, которые обычно издают тетивы при соударении с боевыми перчатками. Их сопровождали характерные шлепки, с которыми стрелы вонзаются в плоть.

Последние звучали особенно часто. Это было очень странно, учитывая, что в таком тумане трудно было разглядеть хоть кого-то даже в дюжине шагов. И очень напоминало засаду – такой плотный обстрел можно было вести только на заранее разведанной местности.

Но кто мог рассказать об этом походе полочанам?

Предсмертных криков раздавалось всё больше – и людских и лошадиных. Похоже – шло настоящее избиение. Причём явно не нападающей стороны.

На какое-то время шум сечи перекрыл протяжный волчий вой. Это был крик лютой животной ярости. Поначалу его затянул один голос. Потом подхватила почти сотня ртов, в которых он переродился в торжествующий победный вопль.

К сожалению, он мог означать только одно...

Олег остановился, не зная, что предпринять. Все его товарищи, скорее всего, были мертвы. Поэтому двигаться дальше означало попросту погибнуть. Безо всякого толку. Да и без славы. Кто увидит в тумане его геройскую смерть?

Возвращение же старой дорогой могло закончиться окончательной потерей направления. И тогда ему придётся блуждать в этой мгле до тех пор, пока он не наткнётся на людей.

Сомнения княжича неожиданно разрешил тот, чьего появления он так сильно ожидал до этого. Культяп вынырнул из тумана, словно призрак. Он опирался на короткое копьё и что-то говорил, повернув голову назад, по всей видимости, обращаясь к идущим следом.

– Славная добычка. Дзжалъ мальчишка ушёл. Исци его тцеперь по этцим холмам. Дза него много дзаплатцили бы...

Теперь всё встало на свои места. И гостеприимство, и добровольное участие в походе, и быстрое согласие вести полуденных воев в тыл полочанам, и вражья засада – всё это были звенья одной цепи – бобровичи с самого начала задумали измену. А просьба Олега взять его с собой была им только на руку. Ещё бы – такая добычка сама пошла в руки. За сына второго из старших Соколовичей большо-о-ой выкуп получить можно.

Все эти мысли пронеслись в голове княжича за считанные секунды.

Вожак бобровичей повернул голову и остоленел, увидев прямо перед собой потерявшегося юношу.

– Вот он! Держи его! – заверещал болотник.

Пока разум княжича тщетно пытался найти выход из этой нелёгкой ситуации, тело снова, как в битве под Менском, начало действовать само. Рука юноши дёрнула из ножен висевший на поясе укороченный меч, – полного ему ещё не полагалось, а цеплять такой клинок на спину не было нужды – и он почти без замаха ударил им Культяпа по горлу.

Вожак болотников так и ушёл к своим прашурам с удивлённым выражением лица. Изумление от неожиданной встречи с Олегом сменилось недоумением от скорости, с которой этот юнец отправил его на небеса. А больше никаких чувств он испытать уже не успел. Из перекошенного рта вырвался только предсмертный хрип, а из перерезанного горла – тугая струя крови, обильно оросившая и рубаху, и слежавшийся снег под ногами. Тело покачнулось и рухнуло наземь. Рядом упало не пригодившееся хозяину копьё.

Интересно, а славные предки этого отступника, едва не победившие самих навых, тоже предавали своих союзников и заманивали их в подлые засады? Или может быть их потомки, за сотни лет вражды, попросту переняли эти приёмы у своего противника?

Пока в голову Олега лезли всякие несвоевременные мысли, его руки продолжали делать своё дело. Спутники убитого Культяпа, в то время, за которое юноша расправился с их вожаком, успели только разглядеть его в тумане и нацелить на княжича свои копья.

Дзаннн! Дзаннн! Трррак! Несколько взмахов меча и в руках у них остались только ратовища – клинок юноши очень легко даже для него самого лишил их боевых наконечников.

Ещё бы! – Откуда в их болотах взяться хорошему дереву?

Олег развернул воронка и погнал его назад – туда, откуда он только что приехал. Сыну черноградского князя, конечно, не пристало отступать перед толпой не обученных ратников, не умеющих даже держать меч в руках, однако на их стороне было и знание местности, и явное численное преимущество. А стоило болотникам убить или ранить под ним коня – что те непременно бы сделали – они попросту задавили бы его массой. Да и к тому же на помощь бобровичам могли прийти полочане, всё равно – кмети или гридни. Ни с теми, ни с другими Олегу точно было не сладить.

Его скакун, похоже, почувствовал опасность и наддал сам, безо всякого понукания. Ключья тумана в глазах всадника слились в одно сплошное белое мелькание. От скорости у него заложило уши, а в висках застучала прилившая к голове кровь. Олег совершенно перестал понимать, куда он скачет. Ему оставалось только полагаться на чутьё воронка. Тот и на самом деле каким-то неведомым образом ориентировался в тумане – несколько раз резко менял направление, видимо уходя от столкновения.

Какое-то время княжич ещё слышал за спиной крики. Потом они стихли. Конь уносил его всё дальше, с каждым махом ещё больше отдаляя от того места, где юноша мог хоть как-то сориентироваться.

Бешеная скачка продолжалась довольно долго. Олег даже потерял счёт времени. Она могла длиться час, а могла и всего несколько минут. Наконец, воронок устал и замедлил бег. А потом и вовсе перешёл на шаг.

Дав коню пройти определённое расстояние, чтобы тот не запалился, юноша заставил его остановиться. И попытался осмотреться. Тщетно – разглядеть что-нибудь дальше полудюжины шагов в этом сплошном белом мареве было решительно невозможно.

Похоже, теперь он заблудился в этих холмах окончательно.

Зато был жив и свободен! И от погони он ушёл.

Но что было делать дальше?

Продолжать путь можно было только имея представление, в каком направлении двигаться. Иначе можно было приехать напрямик в руки врагу. Или забраться в такие дебри...

На Олега вдруг навалилась лютая усталость. Разум затуманился, а веки начали неумолимо слипаться. Наверное, сказались две бессонные ночи и короткое, но лютное напряжение скачки.

Победить такое состояние можно было только одним способом.

Княжич спешился. Рассёдлывать воронка он не стал. Это было бы чересчур опрометчиво. Так же как и снимать с себя походный доспех. Поэтому он бросил на снег тёплый плащ-мятель, намотал на правую руку повод и лёг, подложив левую под голову.

Он провалился в чёрное небытие, едва успев смежить веки.

Буковые холмы. Тьма

Вокруг простиралось бескрайнее серое болото, поросшее чёрным ерником и бледной осокой. Под ногами чавкала вязкая жижа. Он передвигался по еле заметной тропинке. Малей-

ший шаг в сторону с неё означал гибель в трясине. Откуда ему это было известно, Олег даже не догадывался. Просто знал и всё.

Княжич не имел представления ни куда он идёт, ни с какой целью. Впереди мелькала бледная спина проводника, отсвечивавшая в темноте мертвенно-серебристым светом. Тропинку можно было распознать только по его едва заметным следам – вдавлинкам на болотной ряске, которые распрямлялись за ним буквально на глазах. Провожатый двигался на изрядном расстоянии, поэтому юноша торопился, чтобы не отстать. Однако дистанция между ними не сокращалась.

Хуже того – она увеличивалась.

Надо было что-то делать. Быстрее двигаться не получалось. Идти дальше одному означало неминуемо сбиться с пути и завязнуть в трясине. Оставалось каким-то образом обратить на себя внимание проводника. Бросить в него было нечем, поэтому Олег избрал единственный доступный ему способ – крик. Сначала односложные восклицания, потом – словосочетания, многие из которых касались личностных качеств проводника и его ближайших родственников. Ожидаемого эффекта удалось достичь, только когда в ход пошли самые отборные ругательства, подслушанные юношей у дружинников – провожатый развернулся и направился прямо к княжичу.

Олег облегчённо остановился. Но радость его оказалась преждевременной – тот двигался по топкой поверхности с просто пугающей скоростью, и чем ближе он подходил, тем сильнее походил на навьего. У него была бледная белёсая кожа, характерная сутулая осанка и полностью закрывающие лицо грязные волосы. Да что там – это и был навий!

И он явно был настроен против Олега – руки упыря хищно вытянулись в сторону юноши. Когда до княжича оставалось меньше десятка шагов, тварь высоко подпрыгнула, неожиданно легко оторвавшись от вязкой поверхности. Его пальцы прицелились впиться юноше в горло. Олег успел разглядеть, что на шуйце мертвяка не хватает двух перстов – мизинца и безымянного. В голове промелькнула догадка.

Олег увернулся от когтей, нырнув под трёхпалую руку. Тут же он вспомнил про нож, который был у него в сапоге. Когда упырь приземлился, княжич выхватил из-за голенища короткий клинок и с размаху всадил его прямо в его чёрное сердце.

Тот дёрнулся и обмяк. Потом накренился, начал заваливаться и, наконец, мешком рухнул в болото. Похожие на охапку стеблей подводной травы волосы обнажили мертвенно бледное лицо с оскаленным ртом.

Олег вздрогнул. Предположение подтвердилось. Это был Культяп – предавший его вожак бобровичей.

– Зачем ты это сделал? – крикнул он.

Навий молчал. Его тело начало быстро погружаться в трясину. Через короткое время над зелёной жижей осталось торчать одно только синюшное лицо. Тем не менее, в глазах твари не промелькнуло и тени страха.

– Зачем ты нас предал, упырь?!

Тот оскалил гнилозубую пасть. И прошипел:

– Это было предреш-шено, княжич-ш-ш...

Слова тонули в бульканье.

– Кем? – Олег шагнул к нему, заноса клинок. – Отвечай, тварь!

Упырь скривил морду в усмешке:

– Никто не смеет вс-ставать на пути с-стихии... Она с-сметет...

Лицо навьего скрылось в трясине.

На поверхности ещё некоторое время появлялись и лопались пузыри.

Олег огляделся и тут только понял, что сошёл с тропы и теперь его тоже медленно засасывает скользкая зелёная пучина. В которую он ушёл уже по колено.

Сурово! Попытаться остановить погружение было поздно – дёрганье могло только ускорить процесс. Что ж, похоже – ему всё-таки пришла пора умирать. Мало что может быть хуже, чем утонуть в болоте. Но выбирать не приходилось. Единственное что можно было сделать – уйти с достоинством. Юноша выпрямился.

Болотная жижа достигла груди.

Потом подбородка.

Губ.

Разум юноши смирился с гибелью. Но молодое тело совсем ещё не хотело умирать. Оно отчаянно задёргалось и замахало руками.

И погрузилось до глаз.

Потом и их накрыла чёрная пелена.

Но в этот самый момент кто-то ухватил его руку и несколько раз сильно за неё дёрнул. Олег отчаянным усилием рванулся вверх.

Ему показалось, что он вынырнул на поверхность. Чтобы удостовериться он попытался разлепить глаза. И о чудо – ему это удалось!

Болото исчезло. Перед ним лежал склон невысокого холма, покрытого зарослями бука, и, местами – лежалым снегом.

Княжич облегчённо вздохнул – всё, что с ним происходило на болоте, ему приснилось. Кроме одного – его действительно кто-то дёргал за руку.

Олег повернул голову. Это оказался его собственный конь, повод которого всё ещё был намотан вокруг запястья юноши.

Он сел, отломил тонкую плитку слежавшегося снега, раздавил её в ладони и провёл мокрой рукой по лицу.

Как ни странно, этот тягостный сон освежил его и придал сил. Теперь можно было продолжать путь. Но для начала стоило осмотреться.

Жеребец снова сильно дёрнул за повод, едва не вывихнув запястье.

– Тихо, Воронок! – раздражённо гаркнул княжич.

Зря.

Едва успев окинуть взглядом окрестности, Олег понял, о чем его хотел предупредить верный скакун.

Холмы уже успели очиститься от тумана – его тонкие облачка остались лежать только кое-где в низинах. Поэтому фигура всадника на вершине одного из ближних холмов была хорошо заметна. И опрометчивый вскрик, похоже, привлёк его внимание.

Глядя против солнца, юноша не мог различить ни масти коня, ни доспеха наездника. В любом случае тот был опытным воём – это можно было понять хотя бы по тому, как он грамотно передвигался – по самому гребню – и видно далеко, и, в случае опасности с какой-либо стороны можно укрыться на противоположном склоне.

Встреча с таким противником ничего доброго юноше не сулила. А если тот был ещё и не один...

Олег сморгнул.

Всадник исчез. Княжич протёр глаза. Они его, похоже, не обманывали – гребень холма, по которому только что ехал загадочный вой был совершенно пуст.

Нужно было немедленно уезжать как можно дальше отсюда. Юноша подхватил с земли мятель, вскочил в седло и погнал воронка с места в намет.

Он уже успел немного сориентироваться на местности. Чтобы избежать нежелательной встречи, можно было попробовать уйти за ближайший холм. Отдохнувший конь бодро пронёс его через седловину.

Оп-па!

Из-за поворота вынырнул тот самый всадник. Он сидел на жеребце «дикой» каурой масти. В руке у него было короткое копье.

Ещё юноша успел разглядеть походный кожаный доспех с бляшками из коровьих копыт – такой же, как у него, и сарматский шлем с полной личиной, из-под которой выбивались длинные пшеничные усы. На шее у воина блестела серебряная гривна. Под ней, на монисте, сверкала целая россыпь наградных шелягов и рыжух.

Княжич выхватил лук и дёрнул из тула бронебойную стрелу, но вовремя разглядел ещё и рисунок на круглом щите всадника – атакующую пустельгу на пурпурно-жёлтом поле. А потом узнал и его самого.

Этого он стрелой бы точно не взял. И ничем другим тоже.

Вот так встреча!

Вой тоже его узнал. Причём раньше Олега. В противном случае, прежде чем что-нибудь разглядеть, юноша схлопотал бы два вершка стали в грудь или живот.

– Ну, здравствуй, княжич! Не ожидал тут тебя встретить!

Их руки одновременно взметнулись в воинском приветствии.

– И ты будь здоров, Шебарша! Безумно рад тебя видеть!

Зря он так перепугался предупреждения своего коня. Эта встреча была настоящим подарком судьбы. С таким спутником юноше можно было не бояться ни погони, ни незнакомой местности.

Последний раз Олег видел витязя на победном пиру в Менске. Который и захвачен-то был главным образом благодаря воинской сметке и доблести Шебарши. Ведь это именно он, разведывая городские окрестности, обнаружил водяную мельницу. Именно ему в голову пришла идея – по-тихому засесть там с отрядом, пока главные силы выдвигаются в долину, а потом ударить по воротам, когда их некому будет защитить. И именно он со своими кметями и превратил этот план в жизнь.

Соответственно на пиру его больше всех и славословили. В его честь поднимали кубки и звучали заздравные речи. А местный бард уже плёл вирши, в которых возносил ему хвалу. Что сильно задевало Ярополка – старшего сына великого князя, который считал себя главным героем недавней битвы. В итоге, изрядно угостившись ставленными медами, княжич не сдержался и после очередного комплимента в адрес Шебарши громогласно заявил, что невелика доблесть – залезть под прикрытием тумана в вежу, прятаться там всё сражение, а потом разогнать горстку криворуких горожан.

Многоголосье на время утихло. Все ожидали, что Пустельга всплывет и наговорит Жеребцу дерзостей, после которого дело неминуемо закончится поединком.

Но всё вышло иначе. В отличие от Большого меча, воевода первой отцовской дружины на хмельное не налегал. Видимо поэтому дело до кровопролития доводить не стал. Но и урона чести потерпеть не мог. Шебарша встал, и, не глядя на Ярополка, торжественно поклялся, что не проведёт в Менске ни одного часа, пока город не будет освобождён от осады. После чего вышел из пиршественного зала.

С тех пор он ревностно выполнял свой обет, в одиночку рыская по окрестным холмам. И то, что он сейчас наткнулся на Олега, было сродни чуду.

Княжич сбивчиво рассказал витязю о последних событиях, в которых ему довелось участвовать. Тот присвистнул и почесал нос.

– Да-а-а! княжич, нашебаршил ты себе приключений полон рот!

Юноша с надеждой посмотрел на Пустельгу.

– Не бойсь, – успокоил тот. – Отведу я тебя обратно. Это мне в Менск нельзя. А тебе-то можно. – Он усмехнулся. – Только боярину Колюте на глаза лучше не попадаться...

И Шебарша заразительно захохотал, обнажив белые зубы.

Прежде чем тронуться в путь они остановились на привал. Витязь достал из под седла размягчённые куски мяса добытой им козули. Олег в ответ угостил его припасёнными сухими лепёшками, луком и сытой из кожаной фляги.

Козлятина была немного жёсткой, но вполне съедобной. Лепёшки оказались куда твёрже. Чтобы разжевать, их пришлось размачивать в медовой воде. Вот она-то была хороша! Что-что, а сыту беззаконные менчане делать умели.

Подкреплялись основательно – дорога предстояла неблизкая. Обратно до Менска ехать было не меньше суток. Главное было, как объяснил Шебарша, после того как они перекусили – следовать точно на закат и держаться полуденных склонов.

Двигаться в указанном направлении оказалось несложно – в этой местности гряды холмов тянулись как раз с заката на восход. А вот если бы богам, когда они их творили, вздумалось бы расположить возвышенности немного по-другому, то сейчас Олег и Шебарша замучились бы объезжать каждую преграду.

Полдня пути прошли в спокойствии. И это было удивительно, учитывая, что княжича, как он думал, сейчас должны были разыскивать, по крайней мере, несколько десятков полочан. Однако за всё это время двух всадников потревожила только дюжина рябчиков, выпорхнувших из под снега и пронёсшиеся перед самыми конскими мордами. Шебарша ловко изогнулся в седле и поймал за крыло одну из птиц. Тут же на ходу он сноровисто оторвал ей голову, слил кровь и бросил тушку в перемётную суму – изжарить на следующем привале.

Спокойная жизнь закончилась, когда они выехали к излучине небольшой речки. На его гладкой поверхности творилось недоброе – четверо кметей, рассыпавшись веером, гнали загонного одного. Причём тот явно им уступал. Вой шатался в седле, словно находился на последнем издыхании. Его лошадь была вся в мыле, а заводной то ли не было вовсе, то ли её отбили во время погони. Лёд за всадником пятнали бурые пятна крови.

Скакуны же загонщиков выглядели довольно свежими, как и они сами, хотя заводных при них тоже не было. Преследователи явно принадлежали к вражескому стану. На это указывал сине-циановый цвет конских попон. Возможно, это даже были люди Волха – знаменитого княжича-оборотня. Те самые легендарные кмети, которые, как пелось в виршах Баяна, волками рыскают по тайным лесным тропам, и рысями падают на спину врагам. Это значило, что обессиленный вой на усталом коне, кто бы он ни был – волей или неволей союзник полуденных князей. И надо было его выручать.

Шебарша начал действовать прежде, чем Олег успел даже хоть что-то подумать по этому поводу. Он пустил своего каурку в намет, на ходу перехватив короткое копье, висевшее у седла, в боевую позицию.

Чтобы сильно от него не отстать, княжич принялся шенкелями подгонять своего вороного. Шпорить его он не рискнул, чтобы тот не заржал и раньше времени не привлёк внимание противника. Правая рука юноши потянулась к налучу, в котором таилась боевая снасть. Её он, правда, натянул почти сутки назад, и тетива, скорее всего, ослабла. Но на короткой дистанции могла сгодиться и она.

Пустельга вырос за спиной полочан подобно птице, которая дала ему своё прозвище – так же неумолимо и грозно. В его руке мелькнуло копье.

– А-а-ар-р-рх-х-х! – один из кметей изверг из горла тугую струю крови и мешком повалился на конскую шею.

Жеребец убитого какое-то время по инерции продолжал скачку, но потом, больше не чувствуя понуканий, засбоил и перешёл на шаг.

Оставшиеся полочане тут же заметили потерю товарища. Быстро переглянувшись, они мгновенно приняли решение – как действовать дальше. Один из них продолжил погоню, а двое других повернули коней в сторону Шебарши. Их логика была ясна – с измученным беглецом

справиться и один, а против нового противника лучше было использовать численное большинство. А княжич, при всём его воинском умении, на полноценного соперника не тянул.

Изъян в логическом построении был только один – они не знали, КТО им противостоит. Против доблести Пустельги такое преимущество практически ничего не значило. Он обрушился на полочан прежде, чем те успели напасть на него. В руках витязя несколько раз мелькнул топорик-клевец на длинной рукояти.

Олег к тому времени как раз успел наложить стрелу желобком на тетиву и растянуть её до уха, выцеливая участок тела, не прикрытый доспехами.

Ф-фух-х-х! Оперённая снасть унеслась к цели. И вонзилась прямым в посланное место – под ключицу полочанского кмета. Из рта у того хлынула кровь. Но произошло это уже после того как оружие Шебарши надрубило тому загривок.

Убийства первого врага не состоялось. Не считать же Олегу таковым зарубленного вожака сиволапых ополченцев-болотников!

На круп коня опрокинулся второй полочанский вой. Не так уж и лихи эти хваленые волхovy кмети!

Пустельга меж тем и не думал останавливаться. Походя изрубив в песи двух матёрых головорезов, он не на миг не замедлил разбега своего коня. Его целью был последний из врагов, продолжавший погоню.

Но тот сообразил, что живым из схватки с этим витязем ему не уйти, и предпочёл остаться живым трусом – развернул коня и нырнул на нём в проход между холмами. Видимо рассчитывая, что муж, за которым он до этого гнался, для его преследователей важнее его скромной фигуры.

Он не ошибся.

Тут же забыв о его существовании, Шебарша поспешил настигнуть шатающегося от усталости воя. Олег за ним едва успевал – его воронок заметно уступал могучему каурке и в силе и в махе.

Попона на коне беглеца была незнакомой юноше оранжево-чёрной расцветки. Он решительно не мог припомнить князя, боярина или витязя из правдивых земель, кому она могла бы принадлежать. Всадник остановился. Но не потому, что увидел в двух незнакомцах своих союзников. Его глаза, похоже, совсем перестали что-либо различать. Когда юноша и витязь подъехали поближе, поняли почему.

Этот муж получил опасную рану. Перевязать которую, видимо, не было возможности. Поэтому он и истёк кровью. Ею был пропитан весь его плащ. Шатаясь, вой сорвал с пояса продолговатый кожаный пенал и протянул его прямо перед собой, прохрипев при этом:

– В Ме-енс-ск... Великому князю-у-у...

Его глаза остекленели, и он мешком рухнул на землю.

Шебарша подъехал, свесился с седла и подхватил пенал.

Оттуда он извлёк на свет тонкий кусок испещрённой резами бересты.

Пробежав по ней глазами, витязь изумлённо присвистнул.

После чего сдвинул шелом на лоб и почесал затылок.

– Да-а-а, княжич, нашебаршили мы с тобой приключений! В Минск то тебе, похоже, одному придётся ехать!

Олег изумлённо выдохнул...

Вот тебе и раз! Почему?

– А того кмета мне придётся догнать! И убить!

Берег реки Неспанки

До чего же боги порой хитро прячут свои истинные замыслы, маскируя под внешней неприязнательностью великую красоту! Так мерзкие болота таят в себе железную руду, из которой коваль может справить добрый меч или топор. А в тёмных подземных пещерах, в которых здравомыслящему мужу вроде бы и делать нечего, скрываются драгоценные самоцветы.

А случается наоборот – на вид красиво, а по сути – гадость гадостью. Бывает, глянешь на зелёную лужайку – душа возрадуется – так лепо. А ступишь ногой – угодишь в трясину. Или взять гадкое растение омелу – торчит красивый кустик в ветвях – залюбуешься. А он тем временем соки из дерева сосёт – превращает зелёного исполина в гнилой остов.

Так и с людьми. Может статься, обычай народа покажется непонятным или вовсе глупым, а на деле – таит в себе глубокий смысл и великую пользу. Или напротив – трубит племя повсюду о деяниях своих великих предков, а в нём самом мужи – подлец на подце. И оказывается на поверку, что истории эти – вранье. Потому что не могут у славных прашуров быть столь бесталанные потомки.

Взять хоть тех же бобровичей. Может когда-то в древности у них и была война с навьими и ползучими болотными гадами, от которых пришлось укрываться в свайных домах. А возможно, они просто со страху приняли за нечисть очередных находников, которые выгнали их с насиженных земель. В любом случае с тех пор миновала уже немало веков. Леса давно отступили на полночь, а болота на закат. Всяк знает, что старый обычай хорош до той поры пока не начинает мешать. А если какое-то племя продолжает за него упорно цепляться, то значит, оно наверняка почти сплошь состоит из дремучих дикарей. Народ, который не хочет жить по новому, неминуемо проигрывает другим, которые этого делать не боятся. Поэтому и бобровичей в последние века покоряли все, кому только было не лень забираться в их дебри. Сопровитвления они не оказывали почти никакого. Может быть, для самооправдания они и придумали себе древнюю войну с навьими. Неважно, мол, что сейчас нас быют! Зато наши предки когда-то – ого-го!

Какие-то из очередных завоевателей – скорее всего готы – известные не только воинской доблестью, но и жестокостью к побеждённым, были настолько поражены трусостью болотников, что повелели их мужам носить женское платье. А те даже не посмели возразить! С тех пор готы сами были неоднократно побеждены и ушли из этих мест далеко на закат. Им на смену несколько раз приходили новые властители. Однако этот отвратительный и унижительный обычай у бобровичей по-прежнему продолжал существовать.

А та сметка в торговом деле, о которой Олегу упоёно рассказывал предатель Культяп, оказалась на поверку обыкновенной глупостью. Если на землях болотников бобров и правда было хоть пруд пруди, и красная цена за шкурку зверька составляла один костяной наконечник на стрелу, которая нужна чтобы его добыть, то в варварских землях она уже стоила три большие золотые монеты! В пересчёте на стеклянные глазки не девять а – девять раз по девять! Вот и выходит, что менчане отнюдь не дурни, а совсем даже наоборот – большие мастера нажиться на чужой глупости.

А их малопонятные на первый взгляд порядки имели под собой либо практический смысл, либо глубокую жизненную основу. Так обычай строить дома в два жилых поверха они и вправду подглядели в варварских землях. Но так оказалось куда удобнее! – и народу внутри стен больше помещается – посад не нужен – противнику нечего жечь в случае нашествия. И для мастеровых хорошо, если они одной артелью работают. А задки, чтобы друг другу на голову не гадить, стали делать прямо на улицах. Непривычно, но удобно.

И гретое молоко не на пустом месте взялось. Примерно полвека назад Минск поразила повальная хворь. В тот год ещё Виславица сильно разлилась и затопила несколько улиц. А когда отступила, у многих горожан сначала хватало брюхо, а потом их начинало рвать и нести. Заболевшие постоянно хотели пить, но никак не могли напиться. Многие так и помирали в мучениях. Когда весь город был под угрозой вымирания и его жители не знали, как умиловить

богов, к ним прибыл великий жрец из большого капища в Буковых холмах. Он взял молоко говяды – животного, созданного, как известно, на людское благо самим Велесом, и нагрел его на священном огне. После чего объявил – все, кто будут его пить вместо привычных воды и кваса, спасутся. После этого хворь и вправду отступила. Многие из тех, кто подхватил её до этого, умерли, но больше никто не заражался. С тех пор у менчан так и повелось – если хочешь показать гостю, что ты желаешь ему здоровья – угости грым молоком.

Эти премудрости княжичу растолковал его новый слуга – отрок десяти вёсен от роду, за непомерную для его возраста наглость и неумную тягу совать свой нос, куда не следует, прозванный Возгрецом. Он был местным, хотя родом из тех же краёв, что и Олег. Его дед был в войске Ярослава Хромого, которое проходило через эти края почти полвека назад. В одной из стычек тот был ранен и едва не отдал душу богам. Его выходил местный жрец-отшельник. В благодарность за спасение вой остался ему помогать – начал бортничать, завёл хозяйство. А когда волхв ушёл на небо, не стал уезжать обратно – к тому времени он уже обзавёлся семьёй, наплодил детей и внуков. А его мёд охотно покупали не только в окрестных весях, но и в Менске. Его даже брали волхвы с большого капища в Буковых холмах – варить сурицу для священнодействий.

Всё пошло прахом после набега бобровичей на эти земли несколько зим тому назад. Болотники убили деда, отца и дядёв Возгреца, полонили их жён и детей, сожгли ульи вместе с пчёлами и разграбили всё добро. Уцелел только он сам и его старшая сестра, которые в тот день были в лесу. А от всего большого хозяйства осталась избушка на перевозе через реку да лодка. Она и помогла им выжить. Возгрец начал рыбачить и охотиться. Летом подрабатывал перевозчиком, благо место было довольно бойким. Там он и наслушался баек от знающих людей. Что ещё на переправе делать? – только болтать. Сестра держала маленький огород, да ублажала проезжих мужей, коли у тех возникала такая охота. Так продолжалось до тех пор, пока пол луны назад на перевозе не объявился лихой вой на кауром жеребце, который назвался Шебаршей. Он сразу взял в оборот и сестру и брата. Первую – для согрева постели. Второго – в качестве знатока окрестностей. И всё это время Возгрец был ему добрым помощником.

К нему Пустельга и направил Олега после того как они повстречали и перебили – точнее Шебарша перебил – погоню Волховых кметей за неизвестным всадником. Прыткий отрок должен был помочь княжичу незаметно для осаждающих проникнуть в Менск. За что ему было обещано вознаграждение. Поручение Возгрец выполнил в лучшем виде. Но от серебра и стеклянных глазков отказался. Вместо них он попросил Олега взять его к себе слугой. А сестру пристроить где-нибудь при воинском обозе.

Княжич не смог отказать.

Он оторвался от размышлений и бросил взгляд на своего новоиспечённого денщика. Тот ехал впереди в нескольких десятках шагов, поэтому был виден только прикрытый заячьей шапкой затылок. Сейчас Возгрец служил за проводника – указывал войску дорогу. Потому его неотступно сопровождал кметь, которому было поручено присматривать за не в меру шустрым отроком. Чтобы, например, вдруг не вздумал стрекануть в кусты. Того такая опека, однако, ничуть не смущала и он не переставая болтал.

Олег отогнал от себя дурные мысли. О плохом думать не хотелось. Тем более после недавнего предательства бобровичей. Главным сейчас было то, что он снова ехал в самом челе войска. Причём теперь – на совершенно законных основаниях.

Княжич не без удовольствия вспомнил как остолбенел отец, когда вместо того чтобы рассказать о перенесённых злоключениях и покаяться в совершённом проступке, сын, едва появившись в детинце, потребовал от него созвать воинский совет, заявив, что у него есть сведения, которые помогут одолеть полочанского князя и вырваться из менской ловушки.

Святослав поначалу не поверил Олегу и предложил ему не позориться. Однако после того как тот поклялся страшной клятвой, что не врёт, призвав в свидетели богов, средний Соколович осёкся и сделал то, что просил сын – отправил слугу известить великого князя.

Спустя какое-то время в большой светлице главной вежи городского детинца – той самой, где стоял стол, изображающий окрестности Менска, уже изрядно истыканный ножами и залитый липкими лужами, начали собираться князья и воеводы. Почти у всех на лицах было написано недоумение – ведь последний совет прошёл буквально накануне. Оно тут же сменялось изумлением при виде живого и здорового княжича, про которого все думали, что он погиб вместе с засадным отрядом.

Когда же в зал вошёл старый Колюта, он буквально впился своим знаменитым пронзительным взором в глаза воспитанника. Но тот остался беспристрастным. Во всяком случае, постарался это сделать.

Последним явился сам великий князь. Он был, как всегда, слегка помят, неряшлив и, похоже, снова страдал похмельными муками. Олег шагнул к нему и протянул кожаный пенал, который им с Шебаршей передал погибший вой. Старший Соколович, болезненно поморщившись, открыл его и извлёк на всеобщее обозрение скрученную трубкой бересту.

– И чего мне тут опять понаписали? – в раздражении бросил он, даже не взглядевшись в резы, и передал послание младшему брату.

С чтением, тем более вслух, он всегда был не в ладах.

Всеволод же с готовностью подхватил бересту и огласил своды своим приятным рокошующим тенорком.

Когда он закончил читать, в зале повисла гробовая тишина. От изумления никто не мог вымолвить ни слова.

Тогда Олег вышел вперёд и кратко рассказал о своих приключениях, после чего изложил план, придуманный Шебаршей.

Потом было много шума и споров. Особенно сильно как всегда разорвался набольший боярин Вышата. Но в итоге план был принят с небольшими оговорками.

В конце совета Святослав ещё раз обратился к сыну.

– Какую ты хочешь награду за свою весть? – спросил он без обиняков.

Княжич затаил дыхание.

– Я хочу участвовать в битве! Как простой вой.

Выпалил и замолчал, обомлев от собственной дерзости.

Олег был готов к отказу, но, к его удивлению, отец согласился. Причём даже без особых раздумий.

– Если мы победим, и ты достойно себя проявишь, я сам тебя опояшу – добавил он.

У юноши радостно заколотилось сердце. На лучшее и рассчитывать было нельзя!

На этом совет и завершился.

Однако от своего старого пестуна княжичу легко отделаться не удалось. Колюта долго и дотошно выпрашивал воспитанника буквально о каждом шаге, сделанном за пределами Менска. Особенно боярина почему-то заинтересовал странный сон Олега. В третий раз выслушав его подробное описание, он, наконец, отпустил юношу, пробормотав напоследок что-то вроде того, что, мол, возможно, это было не простое видение, а послание богов.

И вот сейчас княжич в составе основных сил полуденного войска двигался через Буковые холмы к излучине небольшой реки. Той самой, на которой они расстались с Шебаршей несколько дней назад. Возгрец рассказывал Олегу, что местные жители за буйный нрав называют её Неспанка, или Немига. Всё оттого что она изобилует стремнинами, и когда плывёшь по ней на лодке, нельзя не то что задремать, но даже потерять бдительность хотя бы на один миг. Только зазеваешься или не дай боги приспишь – можешь очнуться уже в воде. Или вовсе не очнуться.

В утренних сумерках рассмотреть хоть что-то расположившееся дальше двух десятков шагов было довольно сложно. Но Олег и так помнил, как выглядит место, к которому они должны были выйти: невысокий, как будто приплюснутый сверху ударом великана холм, опоясанный узкой речной петлёй.

Расширялась она только в одном месте – на плёсе, который лежал к полудню от возвышенности. Туда войско и держало путь.

Сейчас оно двигалось несколькими узкими проходами между холмов, разбившись для скорости на колонны. Чтобы иметь возможность сразу вступить в схватку, вои загодя облачились в боевые доспехи. Поэтому двигались медленно, чтобы раньше времени не запалить коней.

Погрузившись в свои мысли, Олег забыл в очередной раз поддать коленями под бока воронку, чем тот немедленно воспользовался, замедлив шаг.

На что княжич в задумчивости не обратил внимание.

Его нагнали трое гридней из лучшей отцовой дружины, один из которых вполголоса читал вирши:

– Могуч и беспощаден враг
И не достать его в стенах.
Но сталь крепка и стоек дух,
А вои – каждый стоит двух!
Врагам пощады не видать
Глаза их – воронам клевать
Их кости волки разнесут
А стены крепкие – падут!

Это он продекламировал одну из последних песней Баяна, посвящённую как раз нынешней войне.

Что-то в голосе воя показалось Олегу знакомым.

– Как парует, Гундяй! Как парует! – восхитился всё тот же гридень. – Хоть и нам смерть предрекает, но каков словоплёт!

Точно! Это ж те вои, разговор которых княжич подслушал перед сражением под стенами Менска, когда самовольно поехал в чело войска!

– Никак в толк не возьму, Огура, почему тебе так бабские вирши на душу ложатся? – не согласился давешний скептик. – Ты только послушай!

– То не ветры буйные гонят тучу тёмную,

То не вороны чёрные кликают.

А то небо затмили калёными стрелами

Удалые дружины Соколовичей!

Комони копытами – как громами гремят!

– Вот где настоящее мужское словоплетение – продолжил Гундяй после паузы. – Просто и сурово. И без всякого парования!

В ответ Олег услышал скептическое хмыканье Огуры.

– Это, ежели не путаю, твой любимый Пенязич?

– Не путаешь.

Оппонент Гундяя ещё раз саркастически хмыкнул.

– А ты, друже, стоялых медов не желаешь? Ску-усны-ых. В них только один раз хорёк издох.

Тот обиженно засопел.

– Опять ты мне свои меды сватаешь?

Огура торжествующе усмехнулся.

– Как и ты мне! Эту песнь Пенязич про кого сплёл? Уж, не про Святослава ли Грозного?

– А то ты не знаешь. Нет, конечно! Это же про битву на Солёной реке.

– И что же это выходит Гундйя? Как сто зим назад про Святослава Грозного вирши плели Златоглас и Громовой, так спустя век твой Пенязич и продолжает! А то и их слова в свою песнь возьмёт! Лишь бы платили.

Увлёкшись разговором, гридни едва не столкнулись с княжичем. Его воронок попал между их жеребцами – серым и пегим, которые тут же попытались его покусать. Что им, правда, не позволили сделать хозяева.

– Да это же наш храбрый княжич Олег! – воскликнул один из любителей словоплетения – молодой темноволосый гридень с обритым до синевы подбородком, одёргивая за повод своего жеребца. – Я Огура! Слышал небось про меня? Это Гундйя, а тот молчун с нами – Кремень. Ты на него внимания не обращай. – Он указал рукой сначала на высокого худощавого воя с острым носом и пышными светлыми усами, затем на кряжистого здоровяка с маленькой русой бородкой на широком добродушном лице.

Про Огуру юноша действительно слышал. Это был известный в отцовской дружине краснобай и балагур. На которого за его острый язык точило зубы немало народа. Среди них были вои, купцы, посадские и даже князья ближники. Но Святослав его в обиду не давал, поскольку тот был непревзойдённым мастером – ещё почище Шебарши – оскорбительной ругани, которой вражеским дружинникам полагалось обмениваться перед боем. Да и сам себя Огура в обиду бы не дал – при своих небольших габаритах он довольно ловко владел оружием. Кроме того, от него ни на шаг не отходил его неразлучный друг – обладатель сажённого роста и медвежьей силы. Которым, наверное, был тот самый молчаливый Кремень.

– Рассуди ты, княжич – не унимался Огура – Надо в словоплетении вперёд двигаться, или лучше на месте стоять, как камень мхом зарастать?

Олег задумался. Этим искусством он особо не увлекался. Его больше занимало воинское мастерство.

– В виршах не разбираюсь – ответил он честно. – Но думаю, что во всяком деле надо к новому стремиться. А будешь на месте сидеть – другие обскачат.

Огура торжествующе хлопнул Гундья по плечу.

– Ну, что я говорил, старая сопелка, хорька тебе в глотку! Княжич совсем молодой ещё, а уже в корень смотрит. А тебя хоть ослопом по тылке твоей пустой лупи. – Огура весело расхохотался.

Гундйя в ответ только махнул на балагура рукой и предложил юноше ехать рядом с ними. Так, мол, веселей.

Олег не отказался. Оно и вправду оказалось куда как интересней. Гундйя с Огурой беспрерывно обменивались колкостями, а Колюта от их перепалок добродушно фыркал в усы. Княжич же едва сдерживал смех.

На реку они выбрались неожиданно для себя. Просто вместо тонкого снежного наста под копытами коней захрустело ледяное крошево. На речной глади несколько колонн, на которые разделилось войско, стали сливаться в одну.

Утренние сумерки рассеялись, и окрестности постепенно начали заливать мягкие лучи рассветного солнца. Впереди замаячил склон невысокого холма. Его вершина так густо заросла буком, что напоминала спину гигантского ежа. За которую, описывая крутую петлю, ныряла Неспанка. Там – за её поворотом – насколько помнил княжич – лежал тот самый плёс, к которому они держали путь.

Передовой отряд, с которым был новый слуга княжича, выехал на излучину. Туда же неотвратимо приближалась голова войсковой колонны, в составе которой ехал Олег со своими новыми знакомцами.

Когда до поворота оставались считанные шаги, кмети вместе с Возгрецом неожиданно вынеслись обратно. Они что есть силы нахлестывали коней и испуганно оглядывались назад.

– Рыжий волк! – крикнул их полусотник.

У Олега ёкнуло сердце.

Юноша ожидал, что это произойдёт гораздо позже.

Сейчас, прежде чем столкнутся с противником, войску следовало остановиться и провести разведку. Даже странно было, что её до сих пор никто не организовал – по всем канонам, впереди войска должен был следовать по крайней мере один малый отряд, который загодя уведомил бы об опасности.

Сотники принялись громогласно раздавать команды. Однако поворачивать вспять было уже поздно. Войско набрало ход и не могло быстро остановиться, поэтому через несколько мгновений, не смотря на все попытки застопорить движение, его голова всё равно вывалилась за поворот.

Княжич обомлел.

Сурово!

Перед ними стояло всё Всеславово войско. Его дружины полностью перекрыли речное русло – от края до края – заполнив собой весь полуночный берег плёса.

Они стояли там, где, по задумке Шебарши, должны были выстроиться полуденные дружины. Над стройными рядами воев качались несколько десятков знамён. В основном сине-циановых цветов. На глаз там было с тысячу гридней и несколько сотен кметей.

Солидное войско.

Не меньше – а то и больше, чем у Соколовичей!

Перед строем полочан лежали два десятка тел побитых воев в лёгких кожаных доспехах, густо истыканных стрелами.

Значит, воеводы всё-таки организовали разведку. Только полочане заманили её в засаду, перебив всех до единого.

Сейчас что-то будет – подумал Олег. По всем заветам великих Атиллы и Боромира сейчас Всеславу надо было, не теряя времени, навалиться на полуденные дружины, пока они не могли развернуться в узком речном русле. Давить их, гнать и рубить, не давая опомниться. И тогда победа ему гарантирована.

Однако этого не происходило. Полочане всё так же недвижно стояли на льду, словно приглашая противника выйти из теснины на плёс и выстроиться на свободном пространстве перед их рядами.

Возможно, Всеслав не хотел «нечестной» битвы и великодушно давал Соколовичам равные шансы. А скорее просто собирался разгромить их войско целиком, чтобы потом спокойно заняться Менском, и не гоняться за остатками полуденных дружин по холмам.

Благородно!

Как бы то ни было, шансом нужно было воспользоваться.

Что не преминули сделать воеводы. Над войском разнёсся протяжный сигнал, призывающий строиться к битве. Туда-сюда засновали гонцы.

Полуденное войско спешно выдвигалось из узины. Дружины занимали отведённые им места.

Олег решил остаться с Огурой, Гундьяем и Кремнем.

И тут же пожалел об этом – они были гриднями лучшей отцовой дружины, которую Великий князь решил поставить в резерве.

Это означало что княжич не примет участия в первом столкновении. Однако поразмыслив, он решил, что это не так уж и плохо – наверняка в самом начале битвы схлестнутся опытные вои, в прямом поединке с которыми ему пока было не тягаться. А вот бесславно погиб-

нуть – как нечего делать. Резерв же пускают в дело в решающий момент. И тогда-то снискать славу – гораздо легче.

– Хорька мне в глотку! Всеслав всё княжество своё собрал! – присвистнул рядом Огура. – Роговолд, Военег, Мороз, Кручина, Вепрь, Снежана со своей лютвой. Ого! Он и сёлов сюда привёл!

– Где? – восторженно воскликнул княжич.

Про сёлов юноша был наслышан. Это маленькое племя обитало в низовьях Закатной Двины. Согласно легенде, происходило оно от самих великих готов. Якобы, когда могучий Боромир разгромил их державу на Славутиче, малая часть этого народа бежала не в варварские земли, а в Варяжское Поморье. Правда тогда самих варягов ещё и в помине не было, и оно, видимо, называлось как-то по-другому. Правда ли так оно и было на самом деле – неизвестно, но сёлы и вправду отличались воинственностью, что периодически доказывали, совершая успешные набеги на более многочисленных, но не таких боевитых соседей. Это продолжалось до тех пор, пока окрестные народы не объединились против сёлов, чтобы отучить их быть такими воинственными. Всё едва не закончилось печально. И без того небольшое племя под натиском многократно превосходящих соседей едва не сократило свою численность до полного исчезновения. Последние его остатки собрались в сильной крепости Кукейнос. И отбивались несколько лет. Но все бы перемёрли с голоду, если бы не Всеслав. У которого они попросили помощи, пообещав за это перейти под его руку. Тот не отказал. Все дикари были разбиты, и народ сёлов, сократившийся до размеров одного небольшого отряда, состоящего, правда, сплошь из умелых и яростных бойцов, с тех пор служил ему верой и правдой, сберегая торговый путь через Закатную Двину. А Кукейнос стал для полочан хорошей опорной базой в Варяжском Поморье.

– Во-он, смотри! – Огура указал рукой налево. – Видишь двуххвостый сине-бирюзовый стяг с замком? ЗамОк – это герб их вождя – могучего Колывана. Его ещё называют замковым витязем.

– А отчего у него прапор двуххвостый, коли он простой витязь? – возмутился Гундяй. – Хватило бы и одного. Велик властитель – над одной крепостью и малым отрядом!

Княжич про себя согласился с его доводом.

– Ты всё завидуешь, хорёк старый? – усмехнулся Огура. – Малый не малый, а сёлы – народ, и их вождю два хвоста полагается. Меня тут другое смущает. Я не вижу стяга княжича Волха!

Олега его отсутствие наоборот, ничуть не смутило. Согласно плану, того и не должно было здесь быть. Ну да об этом знали только посвящённые, к числу которых гридень, безусловно, не принадлежал.

– Неважно! – неожиданно впервые за всё время подал голос Кремень. – Есть он тут, нет – всё одно мы этих полочан по льду размажем.

Огура и Гундяй ненадолго ошарашены. Их приятель видимо не так уж часто радовал друзей своими высказываниями. Оба они открыли рты, чтобы соответствующим образом отреагировать, но им этого не позволил сделать тягучий звук боевого рога, возвещающий, что сейчас начнётся битва.

Переговорщиков Соколовичи высылать не стали. И так ясно было, что миром дело не закончится. Вместо этого из раздавшихся рядов полуденного войска вперёд выехал Дубыня. Он восседал на могучем жеребце игреневой масти. Воронёные доспехи отблескивали в лучах солнца синевой. На плече витязь держал здоровенный боевой молот, толщиной древка больше напоминающий тележную ось. Это оружие богатырь, видимо, полюбил после менской битвы. И без того устрашающий для врага облик дополнял переломанный нос красно-багрового оттенка.

Дубыня хриплым басом проорал в сторону полочан вызов на поединок их лучшему вою, не забыв сопроводить его несколькими оскорблениями. Ясно было, что он хочет снова сразиться с Дунаем, дабы отомстить тому за недавнее купание в овраге.

Однако тот не спешил выезжать из рядов. Должно быть – хорошо помнил тяжесть ударов полуденного витязя и не горел желанием испытать их на себе вновь. Более того, Олег не видел даже его стяга!

Вместо него вызов принял Колыван. У него в руках была здоровенная булава. Два могучих всадника съехались на неширокой полоске голого льда между построившимися армиями, и сразу же, без пауз и обязательной в таких случаях брани, обрушили друг на друга своё оружие.

Окрест, рождая эхо, разнёсся гулкий звон, который издают при соударении тяжёлые металлические предметы.

Затем ещё и ещё, и ещё...

И так без перерыва.

Разглядеть бой в подробностях Олегу было мудрено из-за нескольких рядов воев, отделяющих его от места схватки. Юноша волей неволей вспомнил удобный наблюдательный пункт, с которого следил за сражением под стенами Менска. Но тут же отогнал от себя глупые мысли. Тогда его не допустили к сече, словно отрока. А сейчас хоть и плохо видно, зато он – полноценный вой – равный среди равных.

Тем более суть происходящего вскоре стала понятна. Замковый витязь, похоже, тоже оказался не в состоянии долго противостоять неодолимой силе полуденного богатыря. Он с трудом отражал удары, при этом изрядно пошатываясь, и медленно, но неотвратимо пятился к полочанскому длиннику.

Пока, наконец, не достиг его. Грядни расступились, давая ему пройти, после чего сомкнулись, преградив путь Дубыне. Тот яростно взревел, собираясь, наверное, в одиночку бросить вызов целому войску. Поединок закончился его бесспорной победой, но жажды боя он, судя по всему, не утолил.

Полочане подались навстречу богатырю, охватывая с двух сторон, явно намереваясь захватить его в плен. Боевой молот описал широкую дугу, размозжив головы двум особо ретивым грядням и сломав шею коню. Остальные были вынуждены отпрянуть.

У витязя появилась возможность для отступления. Но он ей не воспользовался. Наоборот – сам врзался во вражеские ряды, круша всех подряд налево и направо.

Со стороны противника долетел яростный вопль. Войско Всеслава пришло в движение, устремившись в атаку сразу по всему длиннику. Кроме того участка в центре, где стоял неодолимый Дубыня.

По рядам полуденных дружин разнеслась короткая команда.

Вои передовых отрядов одновременно прищипорили коней, стараясь разогнать их как можно сильнее, чтобы погасить порыв полочан ответным ударом. Правда, особо разбежаться всё равно не получилось – не хватило пространства.

Две конные лавины столкнулись с оглушительным лязгом. Яростный бой закипел по всей ширине замёрзшего плёса.

Олег всё время привставал на стремях и старательно вытягивал шею. Но всё было тщетно – с места, где он стоял, решительно невозможно было разглядеть, что происходит в этой сутолоке. Приходилось довольствоваться комментариями Огуры – тот был не многим выше княжича, зато его серый жеребец превосходил воронку в холке почти на три пяди. Правда, шум битвы почти всё заглушал, поэтому чтобы расслышать, что там говорит его новый знакомец, юноше приходилось изрядно напрягать слух. Впрочем, он у него был тренированный – не зря Колота в своё время учил Олега вычленять из какофонии звуков только самое нужное.

– На левом крыле «книжника» теснят! – «обрадовал» гридень по прошествии четверти часа.

Так, равно как и «вороном» в войске за глаза называли младшего из трёх Соколовичей. Хотя при всей своей любви к письменной премудрости Всеволод, в отличие от старших братьев, предпочитал сам водить свою дружину в бой. Впрочем, если бы его и в глаза назвали одним из прозвищ, он бы не обиделся. Не понял бы на что.

– Кто там у полочан стоит? – озаботился юноша.

Гундяй удивлённо хмыкнул.

– Ты что, княжич? – сказал он – сине-циановый стяг с двусторонней секирой. – Это ж Военег – первый Всеславов полководец.

Олег был настолько захвачен происходящим, что даже забыл упрекнуть себя в невнимательности.

У-у-ум-м-м!

Над излучиной Неспанки разнёсся короткий сигнал. Слышно было, как после него с места стронулась часть резерва.

– Лепо! – через короткое время успокоил Огура. – Всеволода варяги Шигоны подкрепили.

Княжич выдохнул. Хвала богам!

Однако долго пребывать в успокоении не получилось.

– В центре ломают! – крикнул Огура через короткое время. – Вышата отходит.

У юноши снова ёкнуло в груди.

– Вот тебе и раз – ахнул Гундяй – Неужто стоптали Дубыню?

Думать о том, что необоримый витязь мог пасть, не хотелось, и Олег отогнал от себя эти мысли.

Да и заминка к счастью продолжалась недолго.

У-у-ум-м-м! – разнёсся новый сигнал.

Где-то слева и спереди пришли в движение конные массы, что можно было понять и без подсказки – только по звукам. Это младшая дружина его отца – там стояла именно она, двинулась к месту боя.

– Славно! – спустя короткое время крикнул Огура – молодые полочан попятити!

Славно-то славно, только княжич вдруг понял, что лучшая отцова дружина, среди воев которой он сейчас стоял, не считая малой группы ближников Святослава и великого князя, осталась последним резервом Соколовичей в битве. Которая, к слову, ещё только началась.

И неизвестно, какие ещё сюрпризы приберёт рыжий волк.

Это было как-то... беспокойно?

Нет – сурово!

Тем не менее, равновесие в битве держалось довольно долго.

Во всяком случае, так показалось Олегу. Всё-таки сердцу, чтобы сделать несколько тысяч тревожных ударов, требуется не так уж мало времени.

По рядам воев неожиданно разнёсся воодушевлённый ропот.

Рядом в седле нетерпеливо заёрзал Огура.

– Наш Жеребец-то, похоже, теснит Роговолда! А говорят ещё, один битый двух небитых побьёт!

– А я другое слышал – тут же парировал Гундяй. – Один раз побитый и в другаядь побьёт!

Всё это время оба друга, не говоря уже про совершенно каменного Кремня, оставались подчёркнуто спокойны и невозмутимы.

Олег, который с начала сечи уже весь издёргался, не без оснований полагал, что это напускное.

Его предположение вскоре подтвердилось.

Огура едва не встал на стременах.

– Давай, Большой меч! Руби их в песи! Порви кожана, хорька ему в дупу! – заорал он во всё горло.

Под кожаном, он, безо всякого сомнения, имел в виду Всеславого первенца.

– Давай Жеребец! – неожиданно громогласно поддержал его Гундйй. – Круши волчье семя! Докажи что у тебя не только уд большой!

Вои вокруг двух крикунов глумливо оскалились. Что-что, а уж раззадорить своими подначками два приятеля могли кого угодно. Их брань тут же подержали ещё несколько голосов.

Вряд ли Ярополк расслышал их в гуле битвы, тем более что ему было не до этого, но левое крыло вражьего войска он теснил всё более явно. Это уже мог разглядеть и Олег.

– Ломи! Ломи!! Ломи!!! – вразнобой кричали вои.

Княжич без раздумий присоединил к их хору и свой голос.

Крики помогли, или воинское искусство княжича, но вскоре в сплошной стене вражьего длинника появился просвет, через который можно было разглядеть голубоватую гладь замёрзшего речного русла.

– Ударить! Сейчас туда ударить нужно! – прохрипел над ухом княжича склонившийся к нему Гундйй. – И победа у нас в руках!

Олег снова был с ним согласен. Бить свежими силами в место, где во вражьих рядах наметилась слабина, советовали и древние – те же Атилл с Боромиром, и совсем недавно жившие полководцы. Например, его собственный прапрадед Святослав Грозный, который не оставил, правда, после себя стольких наставлений в воинском деле, как эти двое, но авторитет на поле боя имел неоспоримый.

Неужели великий князь со своими воеводами упустит шанс?

Ну же! Ещё немного и будет поздно!

У-у-ум-м-м!

Хриплый рёв боевого рога показался сейчас княжичу прекраснее музыки самых сладкозвучных гудков.

Наконец-то!

Впереди послышался хриплый голос Некрасы. Она отдала несколько отрывистых команд.

Гридни синхронно пришпорили коней и двинулись вперёд. Олег зазевался и его воронка едва не смели более мощные жеребцы воев, стоявших до этого сзади.

Ах да! Тётка же командует лучше отцовой дружиной! Что сегодня твориться с его памятью?

Княжич поспешно сжал бока своего конька и снова занял место между Огурой и Гундйем. В глазах обоих уже поблёскивали искры боевого задора.

Вот он – мелькнуло в голове юноши – мой первый настоящий бой.

И тут же сердце сперва как будто провалилось вниз живота, а потом принялось колотиться где-то под горлом. Мышцы сковало какое-то странное оцепенение.

Нет! Так дело не пойдёт!

Олег вспомнил науку старого Колюты.

Отрешиться от всего происходящего. В первую очередь – забыть о противнике, который ждёт впереди. Представить себя... ну... листом на ветке, которая колышется на ветру.

Несколько раз глубоко вдохнуть и выдохнуть...

Юноша тут же почувствовал, что кровь в его теле заструилась куда спокойнее, а сердце, наконец, уgomонилось. Начало биться неспешными толчками. Из мышц ушла предательская слабость. На смену ей приходила упругая сила, неторопливо наполняющая его конечности, чтобы в нужный момент прорваться стремительным всплеском.

– Мар-р-ра-а-а-а!!!

Полторы сотни глоток разорвали воздух над речной излучиной слаженным боевым кличем. Олег заорал вместе со всеми. Пришпоривая своего воронка, княжич вырвал из петли на поясе и взял его наизготовку боевой топорик-клевец, на который он сменил свой бесполезный укороченный меч.

Боевой клин наконец преодолел расстояние, отделявшее его от дерущихся. И, не снижая скорости, влетел в брешь, пробитую Ярополком в полочанском длиннике. Пытаясь предотвратить прорыв, Всеслав бросил наперерез полуденцам то, что оказалось под рукой – сотню кметей. Судя по рогатым шлемам и ромбовидным щитам, это была недобитая под Менском лютва. Поступок оказался опрометчивым – легкооружных воев гридни дубовой девы будто и не заметили, сметя их одним неотразимым ударом. Особенно яро орудовала мечом сама Некраса. Несколько могучих взмахов её меча снесли с коней не меньше полудюжины противников.

А Олег снова не принял участия в схватке.

Дружина вынеслась на простор – в тыл вражьего войска. Прямо перед ней – в каком-то стрелище – стояла группа в полсотни всадников. Число стягов, которые колыхались над их головами, превышало все пределы, допустимые для обычного воинского отряда. Цианово-синее знамя с тремя стерлядями принадлежало Морозу – набольшему боярину Полочанской земли. Прапор такой же цветовой гаммы с большой выпью – Кручине – второму по влиянию, и первому по богатству человеку в княжестве. Крылатая колесница на бежево-синем фоне была гербом воительницы Снежаны. Ну а самое большое из полотнищ, которое возвышалось над остальными не меньше чем на аршин, где на сине-серебряном фоне лесной волк в прыжке пытался ухватить сокола, прямо свидетельствовало о присутствии князя Всеслава. Это, скорее всего, был последний его резерв – он сам вместе со своими ближниками и их телохранителями. Полонить, истребить или на худой конец рассеять этот отряд означало выиграть битву. А вместе с ней и войну.

Если это в мгновение ока сообразил Олег, то, конечно поняла и его тётка, может быть и не знакомая с заветами древних полководцев так же хорошо, как её племянник, но зато имевшая несравненно больший практический опыт. Она воздела руку с мечом, указывая прямо на стяг Всеслава.

– Возмё-о-ом рыжего волка-а-а! – проорала она охрипшим голосом и ударила под бока своего жеребца. Тот злобно заржал и рванул вперёд.

Вои, не медля не мгновения, последовали примеру своей предводительницы.

Пришпорил своего воронка и Олег. Он давно уже думал над тем как вырваться из толчеи в самой серёдке отряда, где он оказался зажат между Огурой и Гундьяем, чтобы получить возможность всё-таки поучаствовать в сече. Однако пока ничего не получалось.

Меж тем Всеслав, почуяв близость к собственному заду клюва жареного петуха, пустился наутёк. Его отряд начал отступление, больше похожее на бегство.

Полторы сотни глоток издали радостный вопль. Похоже, вместо яростной схватки им предстояла погоня. Занятие менее славное, зато куда более увлекательное.

Держать плотное построение гридням больше не было нужды, и их боевой клин рассыпался, растёкшись по всей ширине речного русла.

Наконец-то! Юноша вырвался на простор. Он тут же попытался обогнать кого-нибудь из скачущих впереди воев, но это оказалось нелёгкой задачей – мах у их лошадей был куда мощней, чем у воронка. А тот и так скакал почти на пределе своих сил – ещё чуть-чуть и засбоит.

Впереди сначала накренилось, а потом начало медленно заваливаться набок цианово-синее знамя с выпью. Похоже, гридни настигли боярина Кручину. Его ближники тут же встали в круг, обороняя хозяина. Чтобы сломить их сопротивление, и при этом не упустить остальных беглецов, преследователям пришлось разделиться. Дубовая дева проорала корот-

кую команду, и от общей группы откололся отряд числом в несколько десятков воев. В полочан полетели копы и сулицы.

– Бить всех, кроме боярина! – сипло рявкнул сивоусый полусотник.

Этого можно было и не делать. Не было в полуденном войске такого человека, который не знал о богатствах Кручины, и не мечтал бы лично взять его в полон.

Остальные продолжили погоню. Впереди всех по-прежнему летела Некраса. А Олега от противников всё ещё отделяло несколько рядов отцовых гридней.

Через короткое время история повторилась. Теперь был настигнут боярин Мороз. Ещё одна команда и лавина преследователей делится на два потока. Один – больший, продолжает гонку вдоль речного русла, второй – меньший, захлёстывает вставших в круг полочан.

Теперь от добрых полутора сотен тяжелооружных воев, начинавших погоню, осталась едва половина. Зато княжич оказался в голове отряда.

Ну, слава богам! Юноша лихо присвистнул и шенкелями погнал воронка вперёд. К радости Олега, его невысокий конёк смог наподдать, и оторвался от своих более рослых собратьев на целый корпус. Наверное, потому что они несли на себе зрелых мужей, облачённых в полный доспех, а на княжиче была только лёгкая кожа с набитыми на неё пластинами из коровьих копыт.

Впереди юноши теперь была только его тётка. Но с её серебристым аргамаком мог посоперничать мало какой скакун.

До ближайшего полочанина оставалось всего ничего. Это был пожилой кряжистый вой, с седыми прядями в косматой гриве, которую яростно трепал встречный ветер. Олег вырвал короткий дротик из чехла, притороченного к седлу перед самой конской шеей, и, почти не целясь, метнул его в спину полочанину. Обычай именно так носить сулицы полуденные вои подглядели у местных. И многие, в том числе и падкий до всего нового княжич, тут же начали его перенимать.

К его досаде, бросок цели не достиг. Вражий вой боковым зрением успел углядеть позади себя подозрительное шевеление и едва заметным движением развернулся в седле, подставив под летящую снасть короткий круглый щит, который до этого укрывал под плащом. Дротик скользнул по нему и ушёл в сторону.

Тем не менее, для полочанина это были последние мгновения жизни. Воспользовавшись тем, что он отвлёкся на Олега, Некраса бросила своего жеребца в его сторону, вскинула меч в могучем замахе и обрушила клинок на неприкрытый затылок.

Княжичу пришлось осадить воронка, чтобы тот не споткнулся о падающее тело. Воспользовавшись этой заминкой, его снова нагнали Огура и Гундяй. Порыв пропал даром – его первого врага опять убил кто-то другой.

Чем же он нагрешил перед богами, что они раз за разом отнимают у него эту радость?!

Тётке же её поступок стоил потери места в голове отряда – гридни обтекли свою предводительницу с двух сторон, и ей пришлось пристраиваться в хвосте.

За очередным поворотом речного русла открылся отвесный уступ, деливший Неспанку на два рукава. Один – поуже, нырял между обрывистых берегов. Второй – пошире, обтекал возвышенность стороной.

Олег помнил это место и поэтому затаил дыхание. Куда повернут полочане?

А они неожиданно разделились. Десяток воев вместе с воительницей Снежаной свернули на широкий рукав. Остальные – хвала богам! – пошли по узкому! По всей видимости, рыжий волк хотел ещё сильнее раздробить силы своих преследователей. Однако Некраса, посчитав жену Всеслава недостойной целью для преследования, больше не стала делить свой отряд.

И правильно – пытаться захватить всех, кого только можно, сейчас было ни к чему. Наоборот – распыление сил могло помешать главной цели – взять самого полочанского князя

и закончить войну. И, похоже, сейчас полуденное войско оказалось ближе к её достижению, чем когда-либо.

Погоня завершилась неожиданно быстро. Гладкая матово сверкающая дорога вдруг закончилась, упёршись в обрывистый берег – в этом месте Неспанка ещё не до конца проточила себе новый путь через земляную толщу. Всеславу её «нерадивость» сослужила дурную службу. Он оказался в тупике. У него оставался только один выход – сложить оружие. Потому что двум дюжинам воев князя, пусть даже и матёрым ближникам, было никак не устоять против добрых восьми десятков гридней. Которые, между прочим, тоже не вчера родились.

Однако Всеслав рассудил иначе. Полочане безо всякой команды развернулись и налетели на своих преследователей.

Правда, коней для хорошего встречного удара они разогнать не успели – их скакуны устали от недолгой, но яростной гонки, да и от преследователей их отделяло слишком уж малое расстояние. Тем не менее, это был неожиданный ход – первые ряды полуденной дружины смешались.

Слева от Олега – в зазор между Огурой и Кремнем влетел здоровущий вой, размахивающий сразу двумя топорами. Быстро разделаться с ним у приятелей не получилось, а едва они ввязались в обмен ударами, как на них налетели ещё двое, и теперь им самим пришлось отбиваться.

Впрочем, княжичу скоро стало не до них – на него самого наехал полочанин, решивший видимо, что этот отрок – слабое звено во вражьем строю. Он позволил юноше первому нанести удар, довольно легко увернулся от его клевца, после чего обрушил на него свою секиру.

Прикрыться щитом юноша не успевал – его он не предусмотрительно оставил висеть за спиной.

Блестящее лезвие летело прямо в лицо.

Похоже, это всё... – первого убитого врага не будет.

И ничего другого тоже уже не будет...

Однако вместо ожидаемого смертельного удара Олег почувствовал только сильный тычок по шлему, от которого полумаска, по забывчивости или скорее благодаря волнению, вовремя не опущенная на лицо, повернулась в пазах и сама упала на положенное место.

Это на помощь княжичу пришёл Гундяй, подставивший под удар полочанина свой щит. Который и толкнул юношу в лоб. А пока он приходил в себя, любитель старинного слога рубился с его противником.

Замешательство продлилось недолго. Напор полочан не мог заменить им численного превосходства. Особенно учитывая, что противник ничуть не уступал им в воинском мастерстве. Несколько отрывистых команд Некрасы, сопровождаемых живописными выражениями, заставили воев прийти в чувство. Сковав противника в центре, гридни обтекли его с флангов и обрушились на ближников Всеслава с трёх сторон. И почти сразу прижали тех к склону, не оставив никакой свободы манёвра.

Вот тут-то полочанам пришлось туго. Очень быстро их число сократилось наполовину. Причём полуденные вои заплатили за это вдвое меньшую цену. Зная рыжего волка сначала накренилось, а потом под аккомпанемент радостных воплей вовсе рухнуло на лёд.

А Олег опять не мог принять участия в схватке! Его оттеснили сначала во второй, а потом и в третий ряд. Он вернул бесполезную сейчас личину в исходное положение.

– Эй, волк! – Сдавайся! – хрипло проорала Некраса, привычно перекрыв своим пронзительным дискантом шум схватки. – Тебе не вырваться!

Ответа не последовало. Вместо этого полочане ещё теснее сплотили свои ряды. Они были все облачены в одинаковые доспехи и плащи, так что даже нельзя было сразу понять, кто из них князь.

– Ты выбрал сам! – рявкнула дубовая дева. – Лучники! – наизготовку!

Олег спохватился. Ему снова выпадал шанс наконец-то открыть счёт убитым врагам.

Он развернул воронка и, лавируя между гриднями, вырвался из толчеи на относительный простор позади отряда.

Там уже собралось полтора десятка воев, приводящих луки в рабочее состояние.

Княжич торопливо соскочил с седла, сорвал со своей дальнобойной снасти походную тетиву и достал из перемётной сумы боевую. Плечи лука с готовностью разъехались в разные стороны.

Надо было торопиться. Юноша торопливо продел петлю в прорезь и всем телом навалился на верхнее плечо. С большой натугой оно опустилось на нужное расстояние, и он смог продеть за подзор вторую петлю.

Натянутая жила загудела, словно рассерженный шмель.

Славно!

Олег снова заскочил на воронка, дёрнул из тула бронебойную стрелу и наложил её на тетиву.

Ну, держитесь, мужи рыжего волка!

Юноша принялся выцеливать подходящую жертву. В этот раз он твёрдо намеревался взять первую кровь.

Вот и цель! Старый дружинник, у которого в щите застряло чьё-то короткое копье. Долго держать его в таком положении он не сможет. Надо только выждать мгновение, когда дрогнет рука, и он чуть-чуть опустит свою защитную снасть...

За спиной разнёсся до боли знакомый протяжный волчий вой.

Сначала его затянул один голос, а потом подхватила ещё сотня.

Он звучал торжествующе и, похоже... Олег знал, что это означает.

Поэтому рука дрогнула не у полочанина, а у него. Стрела с басовитым гудением сорвалась с тетивы и ушла мимо цели, бесполезно канув куда-то между вражеских щитов.

Но это уже не имело сейчас большого значения.

Княжич развернул воронка...

На излучину Неспанки выезжали те, кого он хотел увидеть меньше всего.

Кмети княжича Волха. С ним самим во главе.

Всё-таки успели...

Их было сотни две с половиной, не меньше. А где-то в хвосте отряда мелькнуло бежево-синее знамя Снежаны с крылатой колесницей. Она-то их, видимо, сюда и привела.

Сурово!

В других условиях на восемь десятков отцовых тяжелооружных гридней этого было бы маловато. Но не в этом случае.

Некраса, к своей чести, быстро разобралась в ситуации, и, пока вражьи кмети выстраивались на речном льду, выкрикнула несколько отрывистых команд.

Олег развернул воронка, выполняя приказ, хотя мысленно с ним не согласился. Заповеди Атиллы и Боромира однозначно запрещали дробить силы в такой ситуации. То есть сейчас тётке следовало собрать всех воев в кулак и прорываться через ряды волховых кметей стремительным неотразимым ударом. Конечно, предварительно нащупав там слабое место.

Однако уже через мгновение юноша изменил своё мнение. Если сейчас они успеют захватить в полон Всеслава, то его сыну под угрозой убийства отца не останется ничего другого, как только сложить оружие. Поэтому разделение отряда на две части было оправданным.

Одна встречной атакой задерживает волховых кметей, другая – добывает ближников рыжего волка и захватывает его самого.

Олегу выпало быть в первой группе. Он опять замешкался и упустил миг, когда гридни погнали коней в намёт. Его обогнали сразу несколько десятков воев.

Слева и справа от него снова пристроились Огура и Гундйай, которые, похоже, решили взять над ним опеку. Кто-то сзади наподдал его воронку, отчего тот обиженно заржал.

Княжич гневно обернулся и увидел невозмутимое лицо Кремня.

Зажали! Тоже, новые Жирошки выискались!

Проклятие! Теперь он точно никого не убьёт!

Тем временем волховичи обрушили на атакующих тучу стрел. Упиваясь обидой, Олег едва успел вскинуть вверх короткий круглый щит и прикрыть им лицо, на которое он снова забыл опустить личину.

Вз-з-з! Вз-з-з! Вз-з-з!

Чок! Чок!

В сыромятную кожу, набитую на досочную крепь, больно отдавшись в голову и плече, вонзились две стрелы. Третья просвистела мимо и, похоже, запуталась в попоне воронка.

А большую часть оперенных снарядов приняли на свои щиты Гундйай и Огура.

И в этом его опекают!

Но тут княжичу стало не до обид.

Лавина гридней налетела на вражеский строй.

И сходу его пробила. Гридни по бокам от Олега яростно заработали секирами. После одного особо удачного удара чело юноши обдало россыпью кровавых ошмётков.

Пользуясь возможностью, княжич выхватил из чехла второй из своих дротиков и метнул его в перекошенное лицо вражьего кметя, мелькнувшее между плечами его «опекунов».

Оно пронеслось и пропало. Вместе с ним куда-то канул и дротик.

– Хорька те в дупу! – донеслось спереди.

Это Огура не особо удачно принял удар полочанина и его оттеснили в сторону. Прямо на Олега тут же вынесся вражий кметь. В руке у него было короткое копьё, а на лице – жажда крови.

Ну, наконец-то!

Тело Олега снова само вспомнило всё, что в него вбивали долгие годы. Хребет напряжился, готовясь отклониться вправо. Левая рука повернула короткий круглый щит под острым углом к атакующему, готовясь принять его копьё скользом, чтобы оно без сопротивления пролетело дальше и повело за собой хозяина. А правая сжала рукоять клевца, готовясь нанести смертельный удар под ключицу, которая сейчас должна была приоткрыться.

Однако эти усилия снова пошли коню по хвост. Княжич даже не успел до конца повернуть руку для доброго удара, как полочанин вылетел из седла, словно сметенный ураганом. Его вынесло оттуда копьё, которое из-за плеча юноши метнул невозмутимый Кремень.

Да что же это такое! От досады Олег едва не проклял богов, которые свели его с этой троицей.

Тем временем Огура снова занял своё «место» слева от юноши.

А вражьи ряды неожиданно кончились!

Они прорвались!

Несколько десятков глоток огласили окрестности победным воплем. И замедлили бег коней.

Рано...

Что это? Прямо перед ними стоял новый отряд. Не меньше чем в сотню гридней в полном боевом облачении. Над рядами которых развивался цианово-синий стяг с печальным витязем.

Дунай! Это его вои! Откуда он здесь?

Прямо перед строем полочан на мышастом жеребце гарцевал всадник в синем мятеле с длинными огненно-рыжими волосами.

Под подковой усов сверкала торжествующая хищная улыбка.

Олег опешил. Да и, наверное, не он один.

Всеслав?

А кто же тогда там, в речном тупике?

Он их обманул!

Значит это всё – и прорыв, и погоня, было подстроено?

Но это же бесчестно! Полководец всегда должен быть там, где его знамя! Это непреложное правило! Тот, кто ему не следует, не достоин называться не только князем, но даже просто честным воем!

В этот момент княжич почему-то обратил внимание на небо. В десятке саженей прямо над головой полочанского князя парил здоровенный чёрный ворон.

Странно. Обычно эти птицы не летают в одиночку. Да ещё и посреди такого скопления людей. Как правило, они «скромно» пережидают сечу в сторонке, выжидая, когда придёт их черёд.

Не иначе как колдовство!

Олег снова опустил взор на полочанского князя.

Должно быть – рыжий волк и наворожил!

А тот вдруг поднял над головой полутораручный меч-бастард и резко выбросил его вперёд, указывая остриём на противника.

Это было сигналом к атаке.

Даже не предложил попавшим в ловушку полуденцам сдаться, что он должен был сделать по всем правилам!

Ой, как сурово-то!

– Ах ты волчий хвост драный! – выругался рядом Огура. – Чтобы тебе медов стоялых с хорьками упиться!

– Тихо ты – осадил его Гундяй. – Сейчас мы их сами, похоже, упьёмся. По самый ободок.

– Опять гундишь, старая сопелка? – подзадорил друга неугомонный балагур. – Ништо, ещё потопчем старые стёжки...

Тут их захлестнула настоящая лавина.

Яростный бой закипел одновременно и спереди, и сзади, и со всех сторон. Да такой, какого Олег ещё никогда не видывал. И не слыхивал. От грохота юноша буквально оглох. Со всех сторон мелькали проблески взлетающих мечей, секир, копий и ослопов, со звоном соударяющихся друг с другом, отскакивающих от щитов, или же вгрызающихся в плоть. Этот невыносимый шум сопровождался лошадиным ржанием и криками людей. Кричали одновременно от всего. От боли, от ярости, от удали, от дикой жажды убийства, которая порой охватывает воев в пылу сечи.

Тем не менее, время от времени отчётливо было слышно голос Некрасы, которая, перебивая битву, вызывала рыжего волка на честный поединок. Не забывая при этом сопровождать его имя красочными эпитетами.

Но он, судя по всему, не собирался принимать вызов.

Трое гридней, окруживших Олега, бились так, что он впервые похвалил себя за то, что связался с ними. Причём они не просто отбивались, а явно двигались в сторону склона. Видимо, чтобы прикрыть им спину.

Княжич лихорадочно мотал головой по сторонам, ожидая, что кто-нибудь из его «опекунов» даст слабину и ему всё-таки доведётся вступить в бой. Чего ему, откровенного говоря, уже не очень-то и хотелось.

А хотелось, в чём он, наверное, не сознался бы даже сам себе, каким-нибудь волшебным образом перенестись отсюда куда-нибудь подальше. Например, в такой безопасный Минск. Или ещё лучше в родной Черноград.

Меж тем, бой, похоже, вступал в решающую стадию. И завершался явно не в пользу полуденных воев.

Через какое-то время Олег понял что, кроме него и троих друзей, вокруг остались одни полочане.

Но эти гридни бились так, что к ним уже мало кто рисковал соваться.

– Ну что, прихвостни рыжей шавки, трусили? – яростно крикнул Огура, сплёвывая на лёд кровь из рассеченной губы.

– Идите, лижите у неё под хвостом! – поддержал его Гундйяй.

Зря они это сделали.

Если до этого полочане возможно могли бы их пощадить за доблесть, то теперь на это вряд ли стоило надеяться.

Гридней захлестнула новая волна врагов. И на этот раз они всё-таки смогли разделить их четвёрку. Кремня с Огурой оттащило в одну сторону, Олега с Гундйем – в другую.

На княжича обрушилось несколько ударов. С огромным трудом он отразил часть из них щитом, часть – рукоятью клева. Один отбить не удалось, и вражеский меч обрушился на его шлем.

К счастью он прошёл скользом, съехав по покатоному боку.

– За спину! – гаркнул ему Гундйяй.

Несколькими взмахами своего ослопа на длинной ручке он отвлёк внимание на себя, чтобы Олег мог выполнить его приказ.

Что тот и сделал. А он мог поступить как-то иначе?

И о чудо! Заведя измученного воронка за спину ворчливому гридню, княжич увидел, наконец, прямо перед собой склон речного берега!

Прикрытие!

Ну, всё – погибать, так громко! Чтобы все оглохли! Олег снова выдернул лук, приложил к нему стрелу, натянул тетиву до самого уха, и, практически не целясь, отправил её прямо под край шлема ближайшего из противников Гундйя.

Стрела вонзилась ему точно в лицо!

Даже не крикнув, полочанин завалился на спину и мешком рухнул с коня.

Слава богам! Первый мёртвый вражий вой! Теперь руки юноши не останавливались, одну за другой посылая стрелы в окружавших его напарника полочан. Некоторые попадали, некоторые пролетали мимо, но это было уже не столь важно. Он – настоящий вой, убивающий врагов!

Почувяв что давление на него ослабло, Гундйяй улучшил момент и обернулся, для того чтобы поднять руку в воинском приветствии.

– Славно, княжич! – крикнул он Олегу. – Так их!

Рано он обрадовался.

Прямо перед ним показался тот, чьего вмешательства оба напарника хотели меньше всего. Сам печальный витязь.

Так вот он какой – Дунай – живая легенда правдивых земель! Его лицо напоминало неокатанный валун, черты на котором были грубо вырублены каменотёсом. Причём оно почти сливалось с доспехом, поскольку было примерно такого же цвета. Выделялись только огромные прозрачные глаза, в глубине которых сидела затаённая печаль, и толстенные седые усы.

Не человек – скала!

Насколько же велик Дубыня, если он едва его не одолел?

Ф-ф-ф-ух-х-х!

Пока Олег рассуждал, легендарный витязь, не говоря ни слова, обрушил на гридня свою громадную боевую секиру.

Она рассекла воздух с такой скоростью, что Олег даже не успел разглядеть, куда тот направил удар.

Бедный Гундйяй! – успел подумать княжич. – От такого удара ему точно не уйти.

Он ошибся. Или недооценил воя лучшей отцовской дружины. У которого на шейном монисте висели большой и два малых шеляга. Тот не только ушёл от удара, заставив своего серого жеребца отскочить в сторону, но и смог ударить в ответ. Правда, его ослеп Дунай без труда отбил щитом.

Затем удары посыпались один за другим. Гундйяй буквально плясал на своём пегом жеребце, раз за разом уходя от верной гибели.

Пространство за спиной Дуная опустело. Остальные полочане, не сомневаясь в исходе, решили не мешать поединку.

Княжич же их уверенности не разделял и не собирался просто так дать погибнуть новообретённому товарищу по оружию.

Бронебойные стрелы с острыми гранёными наконечниками как назло закончились. Остались одни срезни, которые годились только для охоты или на отстрел глупых ополченцев. Ничего! С такого расстояния и они сгодятся!

Олег прицелился и спустил тетиву. Широкий месяцевидный наконечник ударил точно в грудь витязя и отскочил от нашитых на кольчугу стальных пластин. Дунай же этого словно и не заметил.

Меж тем его секира прошла по такой дуге, что Гундйяй в этот раз не успел ни отскочить, ни уклониться. Его щит разлетелся на несколько кусков. Левая рука повисла безжизненной плетью.

Лицо же открыто! Почему в него не выстрелил? Эх, недотёпа! Кляня себя за недогадливость, княжич со всей возможной скоростью прицелился и послал стрелу точно в могучую переносицу.

Дзан-н-н!

Витязь каким-то неведомым образом успел наклониться, подставив под стрелу вместо своего чела сталь шелома. О который та с треском переломилась.

Как же так? Он что, не человек?

Меж тем секира Дуная снова обрушилась на Гундйяя.

Гридень подставил под неё свой ослеп.

Зря.

Удар был такой силы, что оружие вылетело из его руки.

Это был конец.

Олег до предела натянул тетиву, снова выцеливая лицо витязя.

Его неожиданно закрыла мелькнувшая тень. Это гридень, видимо поняв, что терять уже нечего, выхватил из-за голенища нож, встал на седло и прыгнул на Дуная, до предела сокращая дистанцию. Его левая рука вцепилась в конскую гриву. Что делала правая увидеть не удалось.

А пальцы княжича уже отпустили конскую жилу. Стрела упорхнула в посланное место.

Прямоком в шею гридню, который только что спас ему жизнь.

Спина воя вздрогнула.

Гундйяй начал заваливаться навзничь.

Дунай оторвал от себя его руки и отшвырнул безжизненное тело.

Прямо под ноги Олегову коню.

– Вороны склюют... – успел расслышать княжич его предсмертный хрип. – Прав виршеплёт...

Вот так. Даже отправляясь навстречу богам, он не забыл про любимое увлечение.

Олега охватило чёрное отчаяние. Он выхватил из тула последний срезень и снова послал её точно в лицо печальному витязю.

В этот раз тот подставил щит.

Вот это реакция! Такого не бывает! Невозможно отбить стрелу, посланную с полутора саженьей!

И, тем не менее, так оно и было. Более того, Дунай, похоже, решил разделаться с досаждавшим ему отроком. Его конь сделал скачок в сторону Олега. В руке витязя сверкнула секира.

Вот теперь точно конец! Безо всяких шансов!

Что ж, сыну Святослава не пристало смиренно встречать свою смерть. Если погибнуть – то сражаясь!

Княжич отбросил лук, снова подхватил клевец и пришпорил воронка.

Тот сорвался с места. Но тут же споткнулся о тело Гундяя и припал на передние ноги...

Вот она, смерть...

У-у-уту-у-у!!!

Над рекой разнёсся до боли знакомый сигнал боевого рога.

Какой прекрасный звук! Но как поздно!

Уда-а-ар!

Прощай, жизнь! Здравствуйте, прашуры!

Лоб и почему-то горло пронзила острая боль. В глазах померкло.

Но не более того!

Так он мёртв или жив!

Жив!

Только на голове нет шлема. И дико болит горло.

Зрение восстановилось, и Олег осмотрелся.

Похоже, Гундйй даже мёртвый спас ему жизнь.

Нанося смертельный удар, Дунай обернулся на сигнал рога и не видел того, что его воронка споткнулся. Удар витязя был рассчитан на определённую высоту. Поэтому секира прошла выше, просто сорвав с головы княжича шлем.

Жить ему оставалось всего несколько мгновений. Ровно до того момента, пока Дунай не повернёт голову обратно.

Может быть, поэтому именно в эти секунды у него резко обострились все чувства. Особенно зрение.

И Олег разглядел в доспехах витязя слабое место.

Между грудью и животом. Куда попала первая его стрела.

Она, возможно, ослабила крепление одной из пластин. А потом туда ударил ножом Гундйй. После чего пластина слетела.

Теперь в кольчуге зияла изрядная прореха. Куда можно было изловчиться нанести удар.

Клевец всё ещё висел у юноши на руке на ремненной петле.

Дунай начал поворачивать могучую шею.

Княжич что есть сил сжал в руке древко маленького топорика.

Взмах.

Витязь обернулся.

Удар!

В прозрачных глазах Дуная мелькнуло удивление... сменившееся болью.

Могучее тело богатыря сложилось пополам. Покачнулось. После чего с оглушительным лязгом рухнуло с коня.

У-у-уту-у-у-у!!!

На княжича нахлынуло какое-то опустошение.

Не в силах ещё осознать, ЧТО он только что совершил, Олег поднял голову и наконец-то посмотрел на реку.

По льду Неспанки неслись свежие вои. Тяжелооружные. Много. Не меньше двух сотен.

Над ними трепыхался два стяга. Под однохвостым чёрно-оранжевым знаменем, на котором было вышито огненное колесо, мчался незнакомый Олегу голубоглазый витязь. Слева от него летел вой, которого княжич наоборот, знал очень хорошо.

Потык! Это ему принадлежал второй прапорец – красно-голубое полотнище с разорванной цепью.

А рядом с ними скакал тот, чьей волей Олег и оказался здесь.

И кого он сейчас был рад видеть больше всех на свете.

Шебарша!

Похоже его план всё-таки осуществился.

Это была победа.

Но ликовать по этому поводу юноша уже не мог.

Просто не получалось.

– Вот это да! – раздался рядом знакомый голос. – Княжич, живой! Я уж думал, Гундйя тебя не уберёт!

Огура был обильно заляпан кровью. Видимо, большей частью чужой, а не своей. На месте правого уха у него торчал алый ошмёток.

Но его это, похоже, ничуть не заботило.

– Вот это зверя наш Олег завалил! – присвистнул гридень. – Самого Дуная! Расскажи кому – не поверят.

– Поверят – неожиданно прозвучал с другой стороны хриплый бас.

Олег обернулся. Немногословный Кремень был покрыт кровью вообще с ног до головы. Вместе с конём.

– Гундйя погиб – выдавил из себя Олег. – Из-за меня...

Лица воев помрачнели.

Но ненадолго.

– Да чего его жалеть, старую сопелку! – утешил Огура. – Небось, сейчас там, в вирии прашурам уже врёт про свои подвиги! Главное победа!

Олег улыбнулся. Тиски, сдавившие его грудь, начали ослабевать.

Мимо них проносилась стальная лавина.

Сражение ещё продолжалось. Но уже без их участия.

Да оно и не требовалось.

Глава 2

«Меньшее из зол»

Конец зимы. Пустые холмы

Да-а-а, земляной змей – если и бывают победы, которыми могут гордиться их творцы, то та сеча на Неспанке была явно не из таких. Её скорее можно было назвать битвой упущенных возможностей. Если под Менском они с братом ни на один миг – не считая глупой выходки набольшего боярина – не выпускали нити сражения из своих рук, то на этой забытой богами речушке всё с самого начала пошло наперекосяк.

План, придуманный Пустельгой, сразу показался черноградскому князю авантюрным – слишком много в нём было «если». Если Шебарша без помех доберётся до лагеря неожиданных союзников, миновав все вражьи дозоры. Если те без возражений примут его план. И самое главное – если Всеслав даст его осуществить.

Однако слишком уж в незавидном положении оказалось полуденное войско. Выбраться из него можно было, пожалуй, только бросив недавно захваченный Минск и бесславно убравшись обратно. Да и то – с рыжего волка стало бы повиснуть на хвосте и как следует оттрепать их на дороге. А тут Соколовичам предоставился реальный шанс – не только выбраться из ловушки, в которую превратился город, но и одним махом завершить войну. Упустить такую возможность было бы непростительно.

Послание, которое передал Олег, было писано двумя знаменитыми витязями: Ерусланом, служившим самому светлому князю – владыке Благодатной степи, и Потыка – наследника боярина Шигоны – главы варяжского клана полуденных земель. Они заверяли Соколовичей, что готовы поддержать их силами своего отряда. В котором было добрых четыре сотни тяжелооружных воев.

Как потом выяснилось, эти двое повстречались в степи, на зимней охоте. Поначалу было повздорили из-за добычи и даже затеяли поединок. Но потом помирились и принялись вместе полевать туров. На ловах они оба и узнали о начале войны с Всеславом. Потык сразу загорелся принять в ней участие, а Еруслан решил поддержать новоиспечённого друга. Витязи собрали свои дружины и поспешили по следам ушедшего войска. Уже в дороге их нагнал отряд гридней, посланный самим светлым князем. Тот, как известно, очень щепетильно относился к вопросам чести, и, прослышав про подлый поступок рыжего волка, решил непременно его покарать. А ещё, после недавних событий, почитал себе кем-то вроде верховного арбитра правдивых земель.

Добравшись до полочанских рубежей, и разузнав последние новости, витязи рассудили, что просто так дуром соваться к Менску глупо – надо сперва разведать обстановку, установить связь с Соколовичами и разработать план совместных действий. Однако Волх настолько плотно перекрыл своими разъездами все подступы к городу, что больше седмицы к нему не удавалось пробиться ни одному посланцу. И если бы не безрассудство Олега, в купе с явной благосклонностью богов, то неизвестно – как бы всё повернулось.

Этим поступком младший сын покрыл малую толику неоплатного долга, который висел на нём с того рокового дня...

Перед мысленным взором князя снова из ниоткуда возникло небесной красоты женское лицо с бездонными васильковыми очами...

Ладушка моя... На глаза накатила пелена.

Земляной змей – опять её вспомнил – зарекался же!

Святослав скрипнул зубами и с силой сдвинул коленями бока своего жеребца, едва не передавив тому нутро. Гнедой оскорблённо заржал и взвился на дыбы. Князь чуть не потерял равновесие. Чтобы не грянутся оземь, ему пришлось резко рвануть удила.

Прости, старый друг... Всадник примирительно потрепал скакуна по тёмной холке. Тот несколько раз обиженно всхрапнул. Его бока мелко дрожали.

Приступ смертной тоски по ушедшей жене князь привычно подавил, заместив её злостью на младшего сына. Это в очередной раз сработало.

Надо же! Сколько лет прошло, а всё забыть не получается!

Святослав очнулся от своих дум и огляделся по сторонам. Вои, которые ехали впереди, завидев, что с предводителем что-то не ладно, застопорили ход. На их лицах был написан немой вопрос.

Сзади подъехал Молчан. По его мрачному лику вряд ли можно было что-либо прочесть. Хотя в матовых глубинах глаз витязя трепыхался едва заметный огонёк тревоги.

Какие же они у него прозрачные... Словно падевая роса. Отец всегда говорил, что люди с такими глазами самые опасные. Куда страшнее, чем с черными или даже зелёными. С теми-то сразу всё понятно – урождённые злодеи да колдуны. Либо убить попытаются, либо чары нашьют. А вот что у этих на уме – одни боги знают...

Никогда бы средний Соколович не допустил к себе близко такого человека, если бы не верил ему так, как Молчану. Ну, так и преданность личного телохранителя князя зиждилась на гораздо большем, чем простая верность вассала сюзерену...

В ответ на безмолвный вопрос Святослав едва заметно покачал головой и стронул коня. Мрачный витязь молча последовал его примеру.

Маленький отряд продолжил путь.

Тот пролегал по длинному невысокому взлобку, разделявшему густой хвойный лес и замёрзшее болото. Последнее лежало по правую руку. С его заснеженного полотна изредка доносились негромкие булькающие трели. Это перекликались между собой рябчики, уведомляя друг друга об опасности.

Слева из рощи долетало только едва различимое ухом шелестение сосновых лап, которые безуданно тербил лёгкий ветерок.

Впереди в утренней дымке маячила цепочка приплюснутых лысых холмов, напоминавшая издалека своим видом нижнюю челюсть гигантского ящера, остовы которых иногда находили на подмытых водой речных берегах.

Это и была цель, к которой следовала кавалькада.

Под конские копыта стелился утоптаный снежный наст.

Князь незаметно для себя опять погрузился в воспоминания. Перед его мысленным взором снова возникли берега Неспанки.

По плану Шебарши Соколовичи должны были дожидаться союзников на широком плёсе возле плоской горы. Места там как раз хватало и для тех и для других. Таиться при выдвижении сил было незачем – ведь туда же планировалось заманить и полочанское войско. Чтобы потом разгромить. Однако рыжий волк – чтоб ему земляной змей ядра откусил – непонятно как – не иначе как с помощью чародейства – разгадал все планы. И опередил Соколовичей, раньше них заняв тот треклятый плёс. Оттого и сражение пришлось принимать раньше запланированного срока. Да ещё и на условиях, навязанных противником.

Оттого Святославу с самого начала не понравилась та лёгкость, с которой его сыновцу Ярополку удалось разделить в бою длинник полочан. Но времени убедить брата не бросать в прорыв последний резерв ему не хватило. Да и вои рвались в бой. Не послать их в ту атаку означало потерять доверие собственных гридней. Поэтому пришлось пойти у них на поводу. Однако как только его лучшие бойцы унеслись в безрассудную погоню, как им казалось – за самим полочанским князем, у противника откуда-то сразу появились силы, чтобы закрыть

дыру в длиннике. После чего в битве установилось странное равновесие. Выжидая результатов прорыва Некрасы, полуденцы больше не спешили атаковать. Их противники тоже как будто чего-то ждали. Сеча затухла. Вои только вяло переругивались, перестреливались да сходились в честных поединках, словно на ристалище.

Святославу во всём этом почудилась ловушка. Как позже подтвердили пленники, предчувствия его не обманывали – Всеслав действительно подстроил этот прорыв, чтобы заманить в засаду и разгромить резерв полуденного войска. А потом атаковать остальные силы. В итоге его план практически осуществился. Если бы только не своевременный подход Потыка и Ерус-лана.

Поэтому когда после почти часа вялой сечи полочане вдруг неожиданно сомкнули ряды и навалились на длинник Соколовичей, у князя захолонуло сердце. Но, к счастью, чуть позже вражеское войско так же неожиданно прекратило напор, и начало быстро уходить вверх по руслу Неспанки. Удар оказался всего лишь обычным отвлекающим маневром.

Победа была куда как значима – благодаря ней Соколовичи не только отстояли Менск, но и взяли под свой контроль всю полуденную часть Полочанского княжества. Всеслав потерял около трёх сотен убитыми и тяжело ранеными, не считая нескольких десятков пленных. Однако полки полуденного войска поредели ничуть не меньше. Причём если у противника основную массу побитых составляли легкооружные кмети, то у Соколовичей большей частью посекали отборную гридь. Его собственную, Святославову.

Да и шанс покончить войну одним ударом оказался бесповоротно упущен.

Взять в полон главного своего противника – Всеслава, можно было только при немалой благосклонности богов. И что самое обидное – те её проявили – рыжий волк сам загнал себя в ловушку, из которой было практически невозможно выбраться. Однако потом высшие силы почему-то отвернулись – треклятый рыжий чародей вместе со своим сыном-оборотнем и доброй сотней кметей исхитрились каким-то образом выбраться из западни. Да так, что ни один человек из полуденного войска не видел, куда они делись! Просто пропали и всё – словно в воду канули.

Не иначе земляной змей помог! В который раз вспомнив об упущенных возможностях, Святослав досадливо поморщился.

Пожалуй, единственное, что с преизбытком окупило тяжёлые потери, это захваченные пленники. Особенно удивил Олег. Мало того, что он стал едва ли не главным творцом этой победы, так ещё и в битве явил себя настоящим героем.

Ринуть в прямой схватке самого Дуная – эт-т-то... Не просто блестящее начало пути воя... Это, возможно, рождение новой легенды. А что? – в истории было немало таких случаев.

Святослав снова поморщился. Своего последыша черноградский князь не любил. Не мог любить. Хотя открыто этого никогда не показывал. Слишком много он из-за него лишился. Сразу, как только тот явился на свет.

Даже сейчас, спустя почти двенадцать зим, князь не мог забыть её бездонные васильковые глаза...

Впервые он увидел их в окрестностях Чернограда, на охоте, когда в азарте погони за уходящим лосем сломя голову нёсся по лесу. Точнее зверь от него уже ушёл, но князь не мог остановиться и гнал коня просто ради скачки. Чтобы выплеснуть обуявшую его страсть.

Очи принадлежали невысокой стройной светловолосой юнице, стоявшей под раскидистой ольхой. Священным деревом народа северян. Святослава так поразила их чистая глубина, что он наконец остановил почти загнанного коня.

Интересно, чем она здесь занимается? – подумал он тогда. – Собирает целебные травы?

Повернув голову, чтобы лучше её разглядеть, средний Соколович не заметил, как налетел грудью на толстую ветку и чуть не сверзился с седла. Происшествие сопровождал взрыв звонкого девичьего смеха.

Князь вспыхнул и грозно нахмурил брови. Да кто она такая, чтобы насмеяться над ним? Юница же смотрела на зрелого мужа без малейшего страха и даже с каким-то вызовом.

Святослав не помнил, что на него тогда нашло. Возможно, в крови ещё не остыл азарт погони и охотничий инстинкт требовал чем-то возместить потерянную добычу. Единным духом он вскочил на конский круп и, оттолкнувшись от него, словно коршун на горлицу обрушился сверху на хрупкое девичье тело.

Грубо подмял её под себя...

Князь ожидал отчаянного сопротивления и приготовился овладеть юницей силой. Однако та словно ждала его, и сама подалась навстречу...

Соитие вышло на диво страстным и пьянящим. Войдя в незнакомку, Соколович захмелел, словно от ковшика доброго творёного кваса. И забыл где находится, с головой погрузившись в бездонные васильковые колодцы... Попал в полон к лебединым рукам и белоснежным ногам, равно с силой и нежностью смыкавшимся у него за спиной. Святослав страстно лобзал сладкие губы, румяные ланита, нежные девичьи перси. Светлые волосы, разбросанные по траве, дурманили его доселе неведомыми ароматами. Такого он не испытывал никогда и ни с кем. Ни с жёнами, ни с оной из многочисленных наложниц.

Всё это стало особенно удивительно после того как князь понял, что он – её первый мужчина...

В чувство его тогда привел протяжный вой охотничьего рога. Святослав стряхнул с себя наваждение, сразу вспомнив, кто он, и где находится. Испустив семя, он оставил распростёртое тело и пардусом запрыгнул обратно в седло.

И снова оказался удивлён. Он ожидал, что его мимолётная возлюбленная попросит взять её с собой или одарить чем-нибудь за доставленное удовольствие. Поэтому приготовился мягко ей отказать ей в первом случае или бросить шеляг во второй раз.

Однако ни того ни другого не произошло. Юница быстро накинула на себя рубаху и встала, молча и с какой-то едва заметной усмешкой глядя на князя. Сам не зная почему, Святослав снял с пальца золотой перстень со смарагдом и протянул его незнакомке.

Та дар приняла и тут же словно растворилась в кустах, успев напоследок ещё раз одарить своего мимолётного возлюбленного загадочным васильковым взглядом.

После этой встречи прошло несколько лун, и он о ней почти забыл. У князя было по горло других забот – он уже несколько лет пытался усидеть на шатком Черноградском столе, лавируя между группировками местной знати. С трудом, но получалось. Ярослав Хромой знал, кого отправить присматривать за самым сильным княжеством правдивых земель. Хотя, честно говоря, особого выбора то у него и не было. Первенец Владимир – тогда ещё живой – был очень нужен отцу в самой Столице. Второй сын – нынешний великий князь – ленивый и слабохарактерный – не обладал нужными качествами. Четвёртый – Всеволод, уже тогда славился книжной премудростью, но уделял своей библиотеке слишком много времени, и ему было мало дела до мирской суеты. Ну а два posledыша – Игорь и Вячко, тогда ещё пачкали пелёнки. Вот и выходило, что кроме Святослава некому. Тот выбранной ему ролью тяготился, но перечить отцу не смел.

Черноград по всем статьям уступал Столице. Не только и не столько размерами и богатством – хотя и этим тоже. В первую голову отличалось отношение местных жителей к тому, кто сидит на их столе. Если жители города на Славутиче давно уже почти не обращали на это внимания – главное, чтобы можно было спокойно торговать и зарабатывать пенязи, то на Руси всё обстояло совсем не так.

Там своих князей привыкли чтить за доблесть и древность рода. Правящая династия в этом государстве не пресекалась почти семь веков – куда уж там Соколовичам. Этого не произошло даже во времена страшного нашествия готов. Которым, кстати, жители этой земли, в отличие от всех окрестных народов, так до конца и не покорились. Пятьсот лет Русью верхо-

водил род Лебедяничей, чьей столицей был древний и богатый город Голунь. Тогда княжество имело куда большие размеры, нежели сейчас, да и называлось по-другому – Артания. Но старые князья полегли под мечами прикинувшихся друзьями врагов, которые позвали их в дальний поход, а потом перебили всех скопом во время победного пира. На смену павшему роду пришла плоть от его плоти – династия Чернавичей. Её основатель – князь Чёрный – дальний родич погибшего правителя, уцелел, поскольку готовился стать жрецом и не пошёл в поход вместе с остальными. Однако после таких событий ему пришлось менять посох волхва на меч полководца и брать власть в свои руки. Он то и заложил нынешнюю столицу княжества – город Черноград. Там долгое время сидели его потомки.

Однако правителей этой земли словно преследовал жестокий рок. С момента истребления первого правящего дома прошло только два века, как такая же кара постигла и второй. Вероломные хазары, которые долгое время были союзниками Чернавичей, пригласили весь их род на грандиозный праздник в честь победы над общим врагом. Пир и шумное веселье продолжались целую седмицу. А завершилось всё кровавой резнёй. Ошибки своих предшественников хазары не повторили – в живых не осталось ни одного прямого потомка основателя династии. Правда, уцелело множество побочных – дальнее семя Чёрного, излитое им в дочек и сестёр мелких вождей, которых ему приводили согреть ложе чуть ли не в каждой веси, где ему доводилось останавливаться. Но они не имели и малой толики того уважения, которым пользовались погибшие. И никто из них не был способен сплотить народ перед лицом внешнего врага.

Чем тут же не преминули воспользоваться хазары. Вскоре в Черноград прибыли их послы, потребовавшие безоговорочного подчинения. Такого насмехательства люди не выдержали. Посланцев разорвали на части, и вместо ответа отправили обратно их окровавленные куски. Ну а после такого Руси ничего другого не оставалось, как только обратиться за помощью к закатному соседу. Благо на престоле в Столице тогда сидел сам Святослав Грозный, – далеко не худший полководец в истории правдивых земель. В его честь, кстати, и был назван средний Соколович. Этот князь не только взял Черноградское княжество под свою опеку и защитил его от страшного нашествия, но и, в отместку за преступление, разнёс в клочки государство самих коварных хазар.

Правда платой за это, как того и следовало ожидать, стала потеря независимости. Свыкнуться с которой жителям некогда сильной державы было очень тяжело. Утешить их не могло даже то, что присоединив княжество к своим владениям, Святослав впервые собрал под своей рукой воедино все правдивые земли. После чего вполне резонно принял титул великого князя.

Однако если сплотить Русь перед лицом внешней опасности бесталанные потомки Чёрного не смогли, то постоянно подзуживать народ к восстанию и упрекать новую династию в самоуправстве, напоминая о былых славе и процветании, они были вполне в состоянии. Чем беспрерывно и занимались, начиная с момента смерти грозного князя.

И этот гной в теле Руси копился вот уже почти сотню лет.

За это время он прорывался два раза. Впервые – при сыне Святослава, Владимире, который силой отобрал престол у родного брата. В Чернограде тогда посчитали, что это достойный повод отложиться. Но новоявленный великий князь их очень быстро в этом переубедил, в кратчайшие сроки взяв под контроль главные города княжества и лишив голов зачинщиков бунта. Второй раз подобное произошло, когда между собой в смертельной схватке схлестнулись уже внуки великого полководца – Ярослав Хромой и Мстислав Храбрый. Последний из них предложил знатным родам Руси принять его сторону, обещая вернуть им в награду былые привилегии. И это помогло одержать ему знаменитую победу под Лиственном. Однако прожил он после этого недолго. Практически ни одного из своих обещаний он не выполнил, и ему вскоре устроили «несчастный» случай на охоте. Законных наследников этот князь после себя не оставил. А незаконным никто не захотел подчиняться – и своих, мол, хватает.

Кстати, один из потомков Мстислава служил сейчас в дружине среднего Соколовича. И даже стяжал там себе славу одного из лучших витязей. Это был тот самый Шебарша, заслугами которого была выиграна битва на Неспанке.

Вскоре после «несчастья» на охоте, над Черноградским княжеством снова нависла угроза. На этот раз со стороны благодатной степи. Русь же в который раз никто не смог объединить, и её лучшие люди опять пошли на поклон к великому князю. Святославов отец подумал для вида, и снова принял её под свою руку, но теперь уже значительно урезал права местной знати. Та покряхтела, но согласилась – другого выхода то всё равно не было.

Однако контролировать гадюшник, который составляли несколько десятков родов разной степени силы и влияния, из Столицы было проблематично. Поэтому одним из условий, которое выдвинул Ярослав Хромой, было то, что на Черноградском столе будет сидеть его сын. Вот и пришлось Святославу с головой погрузиться в эту кашу, кипящую без малого уже сотню лет.

С тех пор любое его действие, будь то решение на княжьем суде, или принесение жертвы богам в очередной праздник, вызывало ярые пересуды. Не прошло и года, как Святослав принял княжество, а он уже боялся сделать лишний шаг. Оттого и начал ценить средний Соколович редкие мгновения одиночества, когда ему удавалось оторваться от своей свиты на охоте и ускользнуть куда-нибудь подальше в лес.

Он обратился за советом к отцу – как же сломать этот лёд между ним и его подданными? Тот предложил сыну примкнуть к одной из группировок местной знати – лучше всего самой могущественной. Той, которой принадлежали земли в междуречье Снови и Десновой. Для этого надо было взять в жёны дочь её вожака – боярина Лютобора. Причём женой не младшей а вдовой. Только в этом случае – оценив честь, которую им оказали, лютоборичи приняли бы князя за своего. И он обрёл бы на Руси крепкую опору.

Однако посоветовать такое было куда проще, чем претворить в жизнь. Прежде всего потому, что у Святослава уже имелась вдовая жена, Киликия. Пусть и постылая. Да и была она не абы кем, а родственницей самого повелителя ромеев, сидевшего за Сенеморем в далёком Цареграде. Причём к тому времени она родила ему двоих сыновей. И сверстать её из вдовых можно было только за ОЧЕНЬ серьёзный проступок.

Вторая причина была не менее веской. Черноградский князь до этого несколько раз видел дочь Лютобора – Некрасу. И хотя к тому времени она уже слыла лихой воительницей, брать в жёны эту уродину ему хотелось меньше всего на свете.

Земляной змей! – С таким то страшилищем ложиться в постель? – не приведите боги! Лучше уж дальше мучиться с ромейкой!

Ярослав впечатлительного отпрыска как мог успокоил. И раскрыл ему глаза на истинное положение дел. Он давно уже выяснил, что скрывающаяся под маской покорной жены Киликия – шпионка василевса. И уже несколько лет исподволь способствует укреплению позиций ромейской диаспоры в правдивых землях. Которая, к тому времени, настолько усилила своё влияние, что начала играть в местной политике вполне самостоятельную роль. Этому не мешало бы дать окорот. Помочь могло, например, позорное изгнание княгини обратно на родину. Для чего вполне достаточно было уличить её в чём-нибудь предосудительном. Лучше – да и легче всего – в измене. Это был бы хороший шелчок по носу повелителю ромеев, который в последнее время возомнил, что может давать советы самому великому князю.

Ну а с некрасивым лицом и буйным нравом невесты ради успеха дела можно было и смириться. Тем более что никто не мешал Святославу находить утешение в объятиях более симпатичных наложниц.

Средний Соколович был по этому поводу другого мнения, но спорить с отцом снова не посмел.

Уличить Киликию в измене и вправду не составило большого труда. Тем более, что она особо и не скрывалась, почти в открытую встречаясь с одним ромейским купцом, который довольно часто навещался в Столицу.

Как же его звали? – Святослав задумался.

Земляной змей – забыл!

Однако это всегда происходило на его подворье. Поэтому, чтобы поймать их с поличным, Ярослав организовал в своём великокняжьем дворце приём самых именитых и богатых гостей со всех правдивых земель и окрестных стран.

Само собой, был среди них и этот... как же его там?

Отец закатил для купцов грандиозный пир, который затянулся до глубокой ночи. Когда же он был в самом разгаре, Киликия и её полюбовник, посчитав, что за ними никто не наблюдает, потихоньку выскользнули из-за пиршественного зала.

Спустя полчаса Ярослав с сыном неожиданно подняли шум и предъявили обвинение старосте ромейских гостей, мол, его люди не уважают хозяина терема, позоря его под собственным кровом. Само собой, это вызвало бурный всплеск заверений в невозможности подобного. Как витиевато говорил купец, степень уважения, которое он испытывает к хозяину этого дома, может сравниться только с его же любовью к собственному повелителю.

На что Ярослав ответил предложением воочию убедиться в справедливости обвинений. Когда толпа подгулявших бояр и прочих гостей с шумом вломилась в спальню Святославовой жены, все обомлели при виде голой княгини, гордо стоящей в позе львицы с задранной на голову платьем. И жилистой задницы ромейского купчика.

Полюбовника Киликии тогда едва не разорвали на куски. К счастью, самосуда удалось избежать – из рук разъярённой толпы, как было заранее оговорено, его спасла дворцовая стража. Двумя же днями позже, уже после суда, который единодушно приговорил смерть виновнику, Святослав попросил ристалища, не отказав себе в удовольствии лично зарубить ромея в честном поединке.

А его жёнушка с позором отправилась на родину, лишённая сыновей и всего имущества, нажитого в правдивых землях. Таким образом, осуществилась первая, самая лёгкая часть плана, составленного отцом.

Впереди был сложный этап. Средний Соколович, скрепя сердце и взяв волю в кулак, поехал в гости к боярину Лютобору – сватать его дочь.

Там он сразу понял, что Некраса откуда-то заранее узнала о цели его миссии. Поскольку уделяла князю чересчур уж много внимания. Пирь сменялись охотами, охоты состязаниями, состязания – пирами, и на каждом дубовая дева садилась подле Святослава. И всякий раз, улучшив момент, недвусмысленно предлагала ему уединиться.

Князь поначалу отмалчивался. Однако по прошествии нескольких дней, когда дальше тянуть стало попросту некуда, согласился.

Некраса решительно повела его на сеновал. Там она, не мига не медля, скинула с себя сапоги со штанами, которые имела обыкновение носить вместо платья, и упала спиной на большую охапку соломы. Её широко раскинутые ноги явно приглашали ухажёра к активным действиям.

От этих воспоминаний Соколовича даже передёрнуло.

Чтобы заставить себя лечь на неё сверху, ему пришлось сделать поистине героическое усилие. Возбуждение долго к нему не приходило, хотя Лютоборова дочь старалась как могла.

Наконец в памяти князя неожиданно всплыла та самая давешняя васильковоглазая незнакомка, встреченная на лесной опушке. Его естество тут же волшебным образом воспряло и Святослав бросился в «бой».

А для него это оказался именно бой, самый настоящий. Который, к счастью, длился совсем недолго. Излившись в Некрасу, Соколович приготовился с облегчением с неё слезть.

Однако она не дала этого сделать. Крепко обняла его всеми конечностями, едва не переломав князю рёбра, и жарко зашептала на ухо. Она говорила, что с самого начала знала, зачем Святослав сюда приехал, и что он правильно сделал, прогнав от себя коварную ромейку. Ещё говорила, что она готова принять от него свадебный дар, и что будет верна ему до самого смертного часа, пока боги не разлучат их.

Чтобы выбраться из этого полона целым, князю ничего другого не оставалось, как вручить ей этот самый дар – первое, что попало ему под руку – украшенное яхонтами золотое запястье.

Наутро он шёл к Лютобору с тяжёлым сердцем.

Тот, естественно, всё уже знал – князя встречала большая толпа людей, облачённых в праздничные одежды. Вокруг торжествующего боярина собралась, наверное, вся его ближняя родня.

По правую руку от него стояла буквально лучащаяся счастьем Некраса. На ней неожиданно были не привычные для неё мужские рубаха и порты, удобные для упражнений с оружием, а женское платье. Которое, правда, шло ей словно говяде – боевая сбруя. В ладони его «невестушка» сжимала подаренное ей ночью золотое запястье.

– С чем пожаловал, князь? – в упор спросил боярин.

В его голосе явно проскальзывали триумфальные нотки. Ещё бы – породниться со Святославом означало для него прочно занять первое место в местной иерархии. После самого князя, конечно.

– У тебя, боярин, есть то, что перед богами принадлежит мне – ответил Соколович ритуальной фразой.

– И что же это? – прозвучал столь же ритуальный вопрос.

Тут Святослав неожиданно замолчал.

Его внимание привлекла юница, которая стояла по левую руку и чуть позади от Лютобора...

Не может быть!

Это же она – та самая васильковоглазая незнакомка!

Правда, вместо прежнего скромного наряда на ней был роскошный убор из паволоки и целая россыпь драгоценных украшений. Её белокурых волос почти не было видно из под частой золотой сеточки, унизанной сотней мелких речных перлов.

И, тем не менее, это была именно она – князь не мог ошибиться.

Но почему она по левую руку от Лютобора?

Это же значит... Это значит...

Земляной змей!

Последние сомнения развеялись, когда юница озорно подмигнула ему, а потом едва заметно указала ему глазами на свою левую руку. Когда князь бросил туда изумлённый взгляд, узкая ладошка разжалась, и Святослав увидел в ней свой давешний дар – драгоценный перстень со смарагдом.

– И что же здесь принадлежит тебе?

Святослав стряхнул оцепенение. Пауза после заданного вопроса затянулась, поэтому боярин повторил его снова.

– Твоя дочь... – ответил он неожиданно охрипшим голосом.

Люди в толпе зашептались.

Они, конечно, и до этого догадывались, зачем здесь собрались, но теперь это предположение обрело под собой твёрдую почву.

– Мы были единым целым перед лицом богов – продолжал князь. – И она приняла от меня свадебный дар.

Он шагнул к боярину. Некраса радостно подалась ему навстречу и подняла вверх дареный браслет.

Однако тут же застыла в недоумении – Соколович протянул руку вовсе не ей, а её старшей сестре...

– Вот эту твою дочь я хочу взять в жёны – заявил Святослав.

Та показала всем смарагдовый перстень.

Собравшиеся вокруг ахнули...

– Ладислава... – изумлённо выдохнул Лютобор – это правда? Как это могло произойти?

– Правда... – тихо ответила та.

Её голос, услышанный впервые, показался князю небесной музыкой.

Однако дальнейшее объяснение скомкалось из-за впавшей в неистовство первой его неудачливой невесты. Она кричала, что убьёт свою проклятую сестру, которая отбила у неё жениха, и никто не сможет ей в этом помешать.

Помешать ей, конечно, смогли. Правда, для этого на юную воительницу пришлось навалиться сразу пяти здоровенным мужам. Да и те покряхтывали, удерживая неистовую родственницу.

Ситуация вскоре прояснилась для всех сторон.

Пятнадцать зим назад Лютобор чудом выжил в жестокой битве. В какой-то момент он оказался один против десятка врагов. Тогда боярин поклялся Хорсу, что если спасётся, то отдаст ему в жрицы свою старшую дочь. Как только она у него родится.

Волею судьбы он спасся, и появившейся на свет спустя год Ладиславе выпала доля стать служительницей солнечного божества. Когда та немного подросла, её отдали на обучение в святилище, где юница и жила последние годы, лишь изредка появляясь в родительском доме.

Как в тот день.

Тем удивительнее было, где она умудрилась встретиться со Святославом. Но и это вскоре нашло объяснение. Оказалось, что она таким способом приносила жертву Хорсу, обязательную для посвящения в жрицы. Перед тем как пройти этот обряд, каждая послушница должна выйти в лес и отдаться первому встречному.

Считалось, что этим первым встречным обязательно будет сам бог, который примет её девственность и тем самым разрешит себе служить.

И так уж вышло, что этим первым встречным оказался черноградский князь.

Всех присутствующих такое объяснение вполне удовлетворило. Более того – многие увидели в этом руку судьбы. Ещё бы – Ладислава – старшая дочь, и свадебный дар князь преподнёс ей раньше, чем Некрасе. Да ещё и принял у неё девственность вместо бога.

В общем всё разрешилось так, что лучше Святославу, наверное, и трудно было представить. Он выполнил отцову волю, изгнал постылую Киликию и женился на желанной красавице. Да ещё и укрепил своё положение на Руси. Лютобор, а после смерти боярина – его брат Полкан, вместе с огромной сворой родственников стали верными сподвижниками среднего Соколовича. В накладе в итоге не осталась даже Некраса. В утешение Святослав предложил ей возглавить свою лучшую дружину. С прежним её воеводой в то время как раз произошла очень некрасивая история.

Та согласилась не раздумывая. И оказалось, что князь не прогадал – она словно родилась для воеводства. Дубовая дева сразу навела среди воев железную дисциплину. Дружинники поначалу ерепенились, недовольные, что ими командует баба, но она быстро заткнула рты всем недовольным. А потом авторитет командира поддерживали несколько блестящих побед. После чего к ней валом повалили желающие вступить в боевое братство. Но она принимала только самых лучших. А отличившихся в боях жаловала доступом к собственному телу. При всей сомнительности такой награды в дружине она считалась одной из самых почётных. И принималась с должным пиететом.

Ну а жизнь с его Ладушкой после полудюжины зим мучений с заносчивой ромейкой показалась князю просто верхом блаженства.

Тогда он думал, что это счастье продлится вечно. А как они оба радовались, когда молодая жена поняла, что непрадна!

А потом на свет появился ОН, и всё закончилось... Она умерла от горячки на третий день после родов.

Ладушка моя...

Глаза Святослава снова подёрнула пелена. Перед ними опять стояли алые языки пламени погребального костра, которые безжалостно пожирали прекрасное лицо его возлюбленной.

Вместе с её навеки закрывшимися бездонными васильковыми очами...

На этом счастье в его жизни закончилось. Едва его юница отправилась на небо, Некраса опять вспомнила о свадебном даре.

Соколовичу пришлось соврать, что он дал страшный обет – в знак траура по покойнице больше не сходить с другими женщинами.

И первое время ему действительно этого не хотелось.

Но потом природа взяла своё.

Он был вынужден скрывать от всех, в том числе и от собственных ближников, все свои, даже мимолётные связи. Втихаря тискаться по углам со служанками и тайно оказывать честь жёнам гостей во время больших праздников. Да изредка на выездах в лес валять по кустам встречных всяночек, в тайной надежде почувствовать нечто подобное тому, что случилось при первой его встрече с Ладиславой.

Потому князь и не любил таскать за собой большую свиту.

Земляной змей! За что ему такая жизнь?

Рядом громко фыркнул конь.

Князь очнулся от своих дум. Пока он был погружён в воспоминания, маленькая кавалькада достигла цели, и уже втягивалась в узкий проход между двумя холмами. Он был таким тесным, что проехать через него можно было, только выстроившись цепочкой по одному.

Внутри ущелья княжил полумрак. Чтобы хоть что-то рассмотреть пришлось изо всех сил напрячь глаза.

Вокруг вздымались почти отвесные стены, сложенные серым известняком, найти пристанище на котором смогли только островки вездесущего мха да редкие кустики ерника. Место было настолько мрачное, что даже звуки здесь разносились как-то зловеще.

И как только богам пришло в голову сотворить нечто подобное? Может это и вправду окаменевшая челюсть гигантского ящера? А ну как он не умер, а только уснул и вдруг решит проснуться? От таких мыслей Святослава мороз продрал по коже.

К счастью, путь через это странное место занял немного времени. За тот срок что конь князя добрался до противоположного края ущелья, хороший костёр едва успел бы сжевать некрупную охапку хвороста. Тут только ему в голову пришла запоздалая мысль – а почему его никто не встретил у входа в эту узину?

От хлынувшего со всех сторон яркого света князь ненадолго ослеп. Ему даже пришлось зажмуриться. Когда же он открыл глаза – остолбенел от удивления.

Тридцать три земляных змея! В лицо Святославу и полудюжине его спутников, выехавших из прохода раньше, хищно глядели несколько десятков трёхгранных жал бронебойных стрел. Уже готовых сорваться с тетив натянутых луков, которые сжимали в руках неизвестные кмети, выстроившиеся полукружьем у выхода из ущелья. Вид у воев был самый что ни на есть суровый и решительный. Хотя лица большинства и были скрыты под личинами. Не были видны и гербы на щитах.

Ну и положеньице! В голове у Святослава пронеслось сразу несколько вариантов дальнейшего развития событий. Попробовать прорваться? – Его тут же изрешетят стрелами. Ныр-

нуть обратно в проход? – отбиваться в узине будет легче – но его спутники тут же погибнут, и ущелье им придётся удерживать вдвоём с Молчаном, который пока ещё не выехал наружу. Но враг легко сможет их обойти с другой стороны. Сдаться? – тогда война сразу безоговорочно проиграна.

Попробовать завязать переговоры? Это, пожалуй, стоило сделать. По крайней мере, поможет прояснить ситуацию.

Тут только в голову князя прокралась страшная мысль: как эти вои вообще здесь оказались? План провалился? И почему кмети ничего не говорят и не делают, а лишь стоят на месте? У Святослава только начали появляться догадки, как тут все сомнения разрешил его собственный телохранитель.

Молчан при выезде из ущелья почему-то не проявил никаких признаков удивления. Более того, никак не отреагировал на явную опасность, спокойно продолжив путь.

– Пошутили, и хватит! – бросил он незнакомым дружинникам и направил на них своего жеребца, явно собираясь проехать сквозь строй.

Святослав настолько удивился тому, что его спутник, из которого любое слово обычно приходилось тянуть чуть ли не клещами, вдруг заговорил, что поначалу даже не обратил внимания на реакцию вражьих кметей.

Те неожиданно расступились.

И опустили луки.

А потом окрестности сотряс их дружный хохот.

А потом они начали поднимать личины, и Святослав стал узнавать в них бойцов собственной первой дружины. В том числе и её воеводу.

Смялись они самозабвенно, обнажая белые зубы.

Ффу-у-у! словно гора упала с плеч.

И как это он сразу не признал своих людей? Это всё сослепу!

Треклятый Пустельга! Что за глупые шутки!

Тем временем сам виновник временного княжьего замешательства выехал из общего ряда, снял шелом и виновато согнул шею, на которой посверкивала новенькая золотая гривна, полученная им за Неспанку.

– Прости, княже. Моя вина. Не смог удержаться.

С губ его при этом не сходила лукавая улыбка.

– Нашебаршишь ты себе приключений полон рот! – ответил ему Святослав его же любимой присказкой. – В другаядь можешь все и не вывезти.

Про себя он уже махнул рукой на эту выходку. И даже признал, что шутка и правда вышла смешной.

Пустельга же сразу смекнул, что средний Соколович зла на него уже не держит, и не упустил случая похохмить ещё.

– А я, княже, от людей беды не боюсь! Мне гадалка нагадала, что я от горла помру. По всему выходит – медами на пиру упьюсь!

Его слова сопровождал новый взрыв хохота. Причём к нему присоединились уже и вои Святослава. Да и его самого начало разбирать.

Но, как гласила известная поговорка, пошутили складно – надо было и дело делать ладно. Отсмеявшись, маленький отряд продолжил путь. В ту сторону, где хмурое зимнее небо прорезали несколько жидких столбиков дыма.

Оглянувшись напоследок на кметей своей первой дружины, которые снова возвращались на исходную позицию – охранять ущелье, черноградский князь разглядел в их рядах и Олега, на его неизменном воронке. Среди остальных он заметно выделялся ярко сверкающим в тусклых солнечных лучах поясом.

Последыш, как и все новоиспечённые вои, старался выставить напоказ эту недавно полученную сброю, подтверждающую его новый статус. Поэтому и заставил своего нового челядинца, как его там? – Сопливца? – надраить до блеска поясные бляшки. А хотя нет – скорее всего, начистил их сам.

Эту награду княжич получил за свои заслуги в сече на Неспанке. Вместе с собственным гербом. Олег тогда не последовал совету многих, предлагавших ему взять в качестве эмблемы сражённого витязя, который символизировал бы его небывалую победу над Дунаем. Он оказывается, давно уже всё продумал. По его указке менские оружейники изготовили щит. Там, на пурпурно-жёлтом поле был изображён приготовившийся к прыжку могучий степной барс, над головой которого парил традиционный тризуб, говорящий о принадлежности хозяина оружия к числу потомков легендарного Сокола.

Да-а-а – всё-таки родовая удача большое дело. Без неё неизвестно – сумел ли Олег хотя бы просто выжить в той сече. Черноградский князь перед началом битвы на это и вовсе не полагался, поэтому решил подстраховаться. Допустить гибель младшего сына, при всей нелюбви к нему он не мог. Ведь после смерти жены тот оставался его единственной скрепой с самым влиятельным родом Руси. Поэтому средний Соколович и попросил двух лучших своих дружинников – Огуру и Гундяя, прикрыть его младшего сына в бою. Эти гридни терпеть не могли друг друга и постоянно цапались между собой. Особенно по поводу словоплетения, к которому оба испытывали немалую страсть. На это Святослав и рассчитывал – отказать ему они не посмеют, да ещё и будут соперничать друг с другом. Кроме того, от Огуры ни на шаг не отходил его неразлучный приятель – Кремень. Это означало, что Олега в случае необходимости прикроют сразу трое опытных воев.

В итоге с поручением своего князя они не справились, хотя и старались. А Гундяй выполняя его даже лишился жизни. В вирии ему наверно было уготовано хорошее место – ведь известно, что для воя – гибель при спасении своего сюзерена – одна из самых почётных. Тем не менее, из-за упущения дружинников княжич оказался лицом к лицу с одним из самых страшных противников в правдивых землях. Для многих это означало бы верную смерть. К счастью, последыш сам оказался – вой не промах. Да ещё какой не промах! Видимо не зря Колюта гонял его столько зим.

А после битвы Олег попросился в первую дружину, под руку к Шебарше. Князь не возражал – там хоть и опасно, зато воинскую науку можно было постичь очень быстро.

Он вдруг поймал себя на странном ощущении, будто в глубине его заколенившей за дюжину лет души начали пробуждаться искры симпатии к младшему сыну.

Возможно – вдруг подумал Святослав – со временем он мог бы даже простить своего отпрыска. Простить – но не полюбить. Любовь в сердце среднего Соколовича навсегда умерла в тот день, когда Олег появился на свет.

Отряд достиг конечной точки пути, откуда поднимались столбики дыма, виденные при выезде из ущелья. Это была маленькая весь, располагавшаяся в самом центре небольшой долины, образованной кольцом Пустых холмов – несколько десятков домов с дворами и хозяйственными постройками, разбросанные полукругом вокруг небольшого возвышения, на котором стояло капище. Со стороны, откуда на него смотрел Святослав, оно было прикрыто каменным пригорком, так что видны были только макушки идолов. Поселение окружал невысокий частокол. Он, скорее всего, был рассчитан на защиту от обычных хищников, а не от тех, что прячутся под личинами людей.

И последние, судя по всему, здесь основательно похозяйничали. На месте большинства домов чернели лишь обугленные остовы, часть из которых ещё дотлевала. Из груд головешек торчали только закопченные тулова печей, похожие на клыки гигантских земляных оленей. Кое-где пламя добралось и до частокола. На некоторые из его заострённых кольев были насажены человеческие головы – вперемешку мужские и женские. Многие ещё свежие, даже

не поклёванные воронами. Хотя довольно большая стая чёрных падальщиков вилась неподалёку, удовлетворяясь остовом лошади.

Такое поведение птиц явно указывало на то, что сейчас в веси были люди. Их вороны опасались, поэтому и выжидали чтобы попировать без помех – либо ухода двуногих, либо наступления сумерек.

Маленьких отряд подъехал к единственным в ограде воротам. От которых остались только резные столбы и поперечина, с прибитым к ней большим лосиным черепом. Выломанные створки валялись на земле. Внутри ограды в живописных позах лежало несколько мёртвых тел – должно быть, тех, кто пытался защитить ворота от пришельцев.

Эти покойники явно лежали здесь не один день – вороны основательно поработали над их лицами, а пятна крови на снегу почернели. Кроме того, не смотря на лёгкий морозец, от них заметно пахло.

Трупы обильно усеивали и все улицы поселения. Почти все мужские были обезглавлены. Большинство же женских тел напоминало странные окровавленные мешки, из которых торчали обнажённые нижние половины туловищ. Видимо те, кто учинил этот разор, для удобства – чтобы те меньше сопротивлялись – задирали юбки на головы и завязывали узлом. А вволю потешившись, убивали.

Некоторые мертвецы были ещё свежими, тёплыми. Другие уже тронул тлен. По мере того, как маленький отряд приближался к капищу, первые стали попадаться всё чаще.

А затем группка всадников наткнулась и на самих погромщиков. Несколько воев в походных доспехах деловито сносили на улицу и складывали в кучи скарб, награбленный в одном из уцелевших домов. Тут же, на ворохе шерстяных одеял один из них, намотав на руку длинную русую косу, пользовал стоявшую на карачках голую девку. Ей юбку на голову он отчего-то накидывать не стал. От резких толчков полные груди немилосердно прыгали, с размаху шлёпая её по животу. На лице насилуемой застыло отрешённое выражение. Она, скорее всего, уже простилась с жизнью и просто ждала, когда окружающий кошмар закончиться.

Святослав подъехал к вою почти вплотную, едва не стоптав того вместе с девкой. Тот, однако, своего занятия не прервал. Только вопросительно воззрился на князя, забыв поднять руку в воинском приветствии.

– Где Вышата? – Спросил его Святослав с плохо скрытой злостью в голосе.

У него чесались руки отрубить этому махателю его не в меру пылкий уд. А заодно хорошенько поучить его товарищей. На кону было серьёзное дело, а они тут занимаются ерундой!

Вой задумался, не подозревая, что с каждым лишним мгновением увеличивается вероятность его расставания с собственным мужским отличием.

– На капище – ответил он наконец, указав рукой направление.

И тут же забыл о существовании князя. Движения воя ускорились, а глаза подернулись паволокой – его начало разбирать перед извержением семени. Он выхватил нож и полоснул им девку по горлу. Та задёргалась в агонии, усиливая ощущения сладострастного воя. Святослав оставил его – пусть разбирается воевода.

Путь до кумирни занял совсем немного времени. Хотя всадникам едва ли не на каждом шагу приходилось его терять, объезжая груды обезображенных трупов разной степени свежести.

Хватало мертвяков и на капище. Даже с преизбытком. Перед входом туда они лежали настоящим валом, высотой по грудь человеку среднего роста. Святослав даже удивился про себя, откуда в небольшой веси взялось столько народу. Только потом он узнал, что сюда сгоняли жителей ещё и из окрестных поселений, в которые наведывались люди набольшего боярина.

Капище представляло собой небольшую бревенчатую постройку без окон с двускатной крышей, увенчанной изображением солнечного креста. Перед входом в неё были вко-

паны полукругом полтора десятка идолов. У самого большого из них, стоявшего посредине, на голове тускло отсверкивала серебряная шапка. У Святослава промелькнула мысль, что весь далеко не бедствовала, раз у её жителей хватило средств на эдакое украшение.

Промелькнула и тут же угасла – к «телу» старшего из богов был привязан Дунай.

Даже с первого взгляда было видно, что богатырь заметно ослабел. Его кожа приобрела землисто-серый оттенок, а под глазами залегли густые тени. Насколько знал средний Соколович, тот до сих пор мучился от раны, нанесённой ему Олегом. Кроме того, упорно отказывался от предлагаемой еды. Поэтому крепкие сыромятные верёвки удерживали его скорее не от бегства, а от падения на землю.

Тем не менее, губы печального витязя были сурово сжаты, на лице же отсутствовало всякое выражение. Прозрачные глаза отрешённо смотрели куда-то вдаль, словно не замечая того, что происходило буквально у него под носом.

А там творилось настоящее непотребство. Всего в нескольких аршинах от привязанного пленника вои Вышаты выстроили около полусотни весян – жён, мужей и детей. Кто-то из них тихо выл, кто орал во весь голос, а кто-то уже, видимо, смирился со своей участью и хранил обречённое молчание. Их по одному подводили к Дубыне, восседавшему на здоровенном – ему под стать – коне. Витязь пленников хладнокровно и даже как-то деловито умерщвлял.

Судя по всему, так он пытался заставить Дуная дать ответ на какой-то вопрос. А может просто получал удовольствие от процесса.

– Что, так и будешь молчать? – оглушительно проревел Дубыня хриплым басом, отняв очередную жизнь.

Он был похож на бога смерти – огромный как скала, страшный как навий и при этом с ног до головы забрызган кровью, словно неумелый мясник.

Не дождавшись ответа, витязь снова взмахнул секирой, на которую он видимо специально для этого случая сменил полюбившийся ему боевой молот. Голова очередного несчастливца – это был седобородый старик, слетела с плеч и покатила по земле, орошая лежащий снег алыми струйками. Рухнувшее тело вои тут же сноровисто подхватили и зашвырнули на трупный вал, преграждавший проход на капище.

– Они умирают из-за твоего упрямства! – продолжал Дубыня. – Я буду убивать их, пока ты будешь молчать.

Ответа снова не последовало.

Следующей жертвой оказался совсем ещё юный отрок. Богатырь даже не стал пачкать о него оружие. Просто взял одной рукой за шею и поднял перед собой, сдавливая могучими пальцами горло.

Вьюнош захрипел и несколько раз дёрнулся. После чего обмяк и затих. Дубыня одним метким броском закинул его уже мёртвое тело на кучу из предыдущих жертв.

– Ты хочешь ещё? Ты получишь!

На этот раз витязю повели молодую беременную бабу. Она была практически на сносях и еле передвигала ноги.

Её по всей правде следовало бы отпустить.

У витязя, возможно, тоже возникла такая мысль. Он сунул древко своего топора в специальную петлю на седле и наклонился вперёд. Однако, как выяснилось, лишь за тем, чтобы вынуть из-за голенища засапожник.

Одной рукой он схватил непраздную молодуху за косу у самой репицы, а другой вогнал ей короткий клинок в низ живота. После чего одним движением вспорол его до груди. Затем резко сунул ладонь в рану.

Небо разорвал истошный вопль. Баба визжала и каталась по земле. Из разорванного брюха расползались лиловые внутренности. Дубыня держал за ножку маленький алый комоч, похожий на человека.

Мгновение, и он полетел туда же, что и все прежние жертвы. А следом за ним и несостоявшаяся мать, тянущая за собой длинный шлейф из кишков.

Земляной змей! Это было уже чересчур.

На что всякого в походах навидался, но такого...

Придя в себя от минутного оцепенения, Святослав пришпорил гнедого, перемахнув через преграду из тел, и решительно вклинился между витязем и очередным пленником. Это была совершенно седая старуха – лет сорока от роду.

– Хватит, Дубыня! – резко крикнул князь.

Он со злостью пнул по руке воя, державшего полонянку. Тот выпустил её, но она осталась безучастно стоять на месте, как будто не замечая ничего вокруг.

– Ты же вой, а не кат! Или для тебя это одно и то же?

Витязь насупился и натянул повод, заставив своего аргамака попятиться. Он явно хотел бросить в ответ князю что-нибудь резкое, но вовремя осёкся, вспомнив, кто с ним говорит. В итоге он смог только пробормотать нечто невразумительное.

– Вспомни, зачем мы здесь – гневно продолжил Святослав. – Брось развлекаться и заставь своих людей заняться делом. Рыжий волк вот-вот появиться, а они добро таскают, да девок сильничают.

Тот буркнул в ответ что-то вроде того, что, мол, понял.

– Где Вышата? – спросил князь Дубыню уже более спокойным голосом.

Тот указал рукой на бревенчатое святилище.

Святослав спешил. Бросил повод одному из воев и пошёл к входу.

Пристыженный Дубыня тут же принялся раздавать распоряжения. Его люди суетливо забегали во все стороны. Недобитых пленников погнали подальше с глаз долой. На лицах некоторых из них затеплился огонёк надежды, что сегодня их, может быть, оставят жить. Другие же по-прежнему хранили отстранённый вид.

– Не обессудь Дунай – сказал черноморский князь, остановившись возле привязанного пленника. – Придётся ещё немного потерпеть. Поймаем твоего князя – отпустим. Если слово дашь – против нас не воевать этот год.

Печальный витязь никак не отреагировал на эти слова. Прозрачные глаза по-прежнему смотрели куда-то вдаль. Его мысли, похоже, витали далеко от этого места.

Святослав вздохнул. Пленник с самого первого дня, как пришёл в себя после битвы на Неспанке, ни разу не произнёс ни одного слова.

Ни разу.

Ни одного.

Средний Соколович толкнул дверь в святилище.

Тут же его едва не оглушил раздавшийся оттуда истошный вопль. А ноздри оскорбил мерзкий запах палёного мяса. Представшая же перед глазами картина и вовсе заставила остолбенеть.

Убранство внутри было простым, как и полагается молельне. Из утвари – только три деревянных лавки вдоль стен да маленький столец с жертвенной чашей. Четвёртую часть комнаты занимал деревянный алтарь, украшенный резными изображениями божественных деяний. Прямо к которому был привязан седовласый волхв. На одни верёвки боярин, видимо, не полагался – по бокам от пленника расположились двое его ближников. На теле старика, едва прикрытом остатками длинного жреческого одеяния, присутствовали следы побоев и свежие ожоги. Вышата стоял прямо перед ним, умело сжимая в руках кузнечные щипцы, с зажатым в них раскалённым добела стальным прутком. Его он, судя по всему, только что вынул из небольшого, наполненного тлеющими углями, котла.

– Скажешь где серебро, старик? – грозно вопрошал боярин, не обратив внимания на вошедшего. – Или всё-таки без причиндалов к богам отправишься?

Святослав едва не задохнулся от возмущения. Он-то думал, что Дубыня просто выродок. Оказывается нет – тот был тем яблоком, которое совсем недалеко упало от породившего его дерева.

Кстати, про дерево это была совсем не метафора. Не зря же в Столице ходили упорные слухи, что старший Малевич породил богатыря-сына, сочетавшись со священным дубом.

Глядя на эдакое непотребство в эту байку можно было поверить.

– Это что же такое, земляной змей, твориться?! – возопил князь. – Кончилась правда в правдивых землях?! Одна кривда осталась?! Враг уже на подходе – а они вон что творят! Ладно, сынок твой – он, похоже, с рождения об дерево стукнутый. Но ты! Сам набольший боярин кату уподобился! Куда мир катиться?!

Обычно всегда уверенный в себе Вышата, от такой пламенной речи поначалу опешил и даже отшвырнул в сторону щипцы с зажатым в них прутком. Однако быстро опомнился и сам перешёл в наступление.

– Да как ты смеешь меня срамотить, князь! Или ты забыл, что они с моим отцом сделали?

Святослав даже сплюнул в сердцах. Тоже – сиротинушка выискался!

– Ловок ты боярин себе оправдания находить. Отца убили – так и спрашивал бы с того, кто это сделал! Не можешь?! На беззащитных отыгрываешься?!

Это уже было на грани оскорбления.

Вышата едва не захлебнулся слюной.

– Ах ты...

Его рука легла на оголовье висевшего у пояса меча. Жилы на тыльной стороне ладони вздулись.

Выхватит? Не выхватит?

А что? – с него стало бы. Набольший всегда, особенно в ранние годы, славился драчливостью и воинской сноровкой. Недаром у него на гербе красовался атакующий зубр. Он ведь даже турниры, было дело, выигрывал. С тех пор, правда, изрядно заплыл жиром и обленился. Но своего знаменитого норова не утратил. А тут с ним ещё и двое его людей...

Так что князь на всякий случай приготовился дать подышать воздухом и собственному клинку. Однако огонь в глазах Вышаты потух так же быстро, как и загорелся, а его рука незаметно соскользнула с рукояти. Боярин сделал вид что просто хотел расправить складки сбившейся набок короткой накидки-плаща. Тут же сразу стала ясна причина – в узкую дверь святилища протиснулся Молчан. Как обычно ни сказав ни слова.

Его вид всегда был красноречивее любых слов. Суровое каменное лицо ясно говорило – убью любого, кто поднимет руку.

Но если в драку лезть набольший и раздумал, то вины за собой признавать явно не собирався.

– Рыжий волк им князь! – ответил он. – И они за его дела отвечать должны!

Святослав хмыкнул.

– А серебро с этого волхва ты вместо виры с Всеслава хотел взять? У тебя самого его полны подвалы, а ты на малое заришься?

Вышата насутился и сложил руки на груди. Видимо, чтобы снова сгоряча не схватиться за меч.

– Серебра много не бывает.

Вот так вот. Пусть у боярина даже самые последние слуги в доме едят не с глиняных плошек, а чуть ли не со стекла, а дети самоцветами играют, он всё равно не против прибрать к рукам и малую кубышку несчастного волхва.

Пенязи, мол, к пенязям.

– А небес не боишься? – полюбопытствовал Святослав, указав рукой на алтарь. – Капище то Велесово. Он же и твой бог!

Но набольшего, похоже, ничем нельзя было прошибить.

– Я деревлянин – гордо отвечивал он. – У меня богов полон лес! Велес обидится – кто другой пособит.

Тоже, лесовик выискался. В лучшем случае на одну восьмую.

– Не пойму я князь, чего ты так разоряешься? – снова перешёл в наступление Вышата. – Мы всё по уговору сделали. Весь разорили. Дуная на виду привязали. Полудюжине местных уйти дали. Сейчас рыжего волка ждём. Пятый день уже. Вои устали – отдыхают как могут. Чего не так то?

Средний Соколович устало вздохнул. Да уж... отдыхают.

– Людей зачем перед Дунаем губить? Он же гордый – его этим не проймёшь.

На такой аргумент Вышата и вовсе махнул рукой.

– Да что тебе эти весяне – сотней меньше, сотней больше. А этому гордецу наука будет. Как за клятвопреступника воевать...

В душе черниградского князя снова всколыхнулась волна ярости.

– А не за такие ли дела ты своего сына Путятю в Тмутаракань из Столицы изгнал? Он то – хоть за пенязи людей продавал, а ты за так губишь!

Тут Вышата словно взорвался изнутри.

– Не смей сравнивать, князь!

Похоже, Святослав задел его за больное.

– Отчего же?

– То свои были, а это полочане – враги.

Аргумент был резонный. Если бы не одно но.

– Они-то враги, но, правда, то – для всех одна! Начнёшь с чужих, потом и за своих возьмёшься! А Дунай – пленник моего сына, а не твоего!

Тут уже набольший не нашёлся что возразить. Просто хмуро промолчал.

Князь этой маленькой победой удовлетворился и коротко порекомендовал Вышате осадить своих людей. И изготавиться к бою. Поскольку задуманный план уже близился к осуществлению. После чего развернулся, чтобы уйти.

– Да... затушите – указал он двум воям, всё это время тихо простоявшим по углам, на огонёк пламени, который начал заниматься на дощатом полу от брошенного боярином раскалённого прута.

Набольший хмыкнул, остановив своих людей мановением руки, распустил мотню на штанах и оросил горящее место тугой пенной струёй. Помещение заполонила резкая вонь, перебившая даже запах палёного мяса.

Князь с облегчением захлопнул за собой дверь, покидая осквернённое святилище. После чего с такой же скоростью поспешил покинуть и саму весь.

Возвращаться по главной улице ему не хотелось, чтобы опять не созерцать груды трупов. Потому, спустившись с бугра, на котором стояло капище, князь направил коня мимо дымившейся кузни – напрямиком к частоколу, который был здесь пониже, чем в других местах.

Не доехав до ограды двух сажень, гнедой вдруг заскользил копытами по накатанному склону и едва не провалился вместе с всадником в большую зловонную яму. Это был нужник.

К счастью, Святослав вовремя успел натянуть повод и отвести коня в сторону. В лицо князя пахнуло ядрёными ароматами.

Земляной змей! Отхожее место, видимо, специально вырыли в стороне от домов – чтобы местные не могли напасть на людей Вышаты врасплох, застав их за отпращиванием естественных надобностей. Если бы тем вдруг вздумалось.

Соколович прищпорил жеребца, заставив его одним могучим прыжком перескочить через невысокий частокол, после чего пустил его в намёт. Примеру князя последовали и его люди.

Оставив весь позади, князь с облегчением вздохнул. Последнее происшествие вдруг показалось ему даже символичным. Вот уж действительно – побывал там – всё равно что в нужнике искупался.

Дальнейший путь лежал к укромной ложине, притулившейся между двумя отрогами холма. Воочию всё это выглядело почти так же, как и на резной столешнице в менском зале совета, поэтому Святослав вряд ли мог перепутать.

Маленькая группа всадников поднялась на высокий взлобок, отделяющий ложину от остальной части долины. Западина оказалась до отказа забита воями. Их там было никак не меньше трёх сотен. Все конные, тяжелооружные – сплошь отборная гридь. Князь разглядел стяги великого князя, его сына Ярополка, Дружины, Полкана и Некрасы. И ещё с полдюжины прапорцев воевод рангом пониже.

Значит все в сборе.

Он спустился с яра и подъехал к брату. Тот приветствовал Святослава сначала поднятием руки, а затем и сердечным объятием.

Сегодня он, похоже, похмельными муками не страдал. Зато, судя по всему, уже успел хватануть чашу-другую одного из своих любимых напитков – стоялого мёда. Отчего пребывал в приподнятом настроении.

– Ну что, брат, сегодня прижмём хвост рыжему волку?!

Средний Соколович поморщился – преждевременной похвальбы он никогда не жаловал. Но это был другой случай.

Сейчас, пожалуй, он был уверен в успехе. О чём и заявил сначала брату, а потом и подъехавшим Дружине с Полканом. Те с ним согласились – разведка сообщила о приближении к Пустым холмам большого отряда.

По рядам промчались гонцы – они разносили приказ готовиться к сече. В рога не трубили, чтобы не выдать своё присутствие. Гридни поспешили начать облачение в боевые доспехи. Отроков с ними не было – в этом походе те стали бы только лишней обузой, поэтому сейчас им никто не помогал. Впрочем, для опытного воя – невелика трудность. Нелегко, но можно. Не составило это большого труда и для Святослава. Тем более что ему тут же пришлось помогать Молчану.

Сам княжий телохранитель боевой доспех, похоже, не снимал никогда – даже когда ложился спать. Хотя черноморский князь не был уверен, что тот вообще когда-нибудь спит. Любой другой вой на его месте свалился бы с ног через полдня. Этого же боги словно выковыляли из железа.

Продевая руки в кольчужные рукава, средний Соколович вспомнил, как поначалу блестящий план, сейчас почти претворенный в жизнь, показался ему сомнительным. Его – как и идею Шебарши перед битвой на Неспанке, он был вынужден принять только под давлением обстоятельств.

Хотя после той победы Буковые холмы и перешли под полный контроль полуденного войска, война на этом не закончилась. В руках у Всеслава по-прежнему оставалась его главная торговая артерия – Закатная Двина, прикрытая цепочкой хорошо укрепленных городов. Чтобы захватить хотя бы один из них, требовалось потратить немало сил и средств. И времени. Кроме того, до них ещё требовалось добраться. А те дороги, что вели из Буковых холмов к этой могучей реке, преграждали несколько небольших, но отменно защищенных крепостей. А также густые леса и обширные болота, отлично подходившие для того, чтобы вести в них малую войну.

В этом деле большим мастером оказался сын рыжего волка. Тот, который оборотень. Он наносил молниеносные удары небольшими силами по тылам и обозам полуденного войска, и нападал по ночам на спящие лагеря. В общем, силы таяли, а успехов не было. Не считая одной захваченной с огромным трудом лесной крепостицы. Меж тем недолгая зима заканчивалась,

и совсем скоро должна была начаться распутица. С приходом которой продолжение войны откладывалось не меньше чем на несколько лун – пока не подсохнут болота.

И тогда появился план. Одновременно простой по замыслу и сложный по исполнению.

Всеслав во всех своих походах любил делать неожиданные ходы и совершать глубокие рейды. И славился тем, что всегда беззаветно поддерживал верных ему людей. Особенно если был им чем-то обязан. А в руках у Соколовичей как раз был такой человек. Дунай. Если прочих пленников давно уже отпустили за выкуп, то он пока оставался в их распоряжении. Поскольку, в отличие от прочих, не стал давать обязательную в таких случаях клятву, что до конца этой войны не будет выступать на стороне Всеслава. Более того, он вообще не произнёс ни слова. Даже непонятно было – лучше ему становиться или хуже. Ясно было одно – он жив.

Его требовалось отвести в неглубокий тыл – какую-нибудь глухую весь в стороне от боевых действий. Потом постараться показать печального витязя местным жителям и позволить нескольким из них бежать. И незаметно подготовить в том месте засаду. Для этого отряду, который первым придёт в весь, надо было так сильно напугать местных жителей, чтобы они и носу сюда больше сунуть не смели. Что, в принципе, сделать удалось.

Перед тем как начать претворять план в жизнь, полуденное войско обложило сразу две лесных крепости, прикрывавших дорогу к столице Полочанского княжества. Вокруг которых разбили около полудюжины осадных лагеров, чтобы противнику было тяжелее следить за перемещением войск. Оттуда постепенно, малыми отрядами, не вызывая опасения у осаждённых, силы перебрасывались в нужное место.

Последнее, кстати, оказалось выбрано очень грамотно. Пустые холмы служили своеобразным связующим звеном между грядой Буковых холмов и Большим Водоразделом, чьи отроги начинались через несколько дней пути к восходу. Они представляли собой небольшую группу возвышенностей, загнутую в вытянутое кольцо, внутри которого лежало несколько больших, удобных для укрытия лощин. А единственным достаточно широким проходом в долину, образованную холмами, был распадок с полуночной стороны.

Святослав заставил гнедого взбежать вверх по склону, заодно проверяя, как на нём сидит доспех. Поднявшись на яр, бросил взгляд туда – на узкий проход между двух холмов.

Пока он был пуст. Однако, если верить разведке, совсем скоро там должны были появиться вой Всеслава. С ним самим во главе.

Они стремительно ударят на разоренную Дубыней весь, чтобы освободить Дуная. Тут-то им на загривок обрушатся лучшие силы полуденного войска. И в этот раз рыжему волку не помогут никакие чародейские уловки. Только честная сталь на честную сталь.

Сколько же усилий было приложено для того чтобы незаметно протащить сюда столь значительные силы – три сотни гридней и почти столько же кметей! Первые сейчас все стояли здесь, готовясь нанести решающий удар. Последние были разбиты на небольшие отряды – вроде того, которым командовал Шебарша – прикрывая другие выходы из долины.

Жаль только что столь сложный и изящно разыгранный замысел, готовый превратиться в блестящую победу, омрачают своими поступками Вышата с Дубыней. Свою часть задания они, конечно, выполнили хорошо. Но к чему излишняя жестокость?

Надо будет потом обсудить это с великим князем.

Хотя... он ничего не сделает. Род Малевичей слишком влиятелен в правдивых землях, чтобы брат рискнул вступить в конфликт с его главой.

Да ведь он и сам едва не сорвал всё своей выходкой. Изначально планировалось, что старший Соколович останется в лагере – в Пустых холмах вполне можно было бы обойтись без его вечно похмельной рожи. А вот присутствие оной под стенами одной из осаждённых крепостей как раз помогло бы ввести противника в заблуждение. Однако ему неожиданно – не исключено что под воздействием квасных паров – загорелось самому принять участие в деле. Придать, так

сказать, своему образу героический ореол. А что? – такое деяние барды несомненно воспоют. И в народе популярности добавится, и собственное самолюбие потешить можно.

Святослав отговаривал его как мог, но так и не преуспел. Поэтому в лагере вместо него пришлось оставить другого брата – Всеволода. Который был вынужден имитировать образ жизни великого князя. То есть – в основном почти не вылезать из шатра, делая вид, что пьянствует. Впрочем, для Ворона это не составило большого труда – пользуясь случаем, тот, скорее всего, штудировал сейчас обнаруженные в Менске рукописи.

Там же, в осадном лагере, до последнего момента – чтобы не допустить какого-нибудь срыва, находился и сам Черноградский князь. И только когда от согладатаев пришло известие, что Всеслав отбыл из своей столицы в неизвестном направлении, Святослав и сам отправился к месту засады.

Что ж, пока всё складывалось наилучшим образом. Сейчас – он чувствовал это – рыжий волк уже приближался к расставленной для него ловушке. Переполненный радостным ожиданием, Черноградский князь поднял глаза в хмурое зимнее небо. Как раз в этот миг, словно подавая ему знак о положительном исходе задуманного дела, небесный отец прорвал в сплошной пелене серых туч большую прореху. В которую Хорс, заставив Святослава прищуриться, тут же выкатил на своей колеснице сияющее дневное светило.

Хороший знак. Увидеть солнце перед боем – к победе!

В его ярких лучах князь разглядел какую-то птицу, парящую высоко над долиной. Неужто сокол?

Он напряг зрение и с удивлением распознал ворона. Очень тёмного, аспидно-чёрного окраса и необычно большого размера.

Откуда только такой взялся?

Птица как будто что-то высматривала на улицах веси, неспешно описывая над ней круги.

Для ворона она вела себя довольно необычно, и в другое время Святослав над этим возможно бы и поразмыслил. Но сейчас ему было совсем не до того. Над долиной наконец-то разнёсся условный сигнал, означающий приближение противника – два протяжных вскрика болотной выпи.

Томимый любопытством, князь не стал спускаться обратно в лощину, а остался стоять на склоне яра. Его голову и половину торса, которые высовывались из-за взлобка, противнику всё равно было не разглядеть, зато он отсюда прекрасно видел всё происходящее.

Из неширокого прохода между двумя холмами, откуда начиналась дорога до злосчастной веси, в долину, словно струйки крови из раны, начали выплёскиваться войска. Тяжелооружная гридь. Десяток за десятком. Когда их собралось полторы сотни, отряд сбился в клин и двинулся вперёд.

Святослав пригляделся к знамёнам, которые реяли над их рядами.

Двусторонняя секира – стяг Военег и свирепый кабан – прапор Вепря.

И... больше ничего.

А где сам Всеслав? Неужто расчёт не оправдался и рыжий волк не поехал лично выручать давнего соратника?

Хотя нет – тут же успокоил себя Черноградский князь. Всеслав – известный хитрец, и далеко не всегда ездит под собственным знаменем. Как в той же битве на Неспанке. Чтобы попытаться обмануть Соколовичей он вполне мог и вовсе оставить его в своей столице.

Отряд продолжал двигаться вдоль дороги.

Однако отчего-то делал это очень медленно и словно как-то неуверенно.

А потом и вовсе остановился.

У Святослава захолонуло сердце.

Земляной змей – неужели рыжий волк что-то почуял?

А дальше случилось неожиданное. Стальная лавина вдруг свернула с дороги и понеслась в другую сторону – к тому месту, где притаился один из легкооружных отрядов. Насколько Святослав помнил, там должны были стоять люди Бакуни – около полусотни кметей. Это были опытные вои – других сюда и не взяли – большие мастера по части маскировки. То, что полочане с ходу могли разглядеть их расположение с дороги, представлялось маловероятным. Значит, они либо знали о готовящейся засаде, либо... тут не обошлось без чародейства.

Но если они знали о западне, то зачем в неё пошли?

Дальнейшие сомнения рассеял шум сечи. Таиться дальше – перед лицом несущегося на них противника, люди Бакуни больше не могли, и им не оставалось ничего другого, как только вступить в бой.

Исход которого был предreshён изначально. Одолеть тяжелооружную грядь в открытом бою для кметей было реально разве что при соотношении трое на одного. Но только в их пользу, а отнюдь не наоборот. В данном же случае, их ждало неминуемое истребление.

Это помогло Святославу сделать выбор. Чем бы там не мотивировался противник, допустить, чтобы сейчас на его глазах без помех перебили полсотни добрых воев, черноградский князь не мог.

Средний Соколович поднял руку, подавая сигнал к атаке. В рога снова не трубили, чтобы раньше времени не спугнуть неприятеля. Грядни давно уже были готовы. Быстро преодолев крутой склон взлобка, кони синхронно вынесли из лощины все три сотни всадников.

Построение в боевой клин заняло не больше времени, чем требуется сердцу, чтобы сделать несколько десятков ударов. Князя и воеводы с ближниками традиционно заняли места позади – руководить боем. Кроме Ярополка и Некрасы – эти, как обычно, встали впереди – подавать пример своей доблестью.

Новый взмах руки и конная масса сорвалась с места.

Святослава захлестнуло предвкушение предстоящего триумфа. Он был неминуем. Слишком грозно сейчас выглядел отряд Соколовичей, и слишком очевидно было его преимущество над противником.

Полочане меж тем уже практически втоптали в землю небольшой отряд Бакуни. Его остатки во главе с самим боярином укрылись в узине между холмами, собираясь, видимо, держаться там до последней возможности.

Слитный топот копыт трёхсот всадников заставил воев противника повернуть головы в сторону надвигающегося шума.

Ему показалось, или на их лицах не было ни малейшего замешательства?

Более того, они так слаженно тут же развернули навстречу атакующим грядням свой длинник, бросив недобитых кметей, словно до этого специально отработывали именно такое перестроение.

В общем, удар полуденных дружин они встретили во всеоружии. И даже ответный разбег успели набрать.

Две конные лавины столкнулись с оглушительным лязгом, поглотившим ненадолго все остальные звуки.

А потом пошла рубка! Да такая, что только душа радовалась. От звона, с которым сталкивалось между собой копьё, мечи и топоры закладывало уши. Полочане бились доблестно. Но – как известно – чем сильнее враг, тем слаще победа над ним. Полуденное войско медленно, но верно отжимало противника к той самой небольшой ложбине, где он только что растрепал кметей Бакуни.

Наконец вражеский отряд оказался зажат между двух отрогов.

Теперь у него было два выхода – либо тот, которым он сюда попал – правда, для этого нужно было пробиться через ряды двукратно превосходящего противника, либо через узину,

куда они загнали остатки лёгкой полусотни. Где сейчас должен был находиться сам Бакуня и, по крайней мере, три десятка его людей.

Там – согласно плану – ему надо было держаться до последнего.

А пока оба длинника подались назад. Между ними образовалось свободное пространство, шириной примерно в пару сажень.

Наступило затишье.

Это было самое подходящее время для начала переговоров о сдаче в полон.

И тут, когда Святослав уже формулировал в голове условия, которые он собирался предложить полочанам, за спиной вдруг раздался протяжный волчий вой.

Он звучал настолько злобно и торжествующе, что по спине у среднего Соколовича поползли мурашки.

До последнего не желая верить в происходящее, князь медленно повернул голову в сторону веси.

Там творилось неладное.

Её снова брали штурмом.

Точнее уже взяли.

Улицы поселения заполнили всадники.

Много всадников – на глаз не меньше двух сотен.

Эти вои атаковали капище, где держали Дуная. Там уже кипела ярая сеча.

Над головами нападавших трепыхались два стяга. На одном из них был изображён пень, из которого торчал кинжал с сидящим на его крестовине соколом. На другом – рыжий лесной волк, пытающийся ухватить зубами в прыжке ещё одного тризуба.

И над всем этим в хмуром зимнем небе продолжал свой странный полёт необычно большой аспидно-чёрный ворон.

Земляной змей! Похоже, дело всё-таки пошло не совсем так как, планировалось.

Точнее совсем не так.

Полочанский князь снова всех перехитрил!

Зима перед распутицей. Берег реки Ушачьей

Если сеча на Неспанке не заслуживала называться славной, то приснопамятную засаду в Пустых холмах смело можно было назвать и вовсе бесславным предприятием.

Воистину, если боги хотят наказать человека, они в первую голову лишают его удачи.

Чем же он таким перед ними провинился? Кому из них не угодил?

Жертвы всегда приносил в положенное время. На каждый праздник Хорсу дарил барана, Велесу – ягнёнка, Макоши – петуха, великой троице: небесному отцу Сварогу, сыну его Перуну и вездесущему духу Свентовиту, озаряющему своими незримыми лучами всё живое – целого быка. Даже злему Чернобогу, которому этого, по-хорошему, делать не следовало бы – закапывал чёрную кошку. И даже новым богам, в коих, откровенно говоря, не очень-то верил, ставил в их капищах жертвенные свечи.

Так нет же – земляной змей! – проклятый полочанский князь снова откуда-то проведал о планах Соколовичей. Хитро организованная комбинация провалилась, и все многодневные усилия пошли под хвост коню. А рыжий волк не только не попался в их западню – он успешно реализовал собственный план – вызволил Дуная, скрытно проведя своих воев по неизвестному противнику проходу в долину.

Что это – снова ворожба, или ему помогли какие-то неизвестные боги? Это что же надо было, чтобы его поймать – деревьям жертвы приносить, – как дикие лесовики?

Или просто удача Всеслава сильнее?

О таком думать не хотелось.

Святослав зло пришпорил гнедого, понукая его ехать быстрее. Тот то и дело опасливо косился налево и с большой осторожностью ставил копыта на ненадёжную смесь грунта и подтаявшего снега, по которой вёз князя. От чего заметно страдала скорость передвижения.

Князю же сейчас было не до конских страхов – ему дорог был каждый час.

– А ну наддай, волчья сыть! Земляному змею скормлю!

Какой аргумент оказался весомей – шпоры или угроза, осталось неясным, но гнедой действительно наддал. Правда, при этом не прекратил коситься на сторону. Кроме того, начал время от времени испуганно всхрапывать.

У ехавшего сзади Молчана таких проблем не возникало. Его буланый пёр по скользкому склону, словно тур во время гона, не выказывая ни малейших признаков неуверенности.

Прямо как его хозяин. Тот сохранял одинаковое выражение на лице в любой ситуации – хоть на пиру – каковые он, правда, не особо жаловал, хоть посреди лютой сечи.

Как и в том приснопамятном бою в Пустых холмах.

Святослав вспомнил, как бросив наседать на отряд прикрытия, который, как выяснилось, только отвлекал его внимание, он погнал гридней к той злополучной веси.

Однако рыжий волк всё рассчитал правильно.

Времени, понадобившегося Соколовичам, чтобы покинуть своё убежище, атаковать и потеснить полочан, прошедших в долину через главный проход, а затем развернуться и поскакать обратно, ему вполне хватило, чтобы ворваться в поселение, разметать не успевших сбить строй людей Вышаты, и увести оттуда Дуная.

Черноградский князь тогда обогнал всех гридней, даже Молчана, первым влетев на улицы веси. Однако врага там уже не было – только на снегу остывали многочисленные людские и конские следы.

Позже дружинники обыскали в Пустых холмах едва ли не каждую дырку, но так и не поняли, куда ушли полочане.

Всех воев Вышаты – из тех, кто там был, всеславовы мужи буквально изрубили в куски. Уцелел только Дубыня. Людей он организовать не успел, зато сумел прорваться сквозь вражьи ряды. Его впрочем, всеславовы вои не сильно-то и сдерживали, памятуя тяжёлую руку богатыря.

Спасся и сам набольший. Правда, таким способом, что будь он на его месте, Святослав предпочёл бы сдаться в полон. Либо с честью погибнуть.

Вышата тогда как раз решил прогуляться до отхожего места. Поэтому чудом не попался на глаза ни одному из полочан. Когда же он понял, что земляной змей уже раскрыл свои челюсти, чтобы сомкнуть зубы на его мудях, недолго думая сиганул в нужник.

Боярину «повезло» – не смотря на зимнюю пору, было довольно тепло, а его вои хорошо питались, оттого гадили часто и помногу. Поэтому свежих испражнений ему хватило с «головой». А для дыхания он находчиво приспособил ствол наскоро срезанной там же сухой былины.

То-то смеху было, когда его оттуда извлекали! Это даже как-то скрасило горечь от провала всего предприятия.

Набольшему долго никто не хотел подавать руку или даже ратовище копья – потом, мол, не отмоешь. Только когда он начал изрыгать самые чёрные проклятия, ему догадались протянуть вырванную из частокола жердь. А потом обратный выезд задержался ещё почти на полдня, оттого что боярину требовалось истопить баню и как следует вымыться. И всё равно он него ещё долго попахивало, и к старшему Малевичу старались не приближаться с подветренной стороны. Некоторые острословы утверждали, что аромат нужника сопровождает набольшего до сих пор.

Эти же шутники, к числу которых, насколько знал Святослав, в первую голову принадлежал Огура, придумали Вышате новое прозвище. Теперь большинство воев в полуденных дружинах за глаза называли его не иначе как Говнята.

Его же «подвигу» кто-то из бардов, скромно пожелавших остаться неизвестным, посвятил маленькую виршу:

Кричал боярин: «Где подлый враг?»
«Сейчас его я – сотру во прах!»
Врага увидел – и в тот же миг
Боярин храбро нырнул в нужник.

Она в короткое время облетело всё войско, и приобрела в нём бешеную популярность.

Любой на месте Вышаты давно сгорел бы со стыда и покинул войско. И на какое-то время даже уехал из Столицы – отсидеться в имениях пока не утихнут перетолки. Этому же было – что с гуся вода.

«В бою» – отшучивался по этому поводу боярин, – «можно всяко – лишь бы не лечь в раскоряку». Тоже – словоплёт выискался!

Святослав с Молчаном преодолели наконец казавшийся бесконечным склон и выехали к небольшой ростоци, за много лет промытой в яру весенними паводками. В неё оба всадника и направили коней.

У балки было довольно широкое устье с покатым каменистым дном. Затем её края сужались, а русло начинало беспорядочно вихлять из стороны в сторону. Так было оттого, что вешние воды смогли проточить себе путь в теле холма только через мягкие породы камня, залегавшие причудливыми извивами, а твёрдые им оказались не по зубам.

Крутые склоны промоины были практически лишены растительности, поэтому для засады подходили мало. Однако Черноградский князь на всякий случай оставался настороже.

Отправляясь сюда, он сильно рисковал.

Впрочем, у него не было другого выбора.

Очередной поворот остался позади. Гнедой вынес Святослава в маленький распадок между двух невысоких, но довольно обрывистых скал-останцов. Молчан, согласно уговору, остался ждать его позади.

Князю поначалу показалось, что в лощинке никого нет. Однако после того как он сморгнул, изгоняя из ока неведомо как попавшую туда соринку, с его глаз словно спала пелена.

Земляной змей! – опять колдовство? Прямо по центру распадка, промеж двух каменных лбов стоял всадник. Всем своим видом напавший поросшую мхом скалу, пребывавшую здесь с начала времён.

Этому немало способствовала бурая масть его коренастого конька и серый цвет небрежно наброшенного на плечи плаща-накидки. Слабый ветерок слегка теребил роскошные пшеничные усы аршинной длины и не менее внушительную гриву волос.

Да, это был он.

Он пришёл.

– Здравствуй, Медоус! – поприветствовал князь всадника.

Тот какое-то время молчал, в упор разглядывая среднего Соколовича. Потом всё-таки разлепил сурово сжатые губы.

– И ты не хворай, Святослав. С чем пожаловал?

Черноградский князь задумался, как проще изложить этому могучему старику свои мысли.

После неудачной засады в Пустых холмах война в полочанских землях окончательно зашла в тупик. Полуденное войско было вынуждено продолжить затеянную для отвода глаз осаду двух лесных крепостей – бросить её теперь означало потерять лицо. Да и дорога, которую они прикрывали, являла собой кратчайший путь на Закатную Двину и саму столицу княже-

ства. Однако взять их было очень нелегко. Для этого требовалась либо большая кровь, которую они себе позволить не могли, либо много времени, а, соответственно, и пенязей.

А их в казне уже почти не было. Война началась в крайне неудобное время – когда все собранные за год средства разъехали в разные концы полуденных земель, а до поступления новых было по меньшей мере полгода. Кое-как наскребли пенязей, чтобы сколотить обоз, но и тот потеряли в первом же бою. Какое-то время удавалось держаться благодаря награбленному в Менске. Однако затем войско захватывало только лесные крепости, добыча в которых не окупала пролитой крови, да малые веси, где брать было особо и нечего. Разве что провизию. Вои мало-помалу начинали роптать. В общем, всё сводилось к тому, что пришельцам предстояло отступить обратно к Буковым холмам, удовлетворившись уже достигнутым.

Однако чтобы хотя бы удержать за собой захваченную территорию, и на будущий год продолжить войну с тем же раскладом, что и сейчас, во всех захваченных городах и крепостях надо было посадить гарнизоны. Кроме того, в Менске требовалось оставить значительные силы, которые могли бы реагировать на удары всеславовых дружин. Которые, безо всякого сомнения, последуют, как только Соколовичи уведут свои войска обратно. Всем воям, которые останутся на захваченной территории, требовалось платить содержание. Желательно сразу на полгода вперёд. Но сделать это до осеннего оброка было нечем. А наладить сбор пенязей с местных жителей с рыжим волком под боком не представлялось возможным. Ввести чрезвычайный налог на войну можно было только с разрешения всей земли. Точнее совета старейшин – который ещё требовалось собрать. А на это опять-таки ушло бы немало времени.

Ситуацию могла исправить новоградская дань – её должны были привезти в Столицу этой весной. Причём она обещала быть куда больше обычной – до этого покойный Остромир дважды испрашивал позволения отложить её выплату, чтобы потом отдать сразу за три года. Однако именно эту казну коварный Всеволод разграбил во время своего дерзкого набега на Новоград, из-за которого и началась война. Поэтому оставалось только брать взаймы. Либо у ромеев, либо у жидов. Ни у тех, ни у других этого делать не хотелось. Отдавать-то придётся – с изрядным преизлихом. Да те ещё и наверняка вытребуют себе за это какие-нибудь привилегии. В ущерб великому столу и всем правдивым землям. Вот Соколовичи и не торопились отводить свои дружины от этих клятых лесных крепостей, всё-таки надеясь каким-то чудом решить дело за одну зиму.

Седмицу назад они даже подготовили штурм одного из городков. Того, что стоял на левом берегу Ушачей реки – к нему проще было подступиться. Однако едва только ударные отряды выдвинулись на исходные позиции, как на тылы полуденного войска неожиданно обрушилось несколько сотен легкоконных воев. Это оказалось очень неприятным сюрпризом, поскольку разведка давным-давно знала расположение всех наличных сил полочанского князя. А с той стороны, откуда последовал удар, взяться им было попросту неоткуда. Неизвестные вои влетели на замёты и принялись крушить всё, что попадалось им на пути.

По ромбовидным щитам и рогатым шлемам полуденцы распознали в них дикую лютву. Воям, уже изготовившимся к атаке, пришлось разворачиваться и бегом возвращаться к своим становищам. Сеча была яростной, но короткой. Лютва обычно славилась первым наскоком. Враг побежит – они и гонят его, пока не перебьют без остатка. Противник не дрогнет – развернутся и отойдут. Повезёт, мол, в другой раз.

Так всё и вышло. Для атаковавших всё закончилось несколькими десятками побитых. Оборонявшиеся же потеряли почти половину меньше, да ещё и взяли одного, как позже выяснилось – весьма ценного пленника. Зато лютве удалось угнать немало лошадей.

Штурм меж тем оказался безнадёжно сорван. А потом выяснилось и другое неприятное обстоятельство. Верховный вождь лютвы – тесть полочанского князя Медоус – а это именно он прибыл к осаждённым крепостям по зову зятя, разбил свой лагерь в верховьях Ушачьей реки. И принялся оттуда невозбранно совершать набеги на занятые пришельцами веси. Таким

образом, под угрозой оказались сообщения полуденного войска с захваченной им частью княжества.

Ситуация стала практически безвыходной.

Ну а великому князю, похоже, не было до всего происходящего никакого дела. Он был верен избранному для себя образу жизни и особо не задумывался над тем, что же будет дальше. Все решения за него принимал совет. Он только подтверждал их своим словом.

На очередном сборе, который состоялся сразу после неудачного штурма, снова решали, как будут выходить из положения. Вышата зачем-то принялся вспоминать старые байки про свирепость лютвы в бою и жестокость по отношению к пленникам. Кроме прочего, упомянул и про вероломство их старого вождя – Медоуса. Тогда-то Святославу и пришла в голову мысль встретиться с ним лично.

Организовывать всё пришлось в строжайшей тайне. У Черноградского князя ещё слишком свежо было в памяти то, как прекрасная задумка с засадой на рыжего волка провалилась из-за того, что о ней знало слишком много народу.

Теперь в курсе происходящего были только сам средний Соколович, Дружина и Полкан. Да ещё телохранитель Молчан. В надёжности этих воевод князь не сомневался. А к последнему давно уже привык относиться как к собственной безмолвной тени. Которая, в случае чего, защитит от опасности не хуже дюжины отборных гريدней. И уж точно никогда не предаст.

Эти трое и помогли Святославу осуществить первую часть задуманного. Теперь ему самому предстояло выполнить вторую.

Причём крайне осторожно.

– Ты приехал один? – спросил Святослав у Медоуса.

Тот недоумённо воззрился на него, нахмутив косматые брови.

– Ты сомневаешься в моём слове, князь?

Святослав промолчал, но в глубине души всё-таки позволил себе усомниться. У него не было никаких причин не поверить слову обычного дикаря – их за клятвопреступление очень сурово карали собственные боги.

Но, в том то и дело, что этот дикарь был далеко не обычный. А – в отличие от собственных подданных – очень сильно испорченный цивилизацией. До такой степени, что его двор ещё несколько десятилетий назад стал для бардов правдивых земель настоящей притчей во языцех. Как место, где их всегда рады видеть. Кроме того, это дикарь был искушён долгими годами управления небольшим, но гордым народом, живущим в окружении хищных соседей. Да и сам был тем ещё хищником. Именно поэтому Святослав и решил с ним встретиться.

Сейчас же он не исключал вероятность того, что за скалами, между которых лежал распадок, могло укрыться несколько человек. С оружием. А что? – десятка полтора там вполне могли поместиться.

Конечно, вдвоём с Молчаном они могли бы одолеть и такое число. Обычных воев. Но они ведь бывают разные.

Тр-р-ра-а-а-ак!

Со стороны реки неожиданно донёсся громкий звук, похожий на треск ломающегося дерева. Святослав вздрогнул от неожиданности.

– Земляной змей! Что это?

На губах Медоуса появилась саркастическая улыбка.

– Не бойся князь – в его голосе послышалась лёгкая усмешка. – Здесь для тебя нет никакой опасности. Ни от меня, ни от твоего змея. – Это лёд на реке даёт знать, что скоро тронется с места.

Черноградский князь смутился. Как же он сам не догадался?

– Ты встретился со своим сыном? – спросил он Медоуса, чтобы побыстрее сменить тему разговора.

Улыбка с лица старика тут же исчезла.

– Да – ответил он чуть погодя. – Твой человек, который сейчас стоит за поворотом, привёз его. Но я не был рад снова его видеть. Для моего сына было бы лучше порадовать богов, погибнув в бою! Или мужественно принять от вас мучительную казнь.

Князь хмыкнул про себя. Странные эти дикари! Показать противнику спину в бою для них не зазорно, а попасть в полон стыдно?

Хоть бы поблагодарил за своего отпрыска.

– А может он ещё порадует тебя своими подвигами? Покорит многих врагов? Подарит много внуков?

Вождь лютвы нахмурился ещё сильнее.

– Полон – позор и для простого воя. А для сына вождя – вдвойне!

Старик, похоже, разозлился. Это было плохо.

– Это всё, о чём ты хотел со мной поговорить?

Медоус сжал в руке повод своего коня, явно собираясь его повернуть.

Земляной змей! – Не иначе как хочет закончить встречу.

– Нет!

Разговор приобрёл неожиданный и нежелательный оборот, поэтому срочно были необходимы новые ходы. В голове Святослава мысли замелькали со скоростью выпущенных из боевых луков стрел.

– Считаю что это мой первый дар тебе! – немного торопливей, чем нужно было, выпалил черноградский князь. – Но не последний...

Медоус глумливо ощерился.

– У тебя больше нет моих сыновей.

Боги! – какой же он всё-таки неотесанный дикарь!

Или специально разыгрывает из себя эдакого дуболома?

– Это не твой сын, Медоус – уже спокойнее ответил средний Соколович. – Это нечто гораздо более ценное.

Князь мучительно соображал, что же ему пообещать.

– Как тебе понравится, если к твоим владениям присоединятся земли в верховьях реки Немун? Целиком.

Сказал и обомлел от собственной щедрости.

Однако выпад, похоже, достиг цели – в глазах старика мгновенно вспыхнул огонёк заинтересованности. Который, правда, спустя короткое время затушила мутная вода недоверчивости.

Тр-р-ра-а-а-ак!!

Со стороны реки долетел очередной оглушительный звук, предсказывающий скорое начало ледохода.

В этот раз оба мужа не обратили на него внимания.

– Мне это понравится, князь – наконец ответил старик. – Только эти земли принадлежат моему зятю – Всеславу. А ему это наоборот – очень не понравится.

И всё-таки он заглотил наживку!

– Ошибаешься, Медоус – парировал князь – Эти земли сейчас принадлежат мне. Но уже завтра будут твои!

Теперь в глазах старика вспыхнуло яркое пламя жадности. Которое, тем не менее, тоже вскоре потухло.

Вождь лютвы даже дёрнул себя за длинный ус.

– Ты хочешь, чтобы ради этих земель я предал свой союз с Всеславом?

В его голосе звенел металл.

Намекает, что не пойдёт на разрыв? Или торгуется?

Тогда надо ещё сильнее ошеломить его щедрыми посулами.

– Нет, Медоус. Ради них тебе ничего не надо делать. Эти земли я тебе дарю. Просто так. Старик остолбенел и изумлённо воззрился на князя.

Тот мысленно похвалил себя за правильный ход. Нужный эффект был достигнут. Теперь надо было не сбавлять темп.

– И я тебе не предлагаю никого предавать... Я предлагаю заключить союз – со мной и великим князем...

– Против моего зятя?

– Против твоего бывшего зятя...

Вождь лютвы даже поперхнулся.

– Как это бывшего? Моя дочь Снежана вроде как ещё жива.

Разговор наконец-то свернул в нужное русло. Теперь оставалось только вести его по наметенному пути, никуда не сворачивая.

– Это как посмотреть...

Для пущего эффекта Святослав выдержал небольшую паузу.

– Просто, если бы я, вождь, отдал свою дочь ведомой женой, а муж сверстал бы её, а потом взял бы на это место другую, то я бы больше не считал его своим зятем.

Тр-р-ра-а-а-ак!!!

Громогласный треск ломающегося льда словно подтвердил весомость аргумента.

Медоус даже ненадолго впал в ступор.

На самом деле он наверняка давно знал, что Снежана уже несколько вёсен как не ведомая жена Всеслава, и живёт не в столице Полочанских земель, а в городе Ижеславле, отданном ей в личное владение. Однако, скорее всего, не придавал этому значения.

Тем более что раньше ссориться с рыжим волком ему было себе дороже.

Другое дело сейчас – когда Полочанский князь завяз в тяжёлой войне, лишился значительной части своих владений, а его дружины понесли серьёзные, а главное трудновосполнимые потери.

По очумелому лицу Медоуса хорошо было видно, как все эти мысли одна за другой, пронесаются в его голове.

Надо было ковать крицу, пока она мягкая.

– И ещё вождь, я бы в таком случае потребовал бы обратно приданое своей дочери!

Есть! В глазах старика начал разгораться настоящий пожар алчности, который теперь уже и не думал гаснуть.

Оставалось дать ему столько пищи, чтобы он поглотил дикаря целиком.

– Кроме того, Медоус. Свёрстанная ведомая жена по закону правдивых земель может жить своим двором... А может... перейти обратно под руку отца...

Ещё одна эффектная пауза.

– Вместе со своим владением...

Предложение было более чем щедрым.

Более того – оно было просто ошеломительным.

Приняв его, вождь лютвы одним махом округлял свои владения почти на треть.

Ну а обладание Ижеславлем позволяло контролировать довольно обширный участок оживлённого торгового пути – который соединял столицу Полочанского княжества и богатую Волынь.

На одном только собранном там мыте можно было целый год содержать сотню гридней.

И для всего этого требовалось только одно – преступить слово.

Медоус склонил седую голову, глубоко задумавшись.

Князь его не торопил.

Он всё сказал. Ни убавить, ни прибавить больше было нечего. Выбор оставался за вожаком лютвы. Скажет «нет» – можно разворачиваться и уезжать.

Старик думал долго.

Наконец он поднял голову. В его глазах была написана решимость.

Он раскрыл рот...

Тр-ра-а-ак!

Тр-р-ра-а-а-ак!!

Тр-р-р-ра-а-а-а-ак!!!

Слова Медоуса потонули в оглушительном треске начавшегося ледохода.

Последовавший за этим грохот заставил обоих переговорщиков ненадолго оглохнуть.

Вождь лютвы замахал рукой, указывая за спину Святослава. По всей видимости – призывал уехать, поскольку там, где они стояли, стало совершенно невозможно разговаривать.

Князь последовал его совету. Однако перед тем как покинуть это место, украдкой ещё раз взглянул на распадок.

И разглядел несколько выступивших из-за скал тёмных фигур.

Значит – Медоус всё-таки привел с собой людей! – Старый хитрец!

Они так и не дождались от него сигнала. А теперь видимо просто спасались от ледохода.

Правда, это уже было не важно – вряд ли они сейчас на него нападут.

В подтверждение этой мысли, Медоус, поравнявшись с князем, поднял полу плащанакидки, прикрывая их обоих от шума реки и начал что-то говорить. Однако расслышать хоть что-нибудь в страшном грохоте по-прежнему было почти невозможно.

Поэтому старику пришлось наклониться к уху Святослава и буквально проорать:

– Я согласен, князь! Что нужно делать?

Распутица. Остров на реке Лучоса

Если иногда, шутки ради, боги и даруют людям качества, больше свойственные животным, то Военег они явно наградили упрямством быка.

Этот зверь проглядывал чуть ли не в каждой его черте – крепком коренастом стане, широких раменах, суровом лице – как будто вырубленном из дикого валуна несколькими небрежными ударами рубила. Даже в могучей вые, которую он сгибал всякий раз, когда выражал несогласие – словно собираясь забодать соперника.

– Не так, князь! – повторил он в очередной раз, снова упрямо склонив голову, от чего на его шее вздулись тугие валики мышц. – Не по правде чужими землями торговать!

Земляной змей! – Опять конь без уда кобыла!

Поистине бездонная чаша терпения Черноградского князя начала понемногу переполняться.

– Не по правде, Военег – на чужие земли вторгаться. Да знатных бояр без суда убивать! Не так?

Вместо ответа полочанин в этот раз сердито засопел.

– Не я! – а твой князь затеял эту войну, воевода! – продолжил атаку средний Соколович. – Ему и отвечать! Не жизнью – так землями! Или я опять не прав?

Военег насупился, но снова промолчал – против такого ему было нечего возразить.

– Не так, князь – ответил за него Роговолд. – Менский стол – мой. Я на чужие земли не нападал! И никого не убивал! Почему же ты решил, что можешь распоряжаться моими владениями?

Если набольший полочанский воевода походил на могучего дикого быка, то Всеславов первенец больше напоминал молодого жеребца-трёхлетку. Красивого, налитого силой, подвижного, словно капля ртути, но... не очень умного.

Иначе думал бы, прежде чем говорить такие вещи.

– Потому что ты – сын своего отца, Роговолд! И выступаешь в его войске. И Менск ты нам отдал в бою!

– Что с бою взято – свято! – поддержал Святослава рокочущий басок Дружины.

Вышата, по жёсткому требованию князя не раскрывавший рта с самого начала переговоров, усиленно закивал. Мол – средний Соколович дело говорит.

Юный князь вспыхнул, но не нашелся, что им ответить.

Промолчал и третий посол. Возможно, в полочанской троице тот был на тех же условиях что и набольших боярин у полуденцев – до сих пор тоже не вставил в разговор ни одного слова.

И если уж сравнивать всех вражьих переговорщиков со зверьми, то этот всем своим видом напоминал хомяка. Старого грызуна со свалывшейся шерстью и мутными глазками, все мысли которого были заняты только одним вопросом – как поплотнее набить щёки.

Да уж, забавное сочетание – бык, конь и хомяк.

Несведущий человек мог бы подумать, что третьему здесь вообще нечего было делать – мол, пустое место. Черноградский же князь как раз прекрасно знал, что на самом деле этот, невзрачный на первый взгляд человек – обладатель одного из самых острых умов во всём Полочанском княжестве. А то, пожалуй, и в правдивых землях. Потому в этой троице он был самым опасным.

– Войну затеял ваш князь! – повторил Святослав. – Поэтому он должен понести наказание! И возместить нам потери!

Он обвёл глазами послов.

Никаких возражений от них не последовало.

– Вот что предлагает великий князь – продолжил средний Соколович.

И начал излагать условия.

Сначала они вызвали удивление.

Потом изумление.

Более того – с каждым последующим словом лица полочанских послов вытягивались всё больше и больше.

Оно и было отчего – требования полуденцев оказались куда мягче, чем можно было ожидать.

Хотя, казалось бы, всё должно было быть наоборот.

С того дня как средний Соколович встретился с вождём лютвы Медоусом, прошло больше луны. И ситуация за это время поменялась в корне. На всех реках сошёл лёд, а необычно большие снега, которые легли после нескольких метелей в начале зимы, успели полностью растаять. Поэтому сообщение между Буковыми холмами и полуночной частью Полочанского княжества сделалось временно невозможным. При других обстоятельствах это крайне негативно могло сказаться на положении войска пришельцев. Если бы до этого не произошло несколько других важных событий.

К тому времени Соколовичи оставили бесполезную осаду лесных крепостей и перебросили практически все свои наличные силы – кроме небольшого гарнизона в Менске – в восходную часть княжества. Причём сделали это очень организованно и неожиданно для противника. Там они попытались с ходу овладеть Витьбой – вторым по значению и первым по важности городом Полочанской земли, стоявшим на перекрёстке двух торговых артерий. Однако он обладал также весьма мощными стенами и большим числом защитников, поэтому попытка не увенчалась успехом. После неудачного штурма полуденное войско отступило вверх по реке Лучоса, несущей свои воды в Закатную Двину, и остановилось лагерем почти у самого её истока – в том месте, где был устроен волок к другой речке, впадавшей уже в Славутич. Таким образом, Соколовичи перекрыли один из жизненно важных для княжества торговых путей.

Вообще-то, это было не по правде. Закон чётко гласил – война не должна мешать торговле. Но полочанский князь до этого сам неоднократно поступал вопреки всяким законам. Поэтому против него все средства были хороши.

Ситуация поначалу не выглядела особо опасной – стоит Всеславу собрать в кулак все свои силы и хотя бы просто обложить находников, и им не останется ничего другого как только убраться из пределов княжества. Но тут неожиданно вмешалось ещё одно обстоятельство. Рыжему волку вдруг изменил доселе один из самых надёжных его союзников – собственный тесть Медоус. И не просто изменил, а начал против него полномасштабную войну. Причём если на подмогу зятю под осаждённые крепости он привёл всего лишь несколько сотен воев, то теперь его полчища буквально заполонили всю закатную часть Полочанского княжества. Словно он позвал за собой всех до одного боеспособных мужей своего народа. А заодно и подвластных ему племён.

Буквально за седмицу отряды Медоуса взяли под контроль все земли в верховьях Немуна и Виляйки, до кучи прихватив и Ижеславль. Причём практически все городки сами открывали им ворота. Исключение составил только Островец – крепость принадлежащая Дунаю. Освобождённый своим князем из плена богатырь так и не пришёл в себя. В противном случае он бы не позволил лютве безнаказанно хозяйничать на этих землях. А без твёрдой руки печального витязя его люди смогли организовать только пассивную оборону.

Далее лавина дикарей развернулась на полуночь и двумя потоками двинулась в сторону Закатной Двины. Всего через несколько дней, правый из них – составленный в основном отрядами самой лютвы, вышел к берегу могучей реки – буквально в одном поприще от столицы княжества. Левый – куда большей частью входили представители союзных или подвластных Медоусу племён, сделал это чуть позже и ниже по течению – в районе легендарной крепости Кукейнос. Которая тут же была взята в плотную осаду. Узнав об этом, из стана Всеслава сразу ушёл, уведя и свою дружину, знаменитый Колыван.

С ней он умудрился попасть в осаждённую крепость, проскочив буквально под самым носом у врага. Подвиг замкового витязя относился к числу тех, о которых слагают песни. Поэтому он был бы очень удивлён, если бы узнал, что в Кукейнос его пропустили специально. Об этом Медоуса попросил Святослав. Ведь в итоге рыжий волк надолго лишился одного из самых верных своих сподвижников, и дорога в Варяжское Поморье для него оказалась перерезана сразу в двух местах. А его княжество фактически оказалось в изоляции – лютва и дружины Соколовичей перекрыли ему почти все купеческие тракты.

Правда, были свободными дороги на полуночь. Но большая их часть проходила через Слaviю, торговлю с которой Всеслав закрыл для себя сам – дерзким набегом на Новоград. Открытым оставался один-единственный, правда, не очень удобный торговый путь. Но он – как на грех – проходил через холмистую местность, покрытую лесами, которую окрестные народы называли Кудеверью. Тамошние дикари этой зимой отчего-то заозоровали – принялись нападать на обозы и грабить их подчистую. Самих купцов в лучшем случае отпускали голыми. В худшем – приносили в жертву своим дикарским богам. А унять их у рыжего волка сейчас не было возможности. Не приставишь же к каждому саням оружного воя!

Чего уж там – его сил едва хватило выделить против полуденного войска лишь несколько отрядов прикрытия. Чтобы те хотя бы не позволяли Соколовичам чувствовать себя на Лучосе совсем уж полными хозяевами.

Большую часть дружин Всеслав был вынужден повернуть против собственного тестя. Поначалу он пытался отправить на встречу с вероломным дедом его внука и своего первенца Роговолда – чтобы тот попробовал увещевать родича. Однако выяснилось, что кода идёт речь о новых приобретениях, для вождя лютвы родственные связи значения не имеют. Медоус даже не захотел слушать внука, пообещав принести его в жертву богам, если тот захочет снова с ним встретиться.

Поэтому отец и отправил Роговолда от греха подальше – под Витьбу – геройствовать в боях с полуденцами. Ну – или вести с ними переговоры – в зависимости от ситуации. Правда, ни того, ни другого у Кожана – как его называли за глаза, толком не получалось.

Верна оказалась примета – как воевода свой первый бой проведёт – такое ему и счастье воинское по жизни будет. А свою полководческую удачу Роговолд бездарно похоронил под стенами Менска.

У его брата получалось гораздо лучше. Когда Всеслав отправил Волха воевать с лютвой, тот сразу вышиб дикарей из нескольких занятых ими городков. Но тут как назло как раз начали таять снега, и его вой буквально завязли в непролазной грязи.

Так что ближайшие перспективы у Полочанских земель вырисовывались далеко не весёлые. Почти треть из них была захвачена врагом. Другая треть – разорена войной. А все торговые пути – перекрыты. Княжество же сильно зависело от привозного продовольствия, поскольку собственного зерна в болотистой почве много не навывращиваешь. Прекращение же торговли означало и прекращение поставок. В общем, ещё немного, и на горизонте замаячит призрак голода. И если в нескольких больших городах – где были сделаны запасы на случай осады – ещё какое-то время можно было продержаться, то жителям малых весей – особенно в тех, где похозяйничали пришельцы – предстояло взглянуть в глаза старухе Маране уже совсем скоро.

Поэтому неудивительно было, что когда Всеславу поступило предложение начать переговоры, он с готовностью ухватился за эту идею. На небольшой каменистый островок посреди Лучосы, выбранный для их проведения, его послы прибыли буквально через несколько дней.

Эту троицу – собственного первенца, набольшего воеводу и одного из знатнейших бояр, рыжий волк, скорее всего, настраивал на отчаянный блеф – словно при игре в зернь. Они должны были изо всех сил делать вид, что положение осаждённого княжества куда лучше, чем есть на самом деле. А чтобы выторговать более или менее приемлемые условия мира, им сначала следовало изложить собственные – конечно, самые выгодные для себя. С тем чтобы потом начать торговаться, сбавляя понемногу.

И почти наверняка Всеслав обозначил им тот предел, дальше которого уступать полуденцам не следовало. Поэтому было понятно удивление послов, когда после гневной отповеди в ответ на упрёк в неблагородстве Святослав неожиданно озвучил им такие мягкие условия, лучше которых и пожелать было нельзя.

Во-первых, Соколовичи отказывались от территориальных претензий. Полностью. Они были готовы отвести свои войска со всех захваченных ими земель хоть завтра. Если конечно, будет заключён мир. Правда, областей, щедро подаренных пришельцами Медоусу, это не касалось – их рыжему волку со своим первенцем предстояло возвращать самостоятельно.

Во-вторых, великий князь не собирался требовать от Всеслава, чтобы тот признал его старшим братом. Это означало, что полочанские земли сохраняют полную политическую самостоятельность.

И наконец, рыжему волку не надо было отдавать полуденному войску виру за побитых. Это было очень кстати – с начала войны находники потеряли в боях несколько сотен воев. За каждого из которых можно было потребовать не один десяток гривен.

Хотя за одного мертвеца головное заплатить всё-таки надо было. Причём его объём едва ли не превышал откуп, который можно было бы получить за всех остальных погибших сразу. Это был Остромир – убитый Всеславом отец Вышаты. Мало того, требовалось, чтобы Полочанский князь – в знак покаяния в содеянном – прошёл публичный обряд очищения на капище.

На том, что располагалось неподалёку – на водоразделе Лучосы и Славутича.

Если он откажется – мир заключён не будет.

Закончив излагать все условия, Святослав теперь наблюдал за сменой чувств, которые попеременно отражались на лице Военега.

Удивление. Неуверенность. Подозрение. Надежда.

Ещё и за ус себя дёрнул!

Да-а-а уж... Рыжий волк нашёл, кого отправить на переговоры. Если полководцем его воевода был действительно хорошим, то дипломат из него – не пришей кобыле уд. Мало того, говорит – что думает, так ещё и эмоций своих скрывать не умеет.

А поразмыслить послам было на чем.

Условия Соколовичей ясно давали понять – они не имеют ни претензий к народу, населяющему Полочанское княжество, ни амбиций присоединить его к своим владениям.

Основное наказание предстояло понести самому Всеславу. Моральное – поскольку прилюдное покаяние было ничем иным как публичным унижением, и материальное – ведь виру ему предстояло платить из собственной казны. А точнее – из личной доли добычи, награбленной в Новгороде.

Послам же теперь предстояло решить, что лучше – прекратить войну и дать княжеству спокойно вздохнуть, но остаться с опозоренным князем, либо продолжить путь в пропасть, сохранив при этом душевное равновесие своего сюзерена.

По мысли Святослава, выбор был очевиден. Ибо плох тот правитель, который не поступится личными соображениями ради общего блага. Так учил его отец. Другое дело, что средний Соколович никогда бы и не пошёл на поступок, который совершил Всеслав.

Для Военега же, судя по его колебаниям, честь своего князя была не пустым звуком.

Надо было как-то подтолкнуть его к правильному решению.

Только как? – ни посулами, ни угрозами его не проймёшь.

А тут ещё, не дайте боги, снова начнёт бычить шеей и тогда – пиши пропало.

– А в чём великий князь и многоуважаемый Вышата желают получить виру? И в каком размере? – неожиданно подал голос третий полочанский посол.

Тот у него был довольно неприятный – какой-то склизкий, словно овсяный кисель, вызывающий лёгкое чувство омерзения. Раскрыв рот, этот полочанин в глазах черноградского князя сразу перестал походить на хомяка. И превратился в полевую крысу-пасюка. Старую и жирную. Но оттого не переставшую быть хитрой тварью.

Святослава эта метаморфоза настолько удивила, что он даже не сразу нашёлся, что ответить.

Зато не растерялся Вышата.

– Как это в чём? Конечно в золоте!

Сказал и сразу заухмылялся – наконец-то пришёл его час!

– Три берковца – не меньше! – продолжил набольший. – Два мне и один – князю!

Средний Соколович мысленно присвистнул. У набольшего то аппетиты – будь здоров!

От таких запросов обомлели и все остальные послы. Кроме, естественно, самого Вышаты и задавшего вопрос боярина.

– К нашему глубочайшему сожалению, многоуважаемые послы, – ответил он – сейчас во всех полочанских землях не сыщется столько золота.

Ухмылка с лица Вышаты тут же сползла. На смену ей начала проступать недовольная гримаса.

– Может быть, вы согласитесь взять им третью часть? – тут же поспешил продолжить его оппонент. – А остальное мы бы отдали серебром... Или песцом... Или стеклянными глазками...

Лица всех присутствующих повернулись к набольшему.

– Серебром вдвое больше! – тут же нашёлся Вышата. – Песцом втрое, а стеклом – вчетверо!

И тут эти двое, словно заправские купцы, принялись увлечённо друг с другом торговаться. На окружающих посыпалось множество самых разных цифр – от стоимости стекла на новгородских торжищах, до красной цены песцовой шкурки в базарный день в Цареграде.

Этого Святослав понять не мог – разменивать собственного отца на мех или глазки, он бы не стал не при каких обстоятельствах.

Но видимо у Малевичей были другие нравы. А на чужое капище, как известно – со своими идолами лучше не соваться.

Хотя... Говнята есть Говнята.

От всего происходящего на их глазах Военег и Роговолд имели настолько оторопелый вид, что можно было не сомневаться – их роль в переговорах на этом закончена.

Как, похоже, и у Святослава с Дружиной.

Всем четверым оставалось только молча наблюдать, как торгуются между собой эти двое.

Зубр и пасюк. Забавно.

Ну и пусть им. Главное – дело сделано.

Наконец, уже начинавший всем казаться бесконечным торг закончился – стороны ударили по рукам.

Всеслав должен был передать полуденцам берковец золота, столько же серебра, а также вдвое больший объём песцовых шкурок и стеклянных глазков.

– Я передам ваши условия нашему князю – важно заявил Военег, явно довольный тем, что переговоры, наконец, завершились.

Средний Соколович облегчённо вздохнул.

– Когда и где мы получим ответ? – тем не менее, тут же уточнил он.

Воевода сомкнул кустистые брови и наморщил лоб в недолгом раздумье.

– Через седмицу. На этом же месте.

Начало весны. Оржа

– Это что же – кончилась правда в правдивых землях?! Одна кривда осталась?!

Вячко даже захлебнулся от охватившего его возмущения. Он с грохотом поставил на стол поднятый было кубок с мёдом и недоумённо обвёл глазами лица собравшихся.

– Что вы такое говорите, братья? Про отцовы заветы забыли?

Святослав печально усмехнулся про себя злой иронии этой ситуации. Не так давно он сам бросил эти слова в упрёк набольшему боярину. И это было справедливо.

Теперь же они прозвучали и в его собственный адрес. Его и других старших Соколовичей. И это тоже было справедливо.

Но – лишь отчасти.

Вячко сейчас – как и он ранее, процитировал отрывок из «Крамолы земной» – песни знаменитого придворного барда Пенязича, посвящённой междоусобной войне Ярослава Хромого с его вероломным сводным братом. Эти слова там произносил сам великий князь, после того как узнал, что подосланные врагом убийцы жестоко умертвили трёх его младших братьев. Святослав помнил, как отец заставлял его и других своих сыновей учить её наизусть. Как он им объяснял – для того чтобы они не повторяли такого в будущем.

Старшие Соколовичи сейчас ничего подобного делать и не собирались. Хотя, конечно, их замыслы были далеки от завещанной предками праведности. Младшие потомки легендарного героя – по крайней мере, один из них – видимо, впитали её куда сильнее.

Первым, как и следовало ожидать, на обвинение отреагировал Вышата. Он даже швырнул обратно на оловянное блюдо оленью ногу, в которую только что собирался вонзить зубы.

– А ты, князь, нас не срамоти! – сразу завёлся он. – Мы в своём праве! Слыхал, что рыжий волк с моим отцом сделал?

Он, как и Вячко минуту назад, обвёл глазами лица собравшихся.

– Главу рода жизни решить не постеснялся! И где? – в святом месте! На капище!

Однако смолянского князя такая отповедь только раззадорила.

– Уподобившийся волку сам волком обернётся! Помнишь такие слова? – ответил он набольшему другой цитатой из «Крамолы».

Тот, впрочем, не смутился.

– Посеявший зло, его же и пожнёт! – не преминул он козырнуть своим знанием первоисточника. – А зло неоплатное богов гневит!

Вячко сверкнул глазами.

– Зло малое порождает зло большое, боярин! А ты бы – чем в отместку за отца веши зорить да души невинные губить – лучше бы Всеслава на ристалище позвал! Честнее было бы!

Лицо Вышаты начало медленно наливаться кровью.

Однако ответить грубостью на грубость он не посмел. Да и грозить Вячко в его собственных землях ему было несподручно. Тем более что в светлице сейчас находились сразу четыре его родных брата. Хотя и настроенных иначе, чем он. Потому набольший предпочёл смолчать, проглотив плохо замаскированное оскорбление, вместе с мёдом из кубка. Правда пошёл тот плохо – боярин поперхнулся и закашлялся.

Да – сила сейчас явно пребывала на стороне хозяина. И не только потому, что он стоял за правду. Вячко присутствовал в Столице на праздничной тризне в Ярославов день, когда туда пришла скорбная весть об убийстве Остромира. Однако собственной дружины у него тогда ещё не было – Смолянское княжество, где он правил, лежало в самом сердце правдивых земель, и отбиваться от внешней угрозы там не было никакой нужды. А собирать с купцов мыто и поддерживать порядок на торговых путях – вполне хватало городской стражи и племенного ополчения. Поэтому Вячко не выступил сразу в поход в составе полуденного войска, а отправился в свои владения – собирать там добровольцев. Чтобы потом привести их на подмогу. Сейчас – спустя несколько лун, под его рукой здесь, в Орже – небольшом городке, стоящем на берегу Славутича, собралось изрядное войско – почти семьсот готовых выступить на войну мужей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.